В этом номере

НАУКА И РЕЛИГИЯ

12 • 1978

1979
С Новым годом!

НАУКА И РЕЛИГИЯ 12·78

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ОРДЕНА ЛЕНИНА ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА «ЗНАНИЕ»

Год издания двадцатый

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Завершается 1978 год. В докладе на июльском Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев охарактеризовал его как исторический рубеж, год «начала седьмого десятилетия Великой Октябрьской социалистической революции». Для редакции нашего журнала, как и для всех советских людей, это был год, когда начали на деле осуществляться положения нового Основного Закона нашей страны.

Говоря об этих важнейших событиях в нашей жизни, журнал подробно рассказывал о ленинских принципах свободы совести и о том, какое продолжение и развитие они получили в новой Конституции СССР, о социалистической демократии в действии.

Немало места в этом году на страницах журнала было отведено марксистско-ленинскому идейному наследию, а также проблемам комплексного коммунистического воспитания, утверждению диалектико-материалистического мировоззрения. Широко отмечали мы такие знаменательные даты, как первая годовщина новой Конституции СССР, 60-летие ВЛКСМ, 150-летие со дня рождения Н. Г. Чернышевского и Л. Н. Толстого.

Наш читатель мог познакомиться с выступлениями партийных и советских работников, с очерками по морально-нравственным проблемам, с рассказами о новых праздниках и обрядах, со статьями о несостоятельности религиозных учений и суеверий, с заметками и статьями, разоблачающими попытки зарубежных клерикалов использовать религию в политических целях...

Этим номером журнала мы подводим итоги 1978 года. И чтобы лучше удовлетворять запросы читателей в будущем, редакция решила собрать ваши отклики и подготовила для этого анкету (см. стр. 79—80). Ждем ваших ответов на ее вопросы и более подробных писем с мнениями о журнале. Они помогут нам в работе.

ВОСПИТЫВАТЬ

Каждый год наши заводы и фабрики, шахты и рудники, колхозы и совхозы принимают новое пополнение из выпускников профессионально-технических училищ и техникумов. Ропь этих учебных заведений в подготовке рабочей смены трудно переоценить.

Однако сейчас становится ясно, что получить только производственную квалификацию уже недостаточно. Советской стране требуется не просто знающий свое дело и обладающий как минимум средним образованием труженик, но и человек с активной жизненной позицией и высокой нравственностью, идейно закаленный и мировоззренчески убежденный строитель коммунистического общества. На это не раз указывал Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ Л. И. Брежнев. Обращаясь к участникам Всероссийского совещания по вопросам трудового воспитания и профессиональной ориентации молодежи, он отметил, что в настоящее время «первостепенное значение приобретает задача комплексной организации всего дела трудового воспитания молодежи, ее идейно-нравственной и гражданской закалки... Молодежь должна включаться в жизнь глубоко осведомленной о характере труда по избранной специальности и отчетливо сознающей важность активной трудовой деятельности в решающих сферах народного хозяйства».

Такой молодой человек, конечно же, по самому образу своей жизни, по своим установкам и устремлениям весьма далек от религиозной идеологии. А мировоззренческая закалка дает ему достаточную атеистическую убежденность, формирует сознательный материалистический подход ко всем явлениям окружающего мира.

● СЕГОДНЯ мы рассказываем об опыте комплексного коммунистического воспитания в преподавательских коллективах ПТУ и техникумов Омской области. Открывается подборка беседой, которую ведут заместитель начальника областного управления профтехобразования Павел Андреевич Медведко, секретарь обкома комсомола Александр Иванович Ресненко и заместитель председателя научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении областной организации общества «Знание», преподаватель Омского индустриально-педагогического техникума профтехобразования Лариса Михайловна Дмитриева.

П. МЕДВЕДКО. На XXV съезде КПСС перед профессионально-техническим образованием страны была поставлена четкая задача: «Обеспечить подготовку рабочих высокой квалификации из числа молодежи для всех отраслей народного хозяйства прежде всего в профессионально-технических учебных заведениях, позволяющих получить одновременно специальность и общее среднее образование, а также в технических училищах». За этой короткой формулировкой по сути — целая социальная программа.

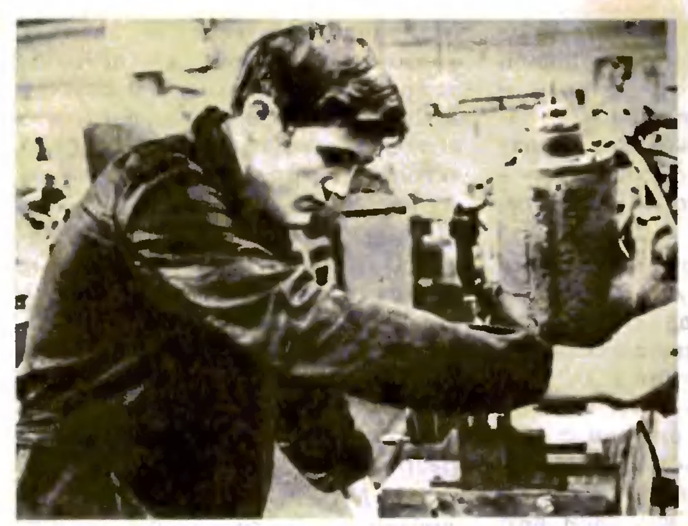
У нас в области — 70 профтехучилищ, в которых учатся 2700 человек. Будущие рабочие, кроме специальных дисциплин, получают в них, как и в обычной средней школе, знания по физике, биологии, астрономии, истории, химии и т. п. Такое соединение общеобразовательной и трудовой подготовки, по моему мнению, лучше всего способствует также и формированию духовного мира человека в целом, закладке основ научного миропонимания.

Л. ДМИТРИЕВА. Думается, особенно в этом помогает внедрение в наших ПТУ и техникумах так называемого проблемного обучения. Иначе говоря, перед учащимися ставится задача — уметь органически связывать изучаемый материал с практикой, жизнью. И это, безусловно, будет способствовать тому, чтобы знания и навыки, полученные в профтехучилищах, ребята могли успешно применять на производстве, быстро осваивать самую современную и сложную технику и технологию. В то же время такое соединение теории и практики уже само по себе ведет к идейной закалке молодых. Ведь они, как правило, судят о мире по своему опыту.

И очень хорошо, что в наших ПТУ широко используются для этого специально оборудованные кабинеты, которые по своему оформлению отвечают самым высоким требованиям. Вот лишь один пример: на всесоюзном конкурсе кабинет политэкономии технического училища № 20 занял первое место. Кроме того, в профтехучилищах области теперь идет постепенное укрепление так называемых межпредметных связей. И надо отметить, что, несмотря на большую сложность в осуществлении такого подхода, эта проблема решается довольно успешно и уже дает весьма ощутимые результаты.

А. РЕСНЕНКО. То, о чем вы сейчас сказали, имеет не только важное практическое, но и большое политическое значение. Ведь речь идет, по существу, о том, кто он есть — будущий представитель нашего рабочего класса. И, думаю, достичь здесь успеха можно, органически соединив профессиональную подготовку с преподаванием общих знаний в объеме средней школы. Тут есть над чем подумать и ученым, и практикам, мастерам и преподавателям, и, конечно же, нам, комсомольским работникам. В частности, свою задачу мы видим в активизации шефства над профтехобразованием. Наша областная комсомольская организация уже начала осуществлять долговременный комплексный план помощи профтехшколе.

П. МЕДВЕДКО. Комсомольские организации наших училищ в последнее время значительно активизировались. Этому способствует и тот факт, что учащиеся наглядно видят результаты своего труда и,

Выпускники технического училища № 22 успешно работают на различных предприятиях Омска.

В канун 60-летия ВЛКСМ агитбригада «Веселый ветер» ПТУ № 68 часто выступала перед своими сверстниками.

На сцене — народный ансамбль омского Дома культуры профтехобразования «Метелица».

РАБОЧУЮ СМЕНУ

конечно, его пользу. Так, в 1976—1977 учебном году учащиеся городских ПТУ изготовили продукции на 5 миллионов рублей, а сельские — убрали урожай со 114 тысяч гектаров.

Жаль только, что средняя школа со своей стороны все еще недостаточно проводит работу по ориентации молодежи на рабочие профессии. Да и руководители многих хозяйств пока мало проявляют инициативы по закреплению молодежи в сельской местности. А ведь в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 30 августа 1977 года «О дальнейшем совершенствовании процесса обучения и воспитания учащихся системы профессионально-технического образования» прямо говорится: «...Улучшить планирование и координацию приема учащихся в профтехучилища, средние специальные учебные заведения и девятые классы средних общеобразовательных школ, обеспечить полное комплектование училищ к началу учебного года». Думается, что трудности наши здесь вполне преодолимы, особенно если поможет комсомол.

А. РЕСНЕНКО. Безусловно, наша общая важная задача — хорошая подготовка смены рабочего класса. Но есть у нас и еще одно не менее важное дело — забота о том, как выпускники ПТУ на производстве работают, как приживаются в трудовых коллективах.

П. МЕДВЕДКО. Здесь, на мой взгляд, интересен опыт технического училища № 22. Его учащиеся изучают историю своего базового предприятия — моторостроительного завода имени Баранова, знакомятся глубже с производством, с его людьми. Учебные группы закреплены за цехами предприятия. Совместным решением администрации предприятия и училища организован смотр работы коллективов завода и училища по профессиональной подготовке и коммунистическому воспитанию учащихся. Насколько мне известно, подобную широкую программу совместной деятельности разработали и комсомольские организации.

А. РЕСНЕНКО. Да, уже два года существует созданный комитетом ВЛКСМ завода штаб по контролю за выполнением учащимися производственных заданий, правильным трудоустройством и использованием выпускников. Заводские комсомольцы проводят рейды, по итогам которых выпускают листки своего «Прожектора».

Или другой пример: комсомольцы училища, существующего при Омском заводе синтетического каучука, участвуют вместе с рабочими предприятия в субботниках. Они заложили аллею дружбы, приняли решение о совместном строительстве спортивного комплекса. Заводская многотиражная газета «Омский каучук» ежемесячно предоставляет одну из своих страниц стенной газете училища «Смена», освещает жизнь его комсомольских групп, ход социалистического соревнования, трудовые успехи выпускников. Кстати, многие из них награждены орденами и медалями.

П. МЕДВЕДКО. В этой совместной деятельности заложены большие возможности. И здесь я выделил бы особо движение наставников. Оно ведь, по сути, — живое воплощение известного ленинского наказа о всенародной ответственности за обучение и воспитание подрастающего поколения.

В Омской области для обучения молодежи рабочим профессиям партийные организации и производственные коллективы выделили 1500 мастеров-наставников, 220 инженеров, 500 техников. И все эти кадровые, опытнейшие работники с честью оправдывают возложенную на них ответственность. Слесарь завода имени Баранова Герой Социалистического Труда Николай Михайлович Васильев даже сказал как-то: «Сколько я помню — всегда рядом со мной ученики». В этих словах заключен смысл жизни многих лучших наших производственников.

Л. ДМИТРИЕВА. Следует добавить, что закрепление учащихся ПТУ на заводах происходит самыми разными путями. Этому способствуют, например, многие трудовые праздники и обряды: «Завод — моя гордость», «Посвящение в рабочие» и т. п. Проводятся они обычно во дворцах или домах культуры предприятий. Выпускникам вручают рабочие путевки, именной инструмент. Традиционными стали на заводах и проводы в армию: каждый молодой рабочий, уходя на службу в Вооруженные Силы, знает, что его будут ждать и с радостью встретят на родном предприятии.

На примере того же завода имени Баранова видно, какой эффект дают такие совместные действия рабочего коллектива и училища: из 812 учащихся прошедший учебный год на «хорошо» и «отлично» закончили 451; 496 выпускников 1977 года получили при аттестации повышенные разряды.

П. МЕДВЕДКО. Примеры подобного содружества между училищем и предприятием не единичны. В ГПТУ № 9, базовом для производственного объединения «Восток», учебный год начинается с Ленинского урока в Доме культуры «Текстильщик». На нем присутствуют ветераны предприятия, его руководители, выпускники училища прошлых лет. Затем все знакомятся с музеем трудовой славы объединения, его славными традициями. На этом предприятии регулярно проводятся конкурсы профессионального мастерства, в которых вместе с рабочими активно участвуют и учащиеся ПТУ. Вообще объединение «Восток» — предприятие в основном молодежное. И в том, что на протяжении целого года оно постоянно держит первое место в социалистическом соревновании по Министерству легкой промышленности СССР, есть, конечно, и большая заслуга выпускников училища.

А. РЕСНЕНКО. Хочу добавить, что интересной формой такой работы стало и шефство над учебными группами комсомольско-молодежных коллективов базового предприятия. Инициаторами выступили комсомольцы Омского шинного завода. Молодые шинники часто встречаются со своими подшефными, проводят в училище тематические вечера: «Моя профессия — электромонтер», «Я — сборщик шин» и т. д. А когда парень приходит на завод после окончания училища, ему помогают побыстрее освоиться на новом месте. Так, лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XVIII съезда ВЛКСМ, сборщик покрышек Леонид Бержеминский помог 24 выпускникам лучше овладеть всеми секретами своего мастерства. Сам он в свое

время тоже закончил это училище и с тех пор активно занимается с молодой рабочей сменой. И совсем не случайно две трети опрошенных учащихся ГПТУ № 54 на вопрос: «Кто для вас является примером на производстве?» — ответили: «Леонид Бержеминский».

Л. ДМИТРИЕВА. Мы, конечно, не ограничиваемся трудовым воспитанием — ведь это только одна из частей, хотя и главная, комплекса коммунистического воспитания подрастающего поколения. Именно в труде юноши и девушки обретают веру в свои силы, учатся по-настоящему понимать, что жизнь — это дело рук и ума человека. Так что отношение будущих рабочих к избранной профессии, к своей трудовой деятельности, безусловно, накладывает отпечаток на формирование их мировоззрения и идейной убежденности.

А. РЕСНЕНКО. Безусловно, заботясь о трудовом воспитании, мы немало времени уделяем и идейно-воспитательной работе. Большое место отводится участию молодежи во Всесоюзном Ленинском зачете. Сейчас он проходит под девизом: «Решения XXV съезда КПСС — в жизнь!» Ежегодно проводятся и Ленинские уроки. Они позволяют соединить изучение ленинского наследия с практикой коммунистического строительства. Во многих профессионально-технических училищах Омска и области созданы ленинские комнаты, музеи революционной, боевой и трудовой славы. В них проводятся различные торжества: вручение комсомольских билетов, посвящение в рабочие, встречи с ветеранами, празднование дней совершеннолетия, проводы в армию.

Юноши и девушки разных училищ области принимают активное участие во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Традиционными стали экскурсии по памятным историческим местам нашего края. Многие учащиеся наших ПТУ побывали в Москве, Ленинграде, Киеве, Севастополе, Бресте и других городах-героях. В ряде училищ действует штаб «Поиск». Ребята не только собирают материалы о прошлом, но и заботятся о создании летописи сегодняшних дней: поддерживают связь с героями труда, пишут о производственных достижениях рабочих коллективов.

П. МЕДВЕДКО. Важное место в общей системе воспитания принадлежит техническому творчеству. Сейчас в 624 таких кружках у нас занимаются более 15 тысяч учащихся; 1900 из них получили удостоверения членов Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов. Смотром достижений наших юных изобретателей становятся ежегодные выставки научно-технического творчества, которые проводит областной Дом техники.

А. РЕСНЕНКО. И добавлю — самодеятельному художественному творчеству. Более 20 тысяч учащихся омских профтехучилищ занимаются в 400 кружках художественной самодеятельности. Один из самых популярных коллективов в системе профтехобразования нашей области — народный ансамбль песни и пляски «Метелица» — существует более 20 лет. Сейчас в его составе — 160 учащихся городских профтехучилищ и недавних выпускников. Практически ни один большой праздник в области не проходит без участия этого прославленного ансамбля. Он выступал в столице — в Кремлевском Дворце съездов и на ВДНХ, в Звездном городке, во многих городах Советского Союза, побывал в Болгарии, Польше, Югославии, Монголии, Японии, Франции и других странах.

Л. ДМИТРИЕВА. Все это способствует воспитанию социальной активности личности. Свой вклад в это дело вносят и пропагандисты атеизма. В 1977—1978 учебном году кафедрой научного атеизма, этики и эстетики Ленинградского государственного педагогического института имени Герцена совместно с областным управлением профтехобразования в нашей области были проведены социологические исследования духовного мира учащихся профессионально-технических училищ. Анализ полученных данных позволил наметить конкретные рекомендации по улучшению коммунистического воспитания учащихся, которые и были приняты на областной научно-практической конференции «Формирование научно-атеистического мировоззрения будущих рабочих в свете решений XXV съезда КПСС».

П. МЕДВЕДКО. Совершенно верно. В большинстве наших профтехучилищ эта работа ведется планомерно, систематически, как, например, в училище № 57. Здесь налажен регулярный выпуск стенной атеистической газеты, создан клуб «Атеист», при котором есть лекторская группа. Члены клуба организуют вечера, конференции, выставки, беседы. Ежегодно в декабре проводится месячник атеистической пропаганды. В библиотеке училища оформлен «Уголок атеиста».

А. РЕСНЕНКО. Добавлю, что комсомольцы этого училища ведут с верующими индивидуальную работу. Однажды сюда поступила девушка с отличной характеристикой и хорошим аттестатом, но не комсомолка. Позже выяснилось: она из семьи адвентистов. Педагоги и ребята из ее группы много заботы проявили о ней. Товарищеские беседы, привлечение к общественным делам дали свои результаты. Девушка перестала посещать молитвенные собрания, начала активно участвовать в общественной жизни, отлично училась. Пришло время, и комсомольцы приняли ее в свои ряды.

Л. ДМИТРИЕВА. Хорошо поставлена атеистическая работа и в ГПТУ № 49. Ведет ее совет, созданный при первичной организации общества «Знание». В его составе — преподаватели, мастера, воспитатели, библиотекарь и учащиеся. Педагогический коллектив в тесном содружестве с атеистическим советом стремятся разнообразить работу, определить наиболее эффективные ее формы. Интересно, например, проходят в училище «Недели знаний». Тематика здесь хорошо продумана, да и подготовка ведется заранее. Во время таких недель читаются лекции, в том числе атеистические, проходит смотр стенных газет, рисунков учащихся, викторины, а в заключение большое массовое мероприятие — КВН или вечер вопросов и ответов. Немаловажную роль в атеистическом воспитании учащихся играют и библиотеки. Так, Лариса Александровна Ковалева, библиотекарь из ГПТУ № 23, знакомит учащихся с ленинскими атеистическими работами, устраивает интересные диспуты, конференции.

А. РЕСНЕНКО. Но это только часть той многообразной атеистической работы, которая ведется в ГПТУ области. Я бы хотел отметить здесь и такую форму приобщения учащихся к ленинскому атеистическому наследию, как Ленинские уроки, о которых мы уже говорили. Это, как правило, тщательно подготовленные комсомольцами конференции, на которых глубоко анализируется та или иная сторона жизни коллектива. Ребята учатся быть по-ленински принципиальными, непримиримо относиться к проявлению пережитков прошлого в сознании людей, по-ленински работать и учиться.

Не только формированию атеистической зрелости, но и повышению общественной активности способствовал, например, урок по работе В. И. Ленина «Об отношении рабочей партии к религии» в ГПТУ № 23. Выступления комсомольцев тут удачно сочетались с рассказом композитора Б. Н. Яркова, в прошлом члена Союза воинствующих безбожников. В конце урока комсомольцы предложили включить в личные комплексные планы пункт: «Выступить перед учащимися училища и рабочими базового предприятия с беседой на атеистическую тему».

Большое распространение в практике работы комсомольских организаций ПТУ области получили атеистические лектории и кинолектории. Следует сказать, что эффективность этих форм зависит не только от лектора, но и от умения комсомольского актива организовать учащихся, привлечь их к систематическим занятиям по основам научного атеизма. Итоговое занятие, как правило, проводится в форме научно-атеистических конференций или тематических вечеров. Интересно, например, прошла конференция «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью» в сельском ПТУ № 14, на которую были приглашены передовики производства, специалисты базового совхоза.

Л. ДМИТРИЕВА. Кроме того, во многих училищах нередко стали проводиться комсомольские собрания, на повестке дня которых — атеистическая тема. Собрание «Как мы выполняем уставную обязанность о решительной борьбе с религиозными предрассудками» прошло, например, в ПТУ № 24. Учащиеся высказали свое мнение о постановке атеистической работы в училище. Были внесены существенные предложения, в частности принято решение создать Клуб атеистов.

А. РЕСНЕНКО. Формированию материалистического мировоззрения у будущих рабочих в последнее время лучше стала помогать у нас и система комсомольской политической учебы. Правда, в ней нет специальных кружков и семинаров по научному атеизму, но в таких темах, как «Биография В. И. Ленина», «Молодежи о партии», «Наш Ленинский комсомол», «Основы коммунистической морали» и другие, заложен огромный атеистический потенциал, который при умелом использовании может способствовать воспитанию убежденных атеистов.

Л. ДМИТРИЕВА. Это очень важно — уметь найти атеистический потенциал в более общих темах и делах. Наш научно-методический совет по пропаганде научного атеизма при областной организации общества «Знание» постоянно ищет пути, как лучше, органичнее вписать пропаганду научного мировоззрения в общий комплекс коммунистического воспитания молодежи.

Особенность профессиональной подготовки будущих рабочих позволяет преодолеть элементы абстрактности в обучении, научить правильно понимать установленные марксистско-ленинской наукой общие диалектико-материалистические закономерности развития природы и общества. В ПТУ изучаются математика, физика, химия, биология, специальные предметы, которые в комплексе с производственным обучением создают прочный фундамент естественнонаучных знаний. Гуманитарные предметы являются базой для важнейших социальных обобщений. Однако неправильно было бы полагать, что при этом у учащихся атеистические взгляды будут складываться сами по себе и никакой специальной работы проводить не нужно.

П. МЕДВЕДКО. Да, действительно, мышление учащихся еще не настолько развито, чтобы они могли с материалистических позиций обобщать изучаемые факты и явления. Думаю поэтому, что вполне правомерно наши преподаватели В. А. Осипов из ГСПТУ № 2, В. Н. Плиско из ГСПТУ № 49, Н. П. Просвиркина из ГСПТУ № 9 и многие другие учитывают этот фактор в своей работе и систематически подводят учащихся к диалектико-материалистическим обобщениям. Они умело формируют атеистические выводы, которые вытекают из учебного материала. Анализ программ предметов, изучаемых в ПТУ, показал нам, что в них отводится вполне достаточно места для формирования научного материалистического мировоззрения и атеистических убеждений.

А. РЕСНЕНКО. Коль скоро разговор зашел о работе преподавателей ПТУ, мне бы хотелось обратить внимание на такой ее аспект. Несмотря на то что часть из них получили специальную подготовку на факультете научного атеизма университета марксизма-ленинизма при обкоме КПСС, далеко не все проблемы по подготовке знающих атеизм пропагандистов у нас решены. Некоторые педагоги ПТУ, например, испытывают затруднения в определении необходимого атеистического минимума в той или иной теме. Это, видимо, нужно будет учесть при разработке учебно-методических пособий для системы комсомольской политической учебы.

Л. ДМИТРИЕВА. Вполне очевидно, что атеистической подготовке преподавательских кадров ПТУ надо всем нам уделять значительно больше внимания. Ведь среди учителей и мастеров производственного обучения есть еще люди, проявляющие мировоззренческую непоследовательность, индифферентные по отношению к религии и атеизму. Такое положение снижает эффективность атеистического воспитания будущих молодых рабочих. Поэтому педагогов и мастеров училищ следует шире привлекать к учебе в вечернем университете марксизма-ленинизма при обкоме КПСС, а также в областной и районных школах лекторов-атеистов при обществе «Знание». Это, безусловно, будет способствовать улучшению мировоззренческой и идейно-воспитательной работы в целом.

Запись Л. МИХАЙЛОВОЙ и Л. ТРУБИЦЫНОЙ

— А СКОЛЬКО У ВАС В ЦЕХЕ ХОЛОСТЫХ ПАРНЕЙ!

Девичья аудитория расцвела улыбками. Но Леонида Бержеминского этот вопрос не смутил. Он, кажется, даже ждал такого или подобного вопроса от этих 17—18-летних девушек, ибо многие из них сейчас решают самые жизненные для себя проблемы. И вот они смотрят на него, известного в стране бригадира: ответит или перейдет «к общим вопросам»!!

— В цехе — не знаю: коллектив у нас около семисот человек, а вот по смене скажу. Здесь у нас десять холостых ребят. Они окончили ваше училище, служили в армии и недавно снова вернулись на родной завод... Но ваш вопрос вовсе не смешной, более того, он законный: начало счастью своему вполне можно и даже нужно искать в цехе...

Делегат XVIII съезда ВЛКСМ Л. Бержеминский.

УРОКИ БРИГАДЫ

В. АНТОНОВ

Это отрывок из разговора, который состоялся в красном уголке сборочного цеха № 1 ордена Ленина Омского шинного завода. Сюда, к своим шефам, пришли из профессионально-технического училища № 52 будущие заготовщицы деталей...

Шефство рабочих завода над учащимися ГПТУ № 52 началось в 1975 году. До этого заводчане чаще встречались со старшеклассниками школ, рассказывали им о производстве автопокрышек, приглашали после выпуска в свой трудовой коллектив. А потом Леонид Бержеминский предложил сделать шефство более целенаправленным. Свою мысль он объяснил так: надо быть ближе к тем, кто готовится стать рабочим, кто завтра займет место рядом с тобой и будет выполнять сменное задание. Надо, чтобы эти парни и девушки узнали нас заранее, чтобы готовились прийти не просто на завод, который поначалу даже пугает их своими размерами и ритмом, а к хорошо знакомым людям, к своим друзьям.

И дело здесь не только в передаче профессионального опыта. «Есть такое понятие — главное движение станка,— говорит Леонид.— На моем сборочном — это вращение барабана, на который я надеваю браслеты при сборке автопокрышек. И у человека должно быть главное движение — движение его души, при котором важно не прятать руки за спиной, а прикладывать их ко всякому полезному делу и не считать себя посторонним в нем. Шел я однажды на работу с ребятами, которым помогал овладеть профессией. Глядим: на улице валяются три брикета каучука, за который, между прочим, золотом плачено. А люди идут мимо, и никто даже не смотрит на них. Подошли мы, и Николай Плиско сказал: «Давайте поднесем их к проходной завода». Взяли мы эти 40-килограммовые брикеты и потащили на завод. Испачкались, конечно. Да разве чище были бы, если бы оказались плохими хозяевами?! Вот тогда я окончательно сформулировал для себя главную мысль шефства: учить работать не только руками, учить трудиться и душой!»

В 1973 году Бержеминский предложил создать комсомольско-молодежную бригаду на сборке. Скептики возражали: труд сборщика сугубо индивидуален, каждый работает в своем ритме, по своим силам и способностям. А потом, нигде на шинных заводах страны не было и нет бригад на сборке. Но Бержеминский, улыбаясь, говорил: «Значит, мы еще не знаем всех тайн коллективизма».

Комсомольско-молодежная бригада была создана. В нее вошли Виктор Кулятов, Михаил Жилонкин, Николай Панов и Ермек Бежигитов. Сегодня эту бригаду знают по всей стране, а лидер ее — один из лучших сборщиков в шинной промышленности, кавалер орденов Ленина и «Знак Почета», лауреат премии Ленинского комсомола, делегат XVIII съезда ВЛКСМ. Недавно он награжден Почетным знаком ЦК ВЛКСМ. 25 марта 1978 года Леонид Бержеминский досрочно — за два года, два месяца и 24 дня — завершил свое пятилетнее задание, изготовил 43 000 покрышек к грузовым автомобилям ГАЗ.

С большой трудовой победой молодого рабочего поздравил Леонид Ильич Брежнев. Отвечая товарищу Л. И. Брежневу, омский сборщик писал: «Хорошо трудятся и все члены комсомольско-молодежной бригады. У каждого сборщика производительность труда возросла на 25—30 процентов. Это позволило пересмотреть бригадные социалистические обязательства. Мы обязались выполнить всей бригадой задание не за четыре, а за три года».

Это сегодняшний день брига-

ды! А ведь всего пять лет назад она только начинала искать свое лицо, свой стиль, свой характер. И не только у сборочных станков...

Идет собрание в красном уголке цеха. Людмила Заматевская спрашивает Бержеминского:

— Расскажите, как вы учились! Трудно было! И что труднее всего!

Удивителен был рассказ Бержеминского о начале его трудового пути. В первый день он собрал 18 покрышек при норме 26. А в пятую свою рабочую смену сдал 27 покрышек. Все удивились: не было такого, чтобы выпускник училища за пять дней «вышел на норму».

— Учился, стараясь полнее использовать время. Срывы, конечно, были, а вот... широких плеч не было, поэтому ребята, отслужившие армию, порой усмехались в мой адрес: ладно, в теории он еще так-сяк, но посмотрим, каким он будет у станка. Это меня обижало, конечно, и я старался побыстрее овладеть приемами сборки. Все шло хорошо, я предвкушал, как удивлю своих товарищей и мастеров. И надо же было такому случиться, что на первое практическое занятие я... опоздал. Просто невероятно, но это так — проспал. Начальник цеха махнул на меня рукой, будто приговор подписал: «А вот этот будет прогульщиком!» Это было жестоко. Да, мой проступок заслуживал суровой оценки, но сказать об этом, как я сейчас считаю, нужно было как-то поиному. Ведь начальник цеха ничего не знал обо мне и мог навсегда отвратить от работы...

Леонид рассказывает все это девушкам, а сам как бы всматривается в себя — того, 17-летнего. Он тоже пережил то время, когда очень хочется сделать много, но умеешь так мало. Тебе говорят: завтра ты будешь делать серьезные вещи. А как сделать так, чтобы оно пришло поскорее. Оказывается, в то желанное завтра не попадешь без труда, без терпения и без веры в себя... Вот поэтому и явились в 1975 году члены бригады Бержеминского в свою первую группу ГПТУ № 52. Пришли, чтобы помочь становлению рабочих характеров будущих сборщиков.

Однажды ребята из бригады Бержеминского пришли в училище сразу после ночной смены. Выглядели они свежими, как будто и не было шести часов напряженной работы.

— Ночная работа, видимо, привычна для вас,— заметили ребята.

— Дело, наверное, не только в привычке, но и в физической закалке,—ответил комсорг бригады Виктор Кулятов.— От сменной работы никуда не уйти. Поэтому всем вам нужно уделять больше внимания занятиям спортом еще в стенах ПТУ и не бросать его и после окончания учебы. У нас в бригаде, например, все спортсмены.

— А кроме того, все мы участвуем в художественной самодеятельности,— добавил Ермек Бежигитов.— Я, например, танцую, Леонид читает стихи...

— Какие?

Бержеминский улыбнулся:

— Свои собственные. Сочинил специально для себя.

— Прочтите.

Когда час утренний прохлады не жалеет,
И новый день стучится в мою дверь,
Когда заводов гул, когда свежо в аллеях,
У мира попросить хочу я жизни две.

— А зачем вам две жизни?

— Интересно жить, интересно работать. Мне говорят: ты удачлив, вот тебе и интересно. Удачлив? Возможно. Но я сознательно ковал свою удачу, серьезно относился к своему делу. А вообще скажу вам: когда человек научился мало-мальски управляться в своем ремесле и уже почитает его малым, несерьезным, временным, позволяет себе не уважать дело, которое, по крайней мере, кормит его,— это грустно. Иные слишком быстро, только-только начали свой профессиональный путь, а уже определяют себе уровень достаточности, конечности в этом, по сути, бесконечном процессе.

Сейчас часто говорят о монотонности труда. И многие ждут: вот придет наука и все за нас сделает. Едва ли! Самим надо помогать науке. Мы, рабочие, многое можем подсказать специалистам. Например, хорошо бы возобновить работу нашего знаменитого когда-то университета рабочих-исследователей. Творчество должно стать неотъемлемой частью труда, тогда монотонность отступит...

Вот такие уроки из месяца в месяц дает в подшефной группе профтехучилища дружная бригада Леонида Бержеминского, стараясь раскрыть перед ребятами не просто секреты своей удачи...

◆ ...КАК-ТО две учебные группы Омского профессионально-технического училища радио и связи № 5 начали друг с другом соревноваться. Назвать победителя оказалось трудно: они одинаково были прилежны в учебе, любили спорт, участвовали в самодеятельности.

И тогда будущие телемеханики решили устроить выставку — показать свое умение мастерить. Она и выявила победителя. В то время ребята не подозревали, что этим соревнованием они подарили училищу новую традицию. С тех пор вот уже 15 лет, дважды в год, здесь проводятся выставки технического творчества учащихся, к которым присоединяются мастера и преподаватели.

Побываем на одной из них. Модели самолетов, стереоусилители, игрушка-луноход, электрогитары, миниатюрные радиоприемники, картины, написанные маслом и сделанные выжиганием, вязаные вещицы и даже... куклы. В общем, здесь представлены изделия, которые изготовили 17-летние ребята и девушки.

Вначале казалось, что выставка ни к чему не обязывает. Но это только вначале. Для большинства учащихся она стала своеобразным отчетом и, прежде всего, перед самим собой: «Как же это так: хочу быть рабочим, а ничего не умею делать руками?!»

Саша Векленко, будущий регулировщик радиоаппаратуры, показывает товарищам свою цветомузыкальную установку, попутно отвечая на их вопросы:

— Почему ты решил сделать ее?

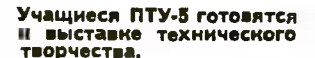
— А я, когда слушаю музыку, обязательно мысленно рисую картины... Вот пошел, например, быстрый дробный ритм — скачет конница; вдруг перебой в ритме, что, командир убит? а где знамя?.. И снова отряд летит вперед, сверкая шашками... Я и подумал: не поможет ли цветомузыкальная установка яснее представить мои музыкальные картины?.. Конечно, хорошо бы такую сделать, с помощью которой музыка действительно превращалась бы в зрительные образы. На телеэкране, например. Фантастика? Когда-то и телевизор был фантастикой.

Интересно, что Саша и в школе

широко, с перспективой. Учебный телецентр создавали буквально все учащиеся ГПТУ. И можно понять их радость, когда он заработал.

Творческий урок не прошел даром для воспитанников училища. Многие из них впоследствии стали квалифицированными рабочими, а некоторые, поработав на производстве, вернулись сюда мастерами. Сейчас они со своими учениками тоже изготавливают интересные экспонаты. Например, преподаватель Г. В. Михайлов помог ребятам создать тренажер, облегчающий чтение перфолент, а мастер В. М. Клименко с пятью будущими регулировщиками аппаратуры сделали действующую модель колебательного контура, отмеченную

Учащиеся ПТУ-5 готовятся к выставке технического творчества.

В. ЧЕКМАРЕВ

ЖИЗНЬ-ТВОРЧЕСТВО

занимался техническим творчеством, а в училище его увлечение стало страстью: на первую выставку он принес электрогитару, на вторую — прибор для проверки транзисторов. И вот сегодня — цветомузыкальная установка. А рядом — фантастическая мечта. Разве это плохо?! И таких ребят здесь немало.

Ну, а как же быть с теми, кто себя еще никак не проявил. Что же, махнуть на них рукой? Нет! В училище в каждой учебной группе создан кружок технического творчества. Там всем находится дело. Кстати, наглядные пособия бывают разные. Вот, например, в 1966 году учащиеся изготовили действующий (увеличенный) макет триода. Его создатели, среди них и несколько «неумеек», были награждены медалями ВДНХ СССР. А макет побывал не только на многих выставках страны, но и в Болгарии, Чехословакии, Финляндии и ФРГ.

К этому же времени относится и создание в училище своего телецентра, который предложила соорудить группа преподавателей во главе с заслуженным мастером профтехобразования РСФСР А. Л. Цыбулькиным. Многие сомневались, однако инициаторы были не только энтузиастами, но и людьми, мыслящими медалью ВДНХ СССР. Кстати, молодые умельцы завоевали уже 64 медали Всесоюзной выставки.

Такое отношение юношей и девушек к изобретательству воспитывает и веру в свои силы: «Действительно, и не думал, что во мне самом скрыто столько способностей: пожалуйста, стал изобретателем, правда начинающим, но это только начало».

Интерес к самому себе! Вот ведь как повернулось увлечение. На эту тему мы разговаривали с преподавателем эстетики училища В. В. Лендясовой.

— В свое время я выбрала рабочую гипотезу,— сказала Валентина Васильевна,— которая заключается в том, что настоящий интерес человека к собственной личности отражается на его судьбе самым существенным образом. В частности, может заметно повлиять на его профессиональный рост. И вот я пробую развивать у своих учеников подобный интерес.

— Каким же образом?

— Методик, конечно, нет. Даю, например, задание: написать сочинение «О себе», а потом второе — «О моем товарище». Читать эти сочинения — большое удовольствие. Правда, не все решаются по-настоящему себя критиковать, но вот товарищам нередко достается. Есть и смельчаки, которые говорят о себе достаточно откровенно... По материалам таких сочинений провожу диспут, потом помогаю ребятам составить программу самовоспитания.

Что же делает педагог по эстетике в профтехучилище за те месяцы, что отведены ему программой? Водит ребят в музей, на концерты симфонической музыки? Конечно, но не только. Валентина Васильевна приглашает на урок, например, лучших парикмахеров города, призеров союзных и республиканских конкурсов профессионального мастерства. И это очень хорошо, потому что на таких встречах ребята и девушки постигают на практике, что такое быть красивым и как важно быть красивым повседневно. А еще педагог вовлекает их в диспуты о равнодушии, о достоинстве, девичьей гордости, учит понимать юмор... Да мало ли жизнь задает вопросов! Как ответить на все?

— А на все и не надо отвечать,— замечает Валентина Васильевна.— А вот найти свою «тропинку», по которой предстоит идти в своей жизни, помочь надо. Был у нас однажды диспут о современном молодом рабочем. Сначала разговор шел

о качестве продукции. Принесли мы два молотка, изготовленные в мастерских училища. Один был произведением современного рабочего искусства, а другой...

— Это же каменный век!..

Грянул смех. Диспут нащупал верную «струнку»... Потом разговор зашел о дисциплине. И вот первое открытие: дисциплина — не только список того, чего нельзя делать. А еще?.. Дисциплинированный человек — счастливый человек.

— Это почему?

— А как говорят философы? Осознанная необходимость освобождает человека. Вспомните таблицу умножения: пока ее не выучишь наизусть—на тебе камнем висит, а выучил — она тебе помогает...

На тот диспут пришел один из шефов — ветеран Омского электротехнического завода имени К. Маркса. Он взял слово.

— Какова же формула счастья,— рассуждал рабочий.— Говорят, у каждого она своя. Верно. Но в главном она одинакова для всех: когда работа по душе. И люди тебя уважают.

— А заработок?

— Не торопитесь. Заметьте, в любом деле как бы негласно присутствует дисциплина. Ведь никакая работа тебе не понравится, если ее делать через пень-колоду. Значит, дисциплина — это делать все на совесть. И, естественно, хороший заработок, о котором вы спрашиваете, без дисциплины просто немыслим... Дисциплина - учит, дарит силу и лечит от слабости. Помните, как писал поэт Михаил Светлов: «Дисциплина солдат была медицинской моей сестрою»...

Разве забудется этот разговор? Думается, он помог каждому из его участников заглянуть в себя: а как я поступлю, как буду работать?

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Э. ТАКЕЛЛО,
председатель научно-методического совета по пропаганде научного атеизма при правлении Омской областной организации общества «Знание»

Л. М. Дмитриева.

Студенты Омского индустриально-педагогического техникума оформляют уголок атеиста.

Омский индустриально-педагогический техникум профтехобразования. На традиционной «Неделе атеизма» идет пресс-конференция ученых по проблеме: «Человек, природа и окружающая среда». Актовый зал полон. На сцене — доктор технических наук профессор А. Ф. Плонский, доктор медицинских наук профессор Ю. Н. Тарасевич, доктор биологических наук профессор А. М. Тамбовцев. Ведет пресс-конференцию преподаватель техникума Л. М. Дмитриева.

В газете «Омская правда» заметка: «В большом зале Центрального лектория состоится открытие городского клуба «Молодой атеист». Выступает агитбригада индустриально-педагогического техникума». Честь открытия этого клуба по праву была предоставлена питомцам Ларисы Михайловны Дмитриевой.

Областная научно-практическая конференция «Формирование материалистического, атеистического мировоззрения будущих рабочих в свете решений XXV съезда КПСС». Доклад «О системе атеистического воспитания учащихся в профессионально-технических училищах» сделала Л. М. Дмитриева.

Таковы лишь некоторые эпизоды той работы, которую ведет Лариса Михайловна — заместитель председателя нашего научно-методического совета.

Как же хватает ее на все эти дела и какие качества позволяют ей «болеть» ими долгие годы?

Я ответил бы так: увлеченность, целеустремленность и доброта. Атеистической работой Лариса Михайловна увлеклась давно. После окончания Омского политехнического института она поступает на вечернее отделение исторического факультета педагогического института. Сначала это решение было еще вызвано абстрактным стремлением инженера «гуманизировать» свое образование. Но со временем Дмитриева все острее чувствует свое педагогическое призвание. Так что приход инженера-педагога в Омский индустриально-педагогический техникум был закономерен. Но вот то, что она избрала для себя не техническую дисциплину, а обществоведение, многих удивило. Параллельно ей поручили вести занятия и по научному атеизму.

С увлечением берется начинающий педагог за работу, много выдумки вкладывает и в преподавание, и в атеистическое воспитание учащихся.

Вот как, со слов Ларисы Михайловны, все начиналось:

На столе лежали десятки тетрадей с сочинениями на тему «Мое отношение к религии», и нет ни одного, из которого можно было заключить, что автор верующий. Но какова же общественная позиция моих учеников! Кто они — убежденные атеисты или просто люди неверующие! Задерживаю взгляд на тетрадном листочке: «Сейчас, на современном этапе, религия безвредна». Вот тебе и раз! Это говорит будущий мастер-воспитатель. Еще один листок: «Религиозные праздники, по-моему, вреда не приносят...» Словом, сочинения показали, что атеистическим воспитанием придется заниматься основательно.

В то же время Лариса Михайловна все острее чувствует пробелы в своем образовании. Она поступает на атеистическое отделение вечернего университета марксизма-ленинизма и оканчивает его. И вот теперь, получив основательную фило-

Знаете, с чего начинается в училище воспитание? Всем группам дается задание: подготовить не менее 15 самых разнообразных номеров художественной самодеятельности. Согласитесь, придумано неплохо. Ведь редко кто из юных не увлекается кино или театром, некоторые даже хотели бы попробовать себя и на сцене, но стесняются или не случалось удобного момента. А здесь, в училище, хочешь — не хочешь, стесняешься — не стесняешься, умеешь — не умеешь, обязан выйти на сцену: читай стихи, пой в хоре, пляши. И не удивительно, что в училище традиционно сильна художественная самодеятельность.

Тут уместно рассказать вот о чем. У девчат и ребят из училища есть притягательный магнит — широко известный в стране народный ансамбль песни и пляски Омского дома культуры профтехобразования «Метелица». Ансамбль постоянно черпает молодые таланты как раз из училища № 5. Было время, когда в «Метелице» пели и танцевали более трети его учащихся и выпускников.

Пусть из нынешних ребят не все станут солистами «Метелицы». Важно, что они поверят в себя, в свои силы, возможности, научатся чувствовать. Хотя это, по словам Сухомлинского — самое трудное, во всяком случае, нелегкое занятие. Научатся чувствовать силу знания, весомость и смелость мастерства в своей профессии, научатся понимать жизнь как творчество — и на рабочем месте, и на сцене, и в дружбе.

...Никто не говорит, что им в жизни будет легко. Будут трудности и неудачи. Как без них? Но что они могут значить для этих ребят, которые уже познали сладость в том, чтобы «растянуть день»: лечь попозже и завести будильник на «рано-рано».

софско-атеистическую подготовку, она со знанием дела начинает рассказывать ребятам о социальных корнях религии, причинах ее существования в социалистическом обществе, доходчиво разъясняет политику Коммунистической партии и Советского государства по отношению к религии и церкви.

Пришло время, когда лекционных часов уже стало ей не хватать... Дмитриева собрала учащихся и предложила создать школу лекторов-атеистов в техникуме. С интересом слушали ребята циклы лекций об ораторском мастерстве, составляли каталог литературы по научному атеизму, создавали фонотеку магнитофонных записей лучших лекторов-атеистов. Много спорили ребята, перечитывали книжные новинки, пока, наконец, родилась тема одной лекции, затем — другой, третьей. Слушатели школы подготовили рефераты, которые легли в основу их выступлений в группах техникума, в училищах и школах города. Первое серьезное выступление — перед своими товарищами. Закончится лекция, начинается обсуждение — высказывают пожелания, советы.

«А что, если лекцию сопроводить диафильмом?» — предложил кто-то. Идея понравилась. И вот уже Валерий Башкатов готовит диапозитивы на тему «Новые праздники в быту омичей». Молодые лекторы изготовили альбомы и фотостенды, организовали передвижную выставку атеистического плаката, которая экспонировалась в школах и училищах Ленинского района.

Сейчас в техникуме есть специальный уголок атеиста, который периодически обновляется. Здесь молодые пропагандисты могут увидеть книжную новинку, календарь атеиста, познакомиться со стенной газетой. Регулярно проводится атеистический час, на котором делается обзор журнала «Наука и религия» и новинок литературы. А недавно здесь появился и новый факультатив — научного атеизма. Обобщив опыт атеистической пропаганды в условиях Омской области, Дмитриева совершенствует ее формы и методы, еще активнее приобщает будущих мастеров к общественно-политической практике, основам воспитания... Так в стенах техникума формируется пропагандист, который, впоследствии, придя в новый коллектив, сможет стать знающим организатором атеистического воспитания.

Володя Аркашов начал выступать с лекциями по атеизму еще в техникуме и увлекся этим делом. Сегодня мастер производственного обучения В. Аркашов — активный пропагандист атеистических знаний среди учащихся.

Нередко Л. М. Дмитриева получает от выпускников письма, в которых они рассказывают, как школа лекторов-атеистов, общественно-политическая практика помогают теперь им в самостоятельной работе, в воспитании людей. А бывает, просят прислать методические разработки, наглядные пособия, советуются. Читает такие письма Лариса Михайловна и радуется: ее питомцы! И вспоминает, как впервые давала им поручения — выступить с лекцией в своей группе. Все начиналось с малого.

Два года назад Л. М. Дмитриевой представилась возможность поехать в составе туристической группы за границу, в Италию. Там Ватикан, собор святого Петра. Как упустить такую возможность увидеть все своими глазами? И потом рассказывать притихшей аудитории об этой поездке.

А летом этого года она снова побывала за рубежом — в Монгольской Народной Республике. И хотя поездка опять была туристической, Лариса Михайловна рассматривала ее и как рабочую командировку: на цветных слайдах, которые демонстрировала она по приезде на заседании нашего научно-методического совета,— не только красоты природы этой страны, но и буддистские монастыри, паломники, ламы. И льется увлекательный рассказ. Так рождается очередное выступление на тему «Современный ламаизм»...

Обстоятельность — вот что отличает подход Л. М. Дмитриевой к проблемам атеистического воспитания. Она не остается, например, безучастной к фактам встречающейся еще религиозности молодых людей или их безразличного отношения к религии. Вот так и родилась у нее идея, которую она сейчас разрабатывает: «Методические и теоретические проблемы формирования научно-материалистического мировоззрения рабочей смены». Проведены социологические исследования, составлены анкеты, накоплен интересный материал. Цель этих исследований — дать такие рекомендации, которые сделали бы атеистическое воспитание более эффективным.

ДУША РВЕТСЯ

В нашей редакционной почте встречаются письма, авторы которых жалуются на неблагоприятные обстоятельства, неудовлетворенные запросы и нередко ссылаются на рок, судьбу. Прочитаешь подряд несколько таких писем и начинаешь сомневаться: может, у судьбы и впрямь есть избранники, получатели даровых радостей и благ, а есть и обделенные. На поверку, однако, оказывается, что чаще всего авторы таких корреспонденций сами виноваты в своей незадачливой судьбе. Не предопределение, не рок мешают им, а неумение или нежелание разобраться в себе и в окружающем, тяжелый характер и т. п.

Что и говорить, различные обстоятельства могут врываться в жизнь человека, порой могут стать причиной трагедии. Но вот что поразительно — ничто не может сделать судьбу тусклой или лишенной смысла. Характер, содержание придает ей сама личность. Одни люди вступают в поединок с обстоятельствами и подчиняют их строю своей души, а другие сдаются, даже не начав боя.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Командировка моя складывалась неудачно. Семья, куда я приехала, была несчастлива. Новый кирпичный дом стоял пустой, недостроенный, после ругани и драк из него почти все разъехались. И теперь втолковывали мне, кто сколько денег вложил в дом, кого следовало туда прописать, кого — нет.

Было в этой семье и истинное горе: в недостроенном доме жила с матерью больная женщина, особенно остро переживавшая семейную распрю и свое одиночество среди людей, задавленных будничными, пустяковыми хлопотами. «Друга у меня нет, — сказала она мне, — я хочу иметь друга». Чем я могла ей помочь? Друг — не патентованное лекарство, его не получишь по заказу. Женщина показала мне свою переписку с различными людьми. Легко было увидеть, что такого рода поиски друга, писание по случайным адресам плодов не приносили. И вдруг это письмо.

«...Мне год от году становится все хуже, дальше письменного стола никуда. Но душа рвется к людям. Люблю детей и литературу. Очень люблю цветы... Добраться до меня вот как: на автобусе до города Богородска, а оттуда до деревни Заозерье. Галя Удалова».

Стройные, крепкие буковки. Я нашла еще несколько листков с тем же почерком. Кто эта неведомая Галя, на расстоянии угадавшая душевную боль незнакомого человека и столь щедро, искренне и тепло ему ответившая? Я и сама ожила и впервые свободно вздохнула в этом душном доме. Но тут мне попалась еще одна открытка:

«Пишет Вам племянница Гали. Галя умерла 19 июля 1977 года».

Умерла?!

Но даже это известие не могло меня остановить — я должна была узнать об этой девушке как можно больше. «Если сейчас отправиться в Горький, — решила я, — успею на богородский автобус, и еще сегодня попаду в Заозерье»...

ЗАЧЕМ ПИСАТЬ О ГАЛЕ!

Деревня стоит в открытом поле, на могучем пологом холме недалеко от Оки. Галин дом блестит свежей зеленой краской, украшен резьбой, опрятен (молва нарекла жителей этих мест «богородскими чистоплюями»). Как входишь: направо — печь с лежанкой, прямо — стол, скамья, набор чугунов и ухватов, на стене — ходики с гирьками. Это «стряпушечья». За легкой перегородкой — жилая ком-

Как, по каким законам складывается судьба человека? В наших ли силах самим строить ее или все здесь предопределено заранее? На эти вопросы религия давала и дает однозначный ответ: все, мол, в руках божьих. И порой даже люди, далекие от религии, говорят: «От судьбы не уйдешь», «На роду написано» и т. д. Это не просто словесные штампы; расхожая мудрость такого рода — по сути, религиозный пережиток — служит оправданием пассивности, неумения разумно строить свою собственную жизнь.

Известна истина: хочешь переделать мир — начни с себя. Прежде чем эта простая мысль завоевала умы и сердца, человеку пришлось многое преодолеть в себе. И главное — веками внушаемую мудрость: человек предполагает, а бог располагает, человек — тростник, ветром колеблемый, «кто из вас, заботясь, может прибавить себе росту хотя на один локоть», как говорится в Евангелии. В нашем обществе большинство людей прежде всего отличает неприятие такой «мудрости», активная жизненная позиция.

Очень важно не терять веру в себя и свои силы, не надеяться на предопределение свыше, а строить себя и свою судьбу, как архитектор конструирует дом, как садовник закладывает сад. Кто не хотел бы этому искусству научиться? Но дается оно не сразу, идти к нему надо постепенно, ставя перед собой скромные цели на каждый день. И помнить при этом: в самовоспитании не бывает мелочей.

В этом номере мы знакомим читателей с двумя человеческими судьбами. Речь идет о людях с различными характерами, поставленных в различные жизненные обстоятельства. И все-таки в самом главном они между собою сходны — их сближает сознательное и активное отношение к своей судьбе, способность не падать духом при тяжелых обстоятельствах, а, напротив, подчинять эти обстоятельства своей воле, идти к поставленной цели и таким образом приносить пользу и себе и людям.

К ЛЮДЯМ

И. БАЛЛОД,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ната. Печка хорошо, чисто побелена, отчего по всей «стряпушечьей» идет мягкое сияние.

— Отец у нас печник был. Сам выложил. Его тут все знают, он и до войны печки складывал,— Глафира Михайловна, мать Гали, немногословна и мягка.

Вот Галин письменный стол, вот кровать. Я всего на три месяца опоздала! Еще летом могла бы взять ее за руку, поговорить.

— Глафира Михайловна, можно посмотреть Галины тетрадки?

К нам подсаживается старший брат Гали — Виктор, красивый, черноволосый. Сидим втроем, тихо говорим о ней.

— До двенадцати лет здоровенька была, по лыжам первая в школе. И вдруг стали пухнуть у нее лодыжки, — рассказывает Глафира Михайловна.

— А училась хорошо, — подхватывает Виктор, — память у нее была прекрасная. Музыку любила, всех певцов знала, песен списанных осталась целая тетрадь... Многие ее любили. Когда умерла — на поминки человек сто собралось, а на кладбище проститься пришло не меньше двухсот. Почему? Значит, было в ней что-то... А вы, хочу спросить, писать про Галю будете?

Я ответила, что попытаюсь.

— Зачем ее беспокоить? — боясь обидеть меня, но с внутренним неодобрением вступила Глафира Михайловна.

Меня застали врасплох ее слова. В самом деле, что мой журналистский азарт в этом тихом доме, рядом с горем? Помнят, любят, хорошо похоронили. Зачем писать о Гале?

Но Галины тетрадки, записки, газетные вырезки с заметками на полях говорят о том, что здесь жил напряженной духовной жизнью интеллигент — в лучшем смысле этого прекрасного слова.

Родные Гали и не подозревали о мощных глубинных процессах, происходивших в ее сознании. Они уважали в ней трудолюбие, тягу к учебе, умение противостоять обстоятельствам. А то, что она писала в своих блокнотах, до сих пор считают детской забавой или развлечением больной, которая хотела как-то себя занять. Между тем и мастерство Галиного отца-печника, и чувство собственного достоинства, деликатность и уважительность матери, и пристрастие к книгам брата — все это корни, определившие духовный облик этой незаурядной девушки.

«РУКАМИ МИР ПОТРОГАТЬ...»

За несколько месяцев до смерти Галя скажет одному из друзей: «Когда мне очень больно — я читаю сказки». В первом своем опубликованном рассказе Галя вспоминала свою учительницу Людмилу Анатольевну:

«...Зимним коротким днем, когда в классе становилось холодно, худые детские плечи укрывались платками, шарфами, пальто,— только бы не идти домой... Читают сказки. Двадцать пар любопытных глаз смотрят на молодую учительницу с тихим голосом и очень добрыми глазами. Двадцать душ слились в одну. Все горят бескорыстным желанием помочь Елене Прекрасной, с ужасом ждут конца борьбы между добрыми и злыми силами...»

В сказке сконцентрирован тысячелетний опыт нравственных переживаний человечества, и опыт этот оптимистичен. Внимательный читатель ее непременно ощущает себя в правильно упорядоченном и крепко сколоченном духовном пространстве. Именно таким читателем была Галя. Близость природы, обилие неба, полей и леса вокруг еще более обостряли радость переживания своего бытия в этом цельном, слаженном мире. Потому так радостны первые ее стихи:

**Все в мае необыкновенно:
Узоры легких облаков,
И слабый шелест разнотравья,
И эти ночи без закатов,
Они на сотни голосов
Поют пахучими ветрами...**

Галя стремится соприкоснуться чувством с каждой вещью—может быть, предчувствуя, что не досмотрит, не доживет.

Обращаясь к людям, она ищет и тут такого же лада, как тот, что царит в природе. Ей необходимо разобраться во всех сложностях и тонкостях человеческой жизни:

**Шагая вровень с веком,
Не магом и не богом,
Хочу быть человеком,
Руками мир потрогать.
Хочу узнать, какой он,
И что всему причиной...**

Не боясь ярлыков «мечтательницы» и «чудачки», Галя изо всех сил старается подняться выше мелочности и обыденщины. В одном из писем она пишет: «Жизнь, с огромной насыщенностью разными делами, думами, чувствами, нельзя сменить на мелкий быт, ничего не заметив, словно раздробив жизнь на кусочки...»

РЕДАКЦИЯ. МОКЕЕВ И КАСАТКИНА

Сотрудница богородской газеты «Ленинская победа» Вера Александровна Касаткина заехала в Заозерье, чтобы собрать материал о соревновании доярок. Шла к автобусу. Увидела на крыльце избы девочку, рядом лежали костыли. Подошла, заговорила. Галя открылась: пишет стихи. «Пришлите в редакцию»,— сказала Касаткина. Галя решилась и послала. «Ваш материал нам понравился, — ответила Касаткина, — присылайте еще». Галя послала.

«Получили ваши стихи. Одно из них у меня сразу же забрал Мокеев для «Литературной страницы». Оно пойдет, наверное, без всякой помарочки. Это очень редкий случай, чтобы первое стихотворение пошло сразу в газету без правки. Так что можете гордиться... «Уроки доброты» тоже дадут в «Литературную страницу».

Вместе с номером «Ленинской победы», в котором напечатан первый Галин рассказ, она получила записку от редакции: «Сердечно вас поздравляем! Желаем больших творческих успехов и счастья».

Сказочно легкий дебют! Но Гале не просто повезло. Газета «Ленинская победа», существующая с 1930 года, загруженная всевозможными хозяйственными задачами, не забывает о необходимости расширять духовный мир своих читателей, не забывает о своей культурно-просветительной роли. Такова давняя местная традиция: еще в 20-е и 30-е годы тут выходили литературные сборники, в которых пробовали свои силы местные молодые литераторы, действовала художественная студия.

Заместитель редактора А. А. Мокеев задумал и подготовил фундаментальный альбом. В нем — история духовной жизни района, цепочка имен и биографий живших здесь людей с художнической или просветительской жилкой. В 1888 году, например, в деревне Дуденово (в двух километрах от Заозерья) родился поэт Н. С. Власов-Окский, автор многих книг стихов и рассказов. Отсюда же родом поэт-правдист А. А. Белозеров. В Богородске жил многосторонне одаренный человек—В. А. Рождественский, поэт, музыкант, художник, основатель детской музыкальной школы, организатор литературной группы. А в 60 километрах от Заозерья, в поселке Вача, жил поэт Иван Морозов — лауреат премии Бориса Корнилова. Как и Галю, его в начале творческого пути поддержала районная газета.

Александр Андреевич Мокеев — Гале:

«Чтобы не писать слишком много, я сделаю пометки на полях. Тебе покажется, что я слишком придирчив. Если ты думаешь всерьез заниматься поэзией, то я, думаю, придирчив в меру. Пиши и присылай».

«...Я не знаю, как ты реагируешь на мои замечания, соглашаешься или нет, но все же хочу сказать то, что, мне кажется, надо сказать. Я, конечно, не теоретик, и меня можно не слушать, к тому же люди стихи понимают по-разному, иногда диаметрально противоположно. Мне кажется, первое стихотворение утяжелено, много образов, мало динамичности... И где-то уже было это, не у Есенина ли! Стихотворение «Грохотала война» пока лежит. Что-то не очень нравится нам. Может быть, ты сама найдешь лучший конец для него».

А вот отрывки из переписки В. А. Касаткиной с Галей.

«Здравствуйте, Галя! Сегодня говорила с заведующей районной библиотекой о том, как организовать для вас возможность пользоваться межбиблиотечным абонементом. Вам надо написать по адресу...»

«Вера Александровна, сделайте, пожалуйста, так, чтобы «Три источника...» Ленина находились в редакции. Через неделю папа поедет в библиотеку и зайдет в редакцию и вам за книгой. Мне уже принесли первый номер «Юности». Раскаиваюсь, что не спросила вас, как получать Блока: или придет по почте каждый том, или я должна обращаться в Когиз!»

«Галя, сегодня сообщили из библиотеки, что журнал «Русская речь» на ваше имя уже пришел».

«Как прошло очередное собрание литгрупповцев! Не знаю, есть ли у меня на это право, но мне хочется знать, чем живет редакция. Надеюсь, вы не упрекнете меня, если я просто иногда буду писать вам, хотя для газеты у меня ничего не намечено»...

«НЕ МОГУ ПИСАТЬ КАК РАНЬШЕ»

Плодотворное сотрудничество продолжалось больше года. Редакторы проявили вкус и такт. И вдруг в письме к Касаткиной:

«Наверное, я сейчас не смогу написать что-либо путное. Да, я уже не та, что в первые дни нашего знакомства»...

На тревожные расспросы Касаткиной, на ее уго-

воры писать прозу, которая «до зарезу нужна газете», Галя отвечает:

«Возможно, я еще вернусь когда-нибудь к этому занятию, но сейчас не могу писать, как раньше. Пытаюсь разобраться в себе. Сначала только чувство и искренность толкали к бумаге, а потом увидела: все надумано, подогнано, как у портняжки. Мне нравится все необычное — вот и начинается придумывание. В результате: «словесный туман», как правильно заметил Мокеев. Не все проходит через мое внутреннее «я», а без этого сухо, мертво».

В газете уже были опубликованы частично и Галины дневники, ее имя становится известно читателям. И все же ее не покидает внутренняя неудовлетворенность. Это не страх, а чувство ответственности и трезвая, честная самооценка. Она предпочитает вернуться в исходное состояние внешней незаметности и бескорыстной духовной работы.

Заочно окончив школу, Галя поступает на заочные курсы иностранных языков. А между контрольными по немецкому и конспектами лекций — книги, книги...

Я просматриваю газетные вырезки, записи в дневнике, размышления в письмах по поводу прочитанного. Никакой однобокости в выборе. Галя подчеркивает абзацы у Пришвина и Горького, размышляет над Гете и Толстым. В специальной папке — вырезки из статей Б. Кедрова, В. Пескова, С. Соловейчика, выписки из писем лейтенанта П. Шмидта, дневников В. Инбер и Э. Казакевича.

«...Принесли второй номер «Юности», в нем стихи одного из любимых мной поэтов К. Кулиева. Нравится мне в его поэзии прежде всего мудрое отношение к жизни. Почти в каждом стихотворении афоризмы, такое впечатление, что большинство горцев — мудрецы, философы».

«...Пока читаю Казакевича. Корю себя за то, что мало читала до сих пор о Ленине. Летом наверстаю. Такая обширная тема, наверняка почерпнешь что-то полезное для себя».

«...Вполне согласна с вами, что живем мы в век сногсшибательных темпов. С одним никак не могу согласиться; нельзя отойти полностью от прежней оценки ценностей, и я не верю в подобные утверждения. Серьезных опасений за судьбу классиков, за потерю высоких благородных чувств не вижу. Зоркость, обобщение, умение ориентироваться в заданной ситуации, чтобы лично продумать и пережить то, о чем собираешься писать, нужны особенно. Как отделить главное от второстепенного — вот задача номер один для меня».

Галя давно уже приноровилась к костылям, шутила, что у них с Верой Александровной Касаткиной вдвоем есть все, что нужно писателю: у Касаткиной — возможность участвовать в жизни, у Гали — досуг. Но на время затаившаяся болезнь вдруг нанесла ей новый удар. В душе — смятение и страх. Но страх не должен прорваться в стихи. Ни за что! Галя убеждена: «Отвратительно в человеке умение делиться горем и неумение делиться радостью»...

В БОЛЬНИЦЕ

«Писатель хорошо напишет лишь о той среде, в которой сам жил. А если его среда — больница? Ну что же, на худой конец, конечно, можно рассказать и о больнице», — записала Галя в дневнике. В институте травматологии, куда она попала, собрались люди разных профессий, характеров, возрастов, национальностей. Галя быстро оценила и речевое богатство, и разнообразие характеров. Правда, читать дневник, который она ведет здесь, трудно — многое зашифровано, имена скрыты под инициалами, записи кратки. Это настоящая записная книжка профессионала, накапливающего и характерные выражения, и любопытные факты. Врачи, лечившие Галю после операции, не знали, что не только она — объект их внимания, но и они — ее.

В хирургической больнице обстановка порой чем-то напоминает фронтовую. Кому-то везет, кому-то нет. Один идет на операцию красиво и гордо, другого уговаривают. Больных объединяют общее волнение за того, кто в операционной, хождения в гости к выздоравливающему. Здесь дружат, даже влюбляются. Острее, может быть, мучительнее и ярче, чем где-либо. А вечерами иногда танцуют...

Были и у Гали встречи на дорожке парка, особенные взгляды, таинственные диалоги. Ей было 22 года, и она послала в «Ленинскую победу» рассказ, ставший ее последней публикацией.

«...Тополя выпустили своих посланцев: струи тополиного пуха запорошили дорожки, скамейки в саду, залетают в распахнутые окна. Легкие потоки воздуха гонят пух по коридорам, вызывая недовольство нянечек... Сидим у окна, ловим в ладошки пушинки, воодушевляясь, придумывая разную небыль. Неожиданно подкрались первые грозы с ливневыми дождями, с басистым громом. Напористый ветер раскрывает окна, поднимает шторки под потолок. Плещет на подоконник дождевая влага, становясь огромной холодной каплей. Наконец, накинут надежный крючок, и в теплом комнатном уюте приятно слышать за окном буйство стихии... На тумбочке в светлый праздничный день стоят строгие дикие розы, темно-красные бутоны ярко выделяются на фоне белых подушек. Их принесли с людной веселой улицы...»

Только «нянечки», «тумбочка» и «белые подушки» выдают, что это — репортаж из больницы.

ПОЧТОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

Когда Галя Удалова стала выступать в газете, к ней начали приходить письма. Порой случайно начавшаяся переписка становилась для нее постоянной — в ее записной книжке около шестидесяти адресов.

Письма Зинаиды Михайловны Даниляк Галя переписывала в свой дневник. Они эмоциональны, в конверты вложены засушенные цветочки. Я вначале решила, что это чувствительная особа с избытком свободного времени. Но телефонный разговор с Зинаидой Михайловной сразу смял этот штампованный образ. В голосе ее был металл и огонь, она говорила коротко и быстро:

— Спасибо, что решили написать о Гале! Но вы должны рассказать и о Наде Ивковой. Полиомиелит. Живет в ленинградском инвалидном доме. На третьем курсе института... Еще надо написать о Саше Дугаевой из Чувашии...

— Зинаида Михайловна, это вы помогли Гале поступить на курсы иностранных языков?

— Я бы посоветовала также написать о Тамаре Мурановой. Очень талантлива...

Я начинала понимать, что существует некое почтовое товарищество — целый круг людей, разделенных сотнями километров, но связанных перепиской. И у них есть свой центр — Зинаида Михайловна. Она достает лекарства, устраивает на курсы, хлопочет об установке телефона, дарит книги, приобщает к переписке все новых людей, не только больных, но и здоровых.

У нее есть муж, дети, внуки — казалось бы, все для того, чтобы замкнуться в домашнем мирке, утонуть в его заботах. Как многие. Ведь каждый рад бы помочь другому, но как часто нет сил, времени, нет возможности вырваться из круга своих забот. Но 70-летняя Зинаида Михайловна — не такая...

Возможно, оказывается, полное растворение себя в других, та самая любовь к ближнему, приоритет на которую столь охотно присваивает себе религия. Между тем Зинаида Михайловна, узнав, для какого журнала я собираюсь писать, рассмеялась: «При чем тут религия? Я никогда никакого отношения к ней не имела!»

30 лет назад она поступила на работу в детское отделение ортопедического госпиталя, увидела маленьких калек, оторванных от семей. «Со мной что-то произошло», — объясняет Зинаида Михайловна. С тех пор она служит этим детям, которые вырастают, но в письмах все еще зовут ее «мама Зина».

О Гале Зинаида Михайловна рассказала мне немного: «Я вначале посылала к ней в больницу гостей, но быстро поняла, что делать этого не нужно: там бинты, гипсы, шприцы. Галя не хотела, чтобы ее видели в такой обстановке... А однажды она мне сказала по телефону: «Тетя Зина, вы для меня большой подарок».

Гале было 26, когда все для нее кончилось. Я прожила в ее доме три дня. Последнюю ночь перед отъездом не спалось. Ходики отщелкивали каждые полчаса. Глафира Михайловна ворочалась на своей кровати, вздыхала сдержанно, боясь меня разбудить. А я смотрела, как светлеет в окошках и все ярче проступает в темном углу комнаты белая печка.

— Где-то теперь моя Галя? — проговорила Глафира Михайловна.

— Вы верите в бога? — спросила я.

— Верю. Верю старым людям. Старые люди сказывают: Галя сейчас на том свете с ангелами. Она девушкой умерла, невинная мученица, поэтому обязательно с ангелами. Старые люди сказывают: она отца там найдет. Пройдут друг перед другом в одеждах белых и поклонятся. А заговорить не смогут...

Странное чувство охватило и меня: я не верю в бессмертие души, но мне тоже казалось, что Галя где-то здесь, невидимая, смотрит на нас. Я понимала, что это мое воображение, растревоженное разговорами о ней, чтением ее дневников, воссоздает ее образ, «оживляет» ее. Вероятно, у верующих людей это чувство в значительной степени питает их веру: легче поверить, что погибший вознесся на небо, стал звездой или невидимым духом вернулся в свой дом, чем примириться с невозвратимостью потери.

...За окном — рассвет. Небо — пятнами, бирюзовое и малиновое, березки, мокрая зеленая трава. Ноябрь, а теплынь такая, что почки распускаются, и по Оке вовсю ходят катера. Я смотрю на все, как впервые. Так часто бывает после смерти близкого человека — начинаешь смотреть более внимательно: из мира вычтен один человек, что же осталось?

Один абзац в письме лейтенанта П. Шмидта Галя обвела жирной красной рамкой:

«О, как бы я хотел передать вам всю силу этого внутреннего, где-то глубоко таящегося, трепетного счастья. Счастья чувства, мысли, счастья бытия».

Я сама, быть может, не решилась бы назвать ее счастливой, если бы она не подсказала мне это слово. А ведь всякая жизнь, прожитая счастливо, не исчезает бесследно...

ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ

Лидия ГРАФОВА

Вот какое письмо получила я однажды:

«По-моему, все разговоры о самосовершенствовании приносят один вред. Ведь оттого, что десять, ну сто, да пусть даже несколько тысяч человек начнут упорно бороться со своими недостатками, воспитывать в себе замечательные достоинства, в мире ровным счетом ничего не изменится. А им самим, наивным одиночкам, только тяжелей станет жить. Так, может быть, разумнее направлять свои силы на борьбу с негодяями и подонками, чем устраивать себе самосуд из-за какой-то сомнительной «душевной лени»!»

Ведь и в самом деле, мир не спешит «переворачиваться» оттого, что ты решил жить лучше, честнее, глубже. Если бы ты обитал на острове под названием «Наедине с собой», там можно было бы сразу перестроить все по-новому. Но когда жизнь, реальная жизнь, которая порой далека еще от идеала, начинает тебя толкать, мять, обижать, и порой даже очень несправедливо, тогда мысли и планы, приходящие при уютном свете настольной лампы, могут разлететься в прах. Более того, уродливые явления действительности, раньше скользившие как-то мимо, теперь врываются в самое сердце: ты ведь прозрел, ты требуешь от себя многого, а «проклятые обстоятельства» все время выбивают почву из-под ног.

Что же делать? Отказаться от своих прекрасных намерений?

В юности человеку кажется, что он будет существовать вечно, что любой неудавшийся день, любой нескладный поступок можно будет пережить набело. Впрочем, и зрелые люди не всегда избавляются от самообмана по поводу черновых вариантов жизни. Но жизнь наша не имеет дублей. Каждый потерянный день потерян навсегда. Каждое мгновение невозвратимо. Жизнь наша — единственна и неповторима. И потому человек ответствен за каждый свой шаг, каждый поступок. Даже самый малый компромисс с собственной совестью не проходит бесследно. Промолчав однажды при встрече с несправедливостью, человек впоследствии может и не различать ее (привыкание зрения), а позже вдруг окажется сам к ней прича-

стен. Но кто же не хочет жить благородно, с открытой душой? Люди, приспосабливающиеся к обстоятельствам, в своих грехах чаще всего винят именно обстоятельства, которые, мол, мешают проявить принципиальность, смелость, не дают высказать свое мнение. В общем, каждый раз оказывается, что стену лбом не прошибешь. А в итоге человек превращается в плющ, ползущий по этой стене, покорно повторяющий все ее формы.

...Белой ночью в Белом море на палубе корабля я увидела человека, выжимавшего гирю. Он был невозмутим под обстрелом взглядов и шуток — белой ночью пассажирам не спалось. «Какое самообладание!» — невольной репликой я тоже внесла свою лепту. А он, грохнув напоследок гирю, улыбнулся: «Между прочим, человек чувствует себя естественно не в тех случаях, когда его никто не видит, а когда он сам никого не видит». Мы познакомились. Он оказался судовым штурманом.

Бывают встречи, которые начинаются как будто с середины. Мне показалось, что первый разговор с Максимом (по его просьбе я изменила настоящее имя) был продолжением других, многих. Мы заговорили о том, может ли человек «сделать» самого себя? Оказалось, что любимая моя тема волнует и Максима. Но если я вопросами самовоспитания интересуюсь, так сказать, теоретически, то он решает их практически, на личном жизненном опыте.

А потом он заступил на вахту, и в капитанской рубке я его не узнала. Явилась откуда-то суровость, жесткость — ну, истый морской волк. Я увидела, с каким уважением относятся к нему подчиненные. Услышала, как капитан мельком сказал о штурмане: «Вот уж кто сам себя сделал!» Но выяснить в подробностях, что это означает, в тот раз не удалось.

Весь год мы переписывались.

В одном из писем он сообщил: «При встрече расскажу все по порядку. Сделаю это в надежде, что мой опыт кому-то из читателей, пусть хоть одному бедолаге, поможет выплыть».

Мы встретились только через год, когда его судно пришло на ремонт в Ленинград (родной город Максима).

Я познакомилась с его женой Любой и удивилась редкой гармонии интересов и взглядов, царящей в этой семье. И только потом узнала, что Максим 11 лет добивался руки своей Любы, и были они совсем разными, казалось бы, несовместимыми людьми. И только его упрямая любовь к ней создала гармонию. В их квартире, как в свое время в его каюте, меня поразил какой-то особый (рациональный!) уют.

Я жду от него подробных, если угодно, методических объяснений. И он откликается. Часы, к примеру, висят не выше, не ниже, а точно «на уровне Любиного взгляда». Рядом приклеена липкой лентой записка: «Дыхательная гимнастика!» (это — Инке, дочери). И другая: «Купить молока. Учить английский» (это — себе).

— Думаете, мелочи? Но зачем загружать память тем, что можно доверить записке? Это помогает освободить свою голову от всяческих мелочей, без которых в жизни все же не обойтись. Особой памятью я не отличаюсь, а быть во всем точным и обязательным — мой принцип. В «науке делать себя» большое место занимает так называемая интеллектуальная гимнастика, а состоит она в овладении такими вот простыми приемами. Найти приемлемые для себя и стараться превратить их в привычку — вот в чем суть. Ну, а дальше получается по Теккерею: «...Посейте привычку — и вы пожнете характер, посейте характер — и вы пожнете судьбу».

На стене в его каюте я видела загадочный график. Не успела тогда спросить, что означают в этом графике черные пятна. Сейчас Максим подробно отвечает на этот мой вопрос:

— Они означают время, когда я что-то напрасно искал. К примеру, забытую фразу в книге или какую-то пропавшую вещь. Черные пятна — вычеркнутое из жизни время. Этот график я позаимствовал из книги Г. Попова «Техника личной работы». Он помогает понять, на что уходят мои минуты.

В графике Максима 25 символов: волнистые линии означают море — работу; зигзаг — зрелища; спираль наподобие табачного дыма — хождение в гости. К слову, сам Максим не курит и «вечно трезв» — так было написано в его характеристике. Получается, что Максим — человек без слабостей? Не скучный ли это человек? Говорю ему, что педантизм всегда казался мне чертой, близкой к ограниченности. Вряд ли многие читатели захотят взять на вооружение этот его график.

Он не смущается:

— Что ж, графики — моя слабость. Люблю вычерчивать фарватеры судов. Свой, видите, тоже. Выведешь потом «кривую», и твои недостатки — очевидны! Самовоспитание в том и состоит: знать свои недостатки и изживать их. Знаете, когда я впервые что-то понял в себе? Когда научился видеть, как воспринимают меня окружающие, слышать, что они говорят мне в упрек. Лишь к десятому классу до этого «дотюкал». Как раз после того, как меня из школы выгнали.

Я уже знаю, что в детстве он был слабым и вечно хлюпал носом — если забывал дома носовой платок, сестра приносила его в класс. Ростом был меньше девочек, это потом, после школы, вытянулся. Наверное, блокада придавила детство. Максиму до сих пор не по себе от слова «дурында». Так называли кашу из каких-то отходов. А другой пищи не было.

Да, учился не ахти. На улице тоже «показаться» не мог. Авторитета — ни на грамм. А дома его еще и били: «Не хулигань». А он никогда и не хотел быть хулиганом. Превратился в ершистого, на всех обиженного цыпленка. Совсем несчастным почувствовал себя, когда пришла первая и на всю жизнь единственная любовь — к Любе. А она, Люба, его не замечала. Сидела на соседней парте, а была, как королева,—за тридевять земель. Максим для нее просто не существовал. И вот однажды, чтобы обратить на себя ее внимание, позволил глупейшую выходку на уроке. Пойми учительница его настроение, могла бы не заметить, простить. Но вместо этого

наказала жестоко, унизительно. И Максим сорвался и повел себя так, что его исключили из школы. Прощения просить он не захотел.

— После исключения я сначала был как потерянный. А потом набросился на книги, стал жадно выписывать из них цитаты, как бы присваивая мудрые мысли. Кстати, афоризмы собираю до сих пор. Полезно! Вот, например: «Хочешь быть умным, научись разумно спрашивать, внимательно слушать, спокойно отвечать и переставать говорить, когда нечего больше сказать». Просто? Но если бы осознать это не сейчас, когда уже столько шишек на лбу из-за того, что самостоятельно «изобретал велосипед»!..

Максим останавливается, я спрашиваю: «А может, шишки на лбу и не плохо? Если человек не подготовлен личным опытом, благие советы его не проймут...»

— Согласен! Но бывают же ситуации, когда уж очень хочу быть хорошим, а не могу. Силенок не хватает. Если бы в такие моменты каждому из трудных встречался Макаренко или Сухомлинский... Правда, у меня была Софья Александровна Берчиян. Это имя напишите полностью. Пусть хоть сейчас моя лучшая в мире учительница узнает, как я ей благодарен. Никто мне не верил, она — первая. Я год, к примеру, обивал пороги спортклубов, а мне все отвечали, что в секцию бокса, как и в секцию легкой атлетики, не гожусь по физическим данным. Другой бы обиделся, а я — возвращался и возвращался. Меня наконец взяли. Софья Александровна похвалила: «Вот какой упрямый». Но потом ушла из нашей школы. Те неприятности с исключением случились уже без нее...

В мореходке мне повезло на библиотекаря. Этот парень учил меня сопротивляться интеллектуальной моде. Забирал книгу: «Это — не твое. Я тебе другую оставил». И всегда оказывался прав. Помню, вопреки его совету, я прочел томик Кафки. Намучился — жуть, а пищи ни уму, ни сердцу. Только время потерял!

Не скрою, это признание Максима меня расстроило. Опять он показался мне человеком несколько ограниченным — «от» и «до». Подумала даже, что в статье про его отношение к Кафке умолчу.

А он продолжал:

— Можете презирать меня, но я исхожу вот из чего: высчитано, что человек в среднем способен прочесть за свою жизнь определенное количество книг. Значит, твой выбор не должен быть случаен. Когда осознал, кто ты есть и что тебе в жизни нужно, ты обязан и в искусстве выбирать свое. Повторяю, Кафка мне ничего как личности не дал. Лучше бы вместо него я прочел что-то близкое мне по духу, например еще один роман любимого мною Томаса Манна.

Здесь я сдаюсь. Может быть, его узость умнее моей всеядной широты? Вспоминаю строки из письма в редакцию одной девушки: «Я выбираю книги — одну из ста. И фильмы, и спектакли в театре. Наверно, и в общении с людьми нужно быть разборчивой. Иначе потеряешь себя». Может быть, и правда: только так, с отбором и самоограничением можно строить себя? Максим перечисляет книги, которые помогли ему в деле самовоспитания.

— Книги В. Леви «Охота за мыслью» и «Искусство быть собой», К. Платонова «Занимательная психология» и «Память» А. Розова помогли понять особенности человеческого ума и восприятия. Теперь я уже не жалуюсь на свои способности, перестал завидовать «феноменам». Стараюсь развить в себе то, что дано мне природой. И, знаете, это не так уж мало. Бесталанных людей нет. Есть люди, бездарно относящиеся к себе и к своей жизни. Да, не забудьте упомянуть о моем главном руководстве по самовоспитанию. Это статья Н. В. Гоголя. Я нашел ее в журнале «Наука и жизнь». Хотите верьте, хотите нет, но никто иной, как Гоголь, сыграл самую большую роль в том, что научился я выдержке, обрел уверенность в себе.

Действительно, выдержке Максима можно позавидовать. Вспомнился смешной эпизод, о котором мне рассказала Люба: «Как-то я стала его за что-то ругать. Он слушает — и ни слова. Я еще больше завожусь, в злости, как бывает, преувеличиваю. У него желваки на скулах ходят, а молчит. До тысячи считает, что ли? И тут я выпалила: «Ты-ты... Ты опять пользуешься своими приемчиками!» Представляете, женская «логика»: я упрекала его за то, что он, оберегая меня, не вступал в спор. И тут мы оба расхохотались».

Я рассказываю Максиму о книге Михаила Зощенко «Возвращенная молодость». Эту повесть, на мой взгляд, обязательно должен прочесть каждый, кто задался целью воспитать себя. Так вот, в этой книге Зощенко утверждает, что Николай Васильевич Гоголь варварски относился к собственному организму и к самому себе. Сейчас могу привести даже цитату: «С тридцати лет Гоголь ездил по европейским курортам в поисках своей утраченной молодости... Гоголь искал исцеления от воды и от путешествий, в то время как это исцеление могло прийти к нему лишь изнутри... Гоголь повсюду возил с собой себя самого и ничего не сделал для того, чтобы изменить это...»

Максим внимательно выслушивает, заносит название книги в свой блокнот и обещает впоследствии доказать мне, что Зощенко заблуждался относительно Гоголя. Я не спорю.

Он достает тем временем папку-скоросшиватель. На обложке надпись: «Ego», то есть «Я». Нет, это не дневник. Скорее деловой отчет о самом себе. Записи короткие, как текст телеграмм. Максим объясняет, что завести этот журнал его подтолкнул опять же Гоголь, который считал, что каждому человеку необходимо фиксировать на бумаге свои ошибки и почаще эти записи перечитывать. Вот так! Только ошибки. С позволения Максима я приведу здесь несколько выдержек. По его же совету, буду чередовать эти записи с подходящими к случаю отрывками из той статьи Гоголя, которую так упрямо хвалит Максим. Называется статья Гоголя весьма длинно — «О тех душевных расположениях и недостатках наших, которые производят в нас смущение и мешают нам пребывать в спокойном состоянии».

Дневник. «Отправная истина — я не прав, прав старпом. Он доложил капитану, что я не проставляю в конце вахты расстояние. Разнос капитана. Я расспсиховался. Профилактика: к чистовому журналу не дотрагиваться, пока не заполнил черновой. Сдержанность!»

Статья. «А кто уже узнал, что в нем есть гнев, тому легче... Он уже чувствует, что во всех неприятных и раздражающих случаях и обстоятельствах следует ему идти прежде всего не против случаев и обстоятельств, а против собственного гнева».

Дневник. «Сунулся в чужой разговор. Старпом и стармех спорили, что означает «Эрмитаж». Я объяснил. Им не понравилось: «Молод учить». И к этому нелепому инциденту я не смог отнестись с юмором. А надо бы сразу забыть».

Статья. «Многие не могут выносить несправедливых упреков. Несправедливый упрек им кажется чем-то ужасным; но... гораздо хуже и ужаснее заслужить справедливый упрек: мы тогда вдвойне упрекаемся и людьми и собственной совестью. Несправедливый же упрек должен производить по-настоящему противуположное действие: здесь даже чувствуется тайное удовольствие, видя, что в самом деле чисто на душе...»

Не берусь судить, Н. В. Гоголь, другие писатели или сама жизнь помогли Максиму... В своей исповеди он был беспощаден к себе, не боялся показаться чудаком. На самом-то деле это веселый, всему открытый и — главное — очень щедрый к людям человек.

В первую встречу на корабле я мельком рассказала Максиму о девушке Зине, письмо которой и привело меня на Белое море. Жизнь у нее складывалась — хуже некуда, и главная ее беда состояла в том, что очень много требовала Зина от других и совсем не умела спрашивать с себя. Не знаю, как Максим успел запомнить ее фамилию, но только через некоторое время получаю от моей Зины восторженное письмо. Слово «Человек» (это о Максиме) написано аршинными буквами. Оказывается, он счел своим долгом найти ее и уже начал постепенно обучать искусству самовоспитания. Потом под влиянием Максима Зина пошла в вечернюю школу, конфликтов с окружающими у нее становилось все меньше. Максим ей регулярно писал с морей и океанов. Люба присылала из Ленинграда учебники. И вижу теперь по письмам, что неисправимая, «враг — себе» Зинка начинает понемногу уважать в самой себе человека. Похвасталась недавно своей победой: «Уже умею не оправдываться, получая упреки».

Ну, а он, кого я называю здесь Максимом, ведет сейчас корабль где-то в океане. И если будет там не совсем «полный порядок», он не станет жаловаться ни Любе, терпеливо ждущей от него вестей, ни нам с тобой, читатель. Потому что он — в любых обстоятельствах привык требовать максимума не от обстоятельств, не от других людей, а прежде всего от самого себя.

...Уже заканчивая работу над этой статьей, я получила от своего штурмана телеграмму: «Стал капитаном!» Я очень обрадовалась, но немного и удивилась. А потом подумала: иначе и не могло быть! Жизнь — справедлива.

Мы много говорим о необходимости воспитать в каждом человеке активную гражданскую позицию. Как это сделать? Мудрый педагог В. А. Сухомлинский утверждал, что настоящее воспитание невозможно, если не пробудился в человеке встречный процесс — самовоспитания.

Порой задумаешься и ужасаешься: до чего же безалаберно относимся мы к своей единственной, неповторимой жизни. Могли бы, наверно, сотворить свою судьбу, как композитор создает симфонию, но нет же — подчиняемся обстоятельствам, сваливаем на «такова жизнь» груз своего несбывшегося, даже не пытаясь бороться. Однажды я слышала сетования старого человека: почему, мол, люди начинают все понимать так поздно, почему не рождаются сразу старыми и мудрыми, чтобы молодеть и тратить жизнь, уже не совершая нелепых ошибок.

Подводить итоги всей жизни — занятие часто бесполезное (что исправишь, если жизнь — уже «вся»?), а вот итог каждого прошедшего дня с его успехами и поражениями, радостями и печалями, если подводится он наедине со строгим судьей — своей совестью, очень важен. Именно в молодости — время строить собственную жизнь, каждый день — по кирпичику. Без нашего желания, помимо нашей воли и целеустремленности никакая сила не сделает нас Человеком, Личностью, способной оставить свой благородный след на земле.

Читайте в следующем номере:

М. ПРИЛЕЖАЕВА

ГОД РЕБЕНКА

Л. АЙЗЕРМАН

ЧЕЛОВЕК—ПРИРОДА—ЧЕЛОВЕК

А. НУЙКИН

РАЗГОВОР О ДОСТОИНСТВЕ

Академик Б. КЕДРОВ

ПОСЛЕДНЕЕ ПРИБЕЖИЩЕ МИСТИКИ

С. ЛЬВОВ

ЖИЗНЬ КАМПАНЕЛЛЫ

Повесть

П. БАЖОВ

ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО

И. ГРИГУЛЕВИЧ

КУБА ДАЛЕКАЯ—БЛИЗКАЯ

РАЗВИТИЕ СОВЕТСКОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СВОБОДА СОВЕСТИ

Социалистическая демократия в действии

А. ИВАНОВ,
кандидат
философских наук

В предыдущей статье (№ 10 за 1978 г.) было показано, как молодое Советское государство в первые месяцы своей деятельности направляло усилия на то, чтобы упрочить завоевания трудящихся, развить их и законодательно закрепить в декретах и постановлениях. Эти государственные акты имели большое значение для претворения в жизнь ленинских принципов свободы совести. Они законодательно закрепляли народовластие, освобождали трудящиеся массы от политического, экономического и духовного угнетения, предоставляли в их распоряжение основные права и свободы, создавали условия для пользования ими, а также на научной основе, на принципах справедливости решали непосредственно вопросы религии и церкви.

Огромное значение в этом имело и развитие советского конституционного законодательства. Конституция в советском социалистическом государстве занимает особое место. Как Основной Закон она определяет социально-экономическую систему общества и его политическую организацию, законодательно оформляет и закрепляет общественные отношения, принципы общественного и государственного строя, национально-государственное и административно-территориальное устройство. В ней воплощаются важнейшие принципы социалистической демократии: привлечение трудящихся к участию в управлении делами общества, развитие их творческой инициативы и социальной активности; закрепляются основные права, свободы и обязанности граждан.

Рассмотрим конституционное законодательство с точки зрения того, как в нем отражались определенные периоды в экономическом, социальном и политическом развитии Советского общества, в совершенствовании социалистической демократии, в становлении и расширении социально-экономических, политических и личных прав и свобод трудящихся, как в нем ставились и решались непосредственно вопросы свободы совести.

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ КОНСТИТУЦИИ — РСФСР 1918 ГОДА И СССР 1924 ГОДА

Подчеркивая, что конституции социалистического типа — не только юридические акты, но и важнейшие политические документы, Л. И. Брежнев в докладе о проекте Конституции на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 года говорил: «Такой была наша первая Конституция РСФСР 1918 года, которая закрепила завоевания Октября и определила классовую сущность Советского государства как государства диктатуры пролетариата. Такой была и Конституция СССР 1924 года, определившая принципы образования союзного социалистического государства». Эти конституции отражали начальный этап революционных преобразований, соответствовали переходному периоду от капитализма к социализму.

Первый Основной Закон Советского социалистического государства — Конституция РСФСР — была принята V Всероссийским съездом Советов 10 июля 1918 года. По предложению В. И. Ленина в качестве вводной части в нее была включена Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

В своем постановлении съезд Советов провозгласил: «Утвержденная III Всероссийским Съездом Советов в январе 1918 г. декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа вместе с утверждаемой V Всероссийским Съездом Советов Конституцией Советской Республики составляют единый основной закон Российской Социалистической Федеративной Республики».

Определяя историческое значение принятия первой Советской Конституции, газета «Правда» 12 июля 1918 года писала в передовой статье: «Эта конституция, во главе которой стоит «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», будет евангелием для пролетариата всех стран».

Дадим краткую общую характеристику тех основных завоеваний Октября, которые законодательно закрепила первая Конституция, и несколько подробнее остановимся на разделах, где говорится о характере власти, выборах в ее органы, о правах и обязанностях граждан.

В области политической она закрепила: создание государства нового типа — государства диктатуры пролетариата, в котором рабочий класс на основе все укрепляющегося союза с трудящимся крестьянством осуществлял свое политическое господство под непосредственным руководством Коммунистической партии; коренные демократические преобразования в социальных отношениях; свободу и равенство всех народов и национальностей России на основе ленинских начал федерации, вытекающих из принципов пролетарского интернационализма; новую, высшую форму демократии — демократию для трудящихся, демократию для громадного большинства народа.

В области экономической Конституция законодательно утвердила экономическую основу политической власти трудящихся: отмену капиталистической и помещичьей собственности, национализацию всей земли, ее недр, банков и превращение их в общественную собственность, переход основных командных высот управления народным хозяйством в руки Советской власти, ее хозяйственных органов.

В Конституции определялись и основные задачи государства диктатуры пролетариата — уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества.

На базе законодательного закрепления главных экономических и политических завоеваний трудящихся и в соответствии с основными задачами государства Конституция провозглашала ряд важных прав и свобод, а также обязанностей граждан Советской республики. При этом необходимо заметить, что одной из первых свобод в статье 13 Конституции провозглашалась свобода совести.

Наряду со свободой совести в Конституции закреплялись за трудящимися гражданами такие свободы, как свобода выражения своих мнений, свобода собраний и союзов. При этом важно отметить, что эти свободы не просто декларировались, как это делается в буржуазных конституциях,— центр тяжести переносился на обеспечение практического осуществления той или иной свободы. Вскоре после принятия Конституции РСФСР Ленин писал в «Письме к американским рабочим»: «Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захваче-

ны буржуазией. Наши Советы отняли все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, передав все эти здания рабочим и крестьянам под их союзы и собрания. Вот наша свобода собраний — — — для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции!»[1].

Записанные в Конституции свободы обеспечивались тем, что государство предоставляло в распоряжение рабочего класса и крестьянской бедноты все пригодные для народных собраний и союзов помещения с обстановкой, освещением и отоплением, все технические и материальные средства для издания газет, брошюр, книг и всякой другой печатной продукции и обеспечивало ее свободное распространение по всей стране, оказывало всяческое содействие объединению трудящихся в организации. Напомним, что по Декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» все здания и предметы, предназначенные специально для богослужебных целей, также передавались особыми постановлениями местной или центральной государственной власти в пользование религиозных обществ.

Открывая трудящимся доступ к знаниям, государство ставило задачу предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование. Условия первых лет существования Советской власти не позволяли еще зафиксировать гарантированного права граждан на труд, но он уже тогда признавался обязанностью всех граждан республики: провозглашался лозунг «Не трудящийся да не ест». Чтобы ликвидировать паразитические слои общества и наладить хозяйство, вводилась всеобщая трудовая повинность.

Важно подчеркнуть и следующий момент: в Конституции не только гарантировались возможные в тех условиях права и свободы, но и подчеркивалось их единство с обязанностями. Кроме труда, важнейшей обязанностью всех граждан республики была защита социалистического отечества. Устанавливалась всеобщая воинская повинность, но право защиты революции с оружием в руках предоставлялось только трудящимся. На нетрудовые элементы возлагались иные военные обязанности. Напомним, что и в Декрете «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» затрагивался вопрос об обязанностях. В нем говорилось, что никто не может, ссылаясь на религиозные взгляды, уклоняться от исполнения своих гражданских обязанностей. Как исключение замена одной гражданской обязанности другой в каждом отдельном случае допускалась по решению народного суда.

Статьей 23 Конституции отдельные лица и отдельные группы лиц лишались прав, которые использовались ими в ущерб интересам социалистической революции. Касаясь этого положения в связи с критикой его со стороны оппозиции, Ленин говорил на пленуме ВЦСПС: «Мы открыто заявили, что в переходное время, время бешеной борьбы, мы не только не обещаем свобод направо и налево, а заранее говорим, что мы будем лишать прав тех граждан, которые мешают социалистической революции»[2].

Отметим еще одно важное положение, которое содержалось в Конституции. По инициативе Ленина в ней был отражен принцип полного равноправия граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности. В нем объявлялось противоречащим основным законам республики установление или допущение каких-либо привилегий или преимуществ по мотивам национально-расовых различий, а равно какое бы то ни было угнетение национальных меньшинств или ограничение их прав.

Как видно из кратких характеристик законодательно закрепленных первой Советской Конституцией основных экономических и политических завоеваний революции, возможных на том этапе прав, свобод и обязанностей, они всецело отражали интересы трудящихся масс. Государство передало им в руки основные средства производства, осуществило полное и подлинное народовластие, предоставило им широкие права и свободы. Государство не разделяло трудящихся по мировоззренческому или какому-либо иному принципу, например по отношению к религии или по принадлежности к отдельным вероисповеданиям. Наоборот, государство отделило от себя церковь, сделало религию частным делом каждого, уравняло все религиозные направления и вероисповедания. Основная, стратегическая линия размежевания во всех вопросах, в том числе и главным образом в вопросах демократии, была классовой, политической. Этот водораздел, а не какой-либо иной определял основу всех революционных преобразований, основу социалистической демократии.

Когда по Конституции отдельные группы лиц и отдельные лица лишались прав, то только на основании того, что они пользовались этими правами в ущерб, во вред социалистической революции, а стало быть, во вред трудящимся массам. Когда, согласно Конституции, защита социалистического отечества с оружием в руках предоставлялась только трудящимся, а на нетрудовые элементы возлагались иные военные обязанности, то в основе этого положения лежал именно классовый, политический подход. Государство прямо и открыто выражало недоверие тем, кто мог использовать оружие против революции, против завоеваний трудящихся. ««Свободы» и демократия не для всех, — указывал Ленин, — а для трудящихся и эксплуатируемых масс в интересах их освобождения от эксплуатации; беспощадное подавление эксплуататоров»[3].

Такой единственно верный подход лежал и в основе избирательной системы, избирательного права, сложившихся в первые годы Советской власти. В четвертом разделе Конституции «Активное и пассивное избирательное право» закреплялись демократические начала проведения выборов в Советы, порядок отмены выборов, право отзыва депутатов избирателями.

Правом избирать и быть избранными в органы государственной власти пользовались, независимо от вероисповедания, национальности, оседлости и т. п., следующие граждане РСФСР обоего пола, достигшие ко дню выборов 18-летнего возраста: все добывающие средства к жизни производительным и общественно полезным трудом, а также лица, занятые домашним хозяйством, обеспечивающим для первых возможность производительного труда,— рабочие и служащие всех видов и категорий, занятые в промышленности, торговле, сельском хозяйстве; крестьяне и казаки-земледельцы, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли; солдаты Советской Армии и Флота; граждане, входящие в эти категории, потерявшие в какой-либо мере трудоспособность.

Здесь необходимо обратить внимание на два момента, которые подтверждают, что в основе социалистической демократии лежит один, главный и основной, подход — классовый. Во-первых, правом избирать и быть избранными могли быть лица, не пользующиеся наемным трудом с целью извлечения прибыли, то есть трудящиеся, живущие на свои трудовые доходы. Во-вторых, пользовались они этим правом независимо от вероисповедания, не говоря уже об их отношении к религии и церкви. Это и было одним из практических воплощений принципа свободы совести.

Не избирались и не могли быть по Конституции избранными лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли, частные торговцы, торговые и коммерческие посредники; монахи и священно- и церковнослужители; служащие и агенты бывшей полиции, особого корпуса жандармов и охранных отделений; лица, признанные в установленном порядке душевнобольными или умалишенными, а равно лица, состоявшие под опекой; осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором.

Отвечая на многочисленные нападки по поводу лишения избирательных прав эксплуататоров, Ленин неоднократно обосновывал это положение, разъяснял его причины, говорил о возможных иных путях его решения. В докладе о партийной Программе на VIII съезде РКП(б) Ленин указывал, что «свободы для буржуазии мы не хотим, равенства эксплуататоров и эксплуатируемых мы не признаем»[4]. Вместе с тем он считал необходимым разъяснять трудящимся массам, что лишение избирательных прав части граждан отнюдь не означает пожизненного объявления бесправными определенного разряда граждан, как это бывало в большинстве буржуазно-демократических республик, а относится только к эксплуататорам, только к тем, кто упорствует в отстаивании своего эксплуататорского положения. При этом надо иметь в виду, указывал Ленин, что, с одной стороны, по мере укрепления социализма в Советской Республике сократится число тех, кто объективно имеет возможность остаться эксплуататором, с другой — в самом недале-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 63.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 294.
[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 73.
[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 172.

ком будущем прекращение внешнего нашествия и довершение экспроприации эксплуататоров может, при известных условиях, создать положение, когда пролетарская государственная власть изберет другие способы подавления эксплуататоров и введет всеобщее избирательное право без ограничений.

Вообще Ленин считал, что ограничение избирательного права буржуазии «не входит **необходимым** условием в историческое и классовое понятие диктатуры», что «вопрос об ограничении избирательного права есть национально-особый, а не общий вопрос диктатуры. К вопросу об ограничении избирательного права надо подходить, изучая **особые условия** русской революции, **особый путь** ее развития»[5]. «Вопрос о лишении избирательных прав буржуазии, — указывал Ленин, — мы никоим образом не рассматривали с абсолютной точки зрения, потому что теоретически представляется вполне допустимым, что диктатура пролетариата будет подавлять буржуазию на каждом шагу, но может не лишать буржуазию избирательных прав»[6].

Особенность избирательной системы состояла также в том, что устанавливались прямые выборы в сельские и городские Советы и многостепенные — в вышестоящие органы государственной власти и допускались некоторые преимущества в нормах представительства в Советы от рабочих в сравнении с крестьянством. Это закрепляло руководящую роль рабочего класса в обществе, в руководстве государством. Ленин так объяснил различие в нормах представительства для городского и сельского населения при выборах делегатов на съезды Советов: «...Меры такого рода, как неравенство рабочих с крестьянами, Конституцией вовсе не предписываются. Конституция их записала после того, как они были введены в жизнь... Организация пролетариата шла гораздо быстрее, чем организация крестьянства, что делало рабочих опорой революции и давало им фактически преимущество. Дальше стоит задача: от этих преимуществ переходить постепенно к их уравнению»[7].

Такая избирательная система, со всеми ее возможными преимуществами для трудящихся и ограничениями для эксплуататоров, была порождена конкретными историческими условиями того времени, являлась жизненно необходимой, неизбежной и всецело себя оправдала.

Заканчивая краткий анализ первой Советской Конституции, остановим внимание читателей на некоторых ленинских характеристиках социалистической демократии в целом, на его ответах сторонникам так называемой чистой демократии. Они еще и еще раз покажут, что Советское государство делало все возможное для укрепления народовластия, что классовая пролетарская демократия в первые годы становления и конституционного закрепления отвечала интересам всех трудящихся масс без различия их отношения к атеизму и религии, служила основой для обеспечения подлинной свободы личности, проявления этой свободы во всех сферах жизни и деятельности человека, в том числе и свободы совести.

Идеологи буржуазии, оппортунисты и ревизионисты, отступники от марксизма, нападая на социалистическую демократию, утверждают, что понятия диктатуры и демократии несовместимы, исключают друг друга, что демократия носит внеклассовое содержание.

Утверждения о несовместимости диктатуры и демократии, о ее внеклассовом содержании Ленин называл вульгарным предрассудком, а рассуждения о «чистой демократии» — лицемерием и обманом. Он подчеркивал, что «демократия есть **тоже** государство и что, следовательно, демократия тоже исчезнет, когда исчезнет государство», что «отмирание государства есть отмирание демократии». «Полная демократия, — замечает Ленин, — равняется никакой демократии. Это не парадокс, а истина!»[8]. В классовом обществе и диктатура и демократия носят классовый характер. «Надклассовой», «полной», «чистой» демократии не было и быть не может. Весь вопрос сводится к тому, для какого класса существует демократия, кому она служит.

Говорить о демократии вообще — значит забывать о классовой борьбе, указывал Ленин. Вопрос о свободе может ставиться только так: свобода от угнетения каким классом, равенство какого класса с каким, демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности и т. д. «Только интересам эксплуататоров, — писал Ленин, — служат лозунги якобы всенародной, общенациональной, всеобщей, внеклассовой, а на деле буржуазной демократии и, пока остается частная собственность на землю и другие средства производства, самая демократическая республика неизбежно остается диктатурой буржуазии, машиной для подавления гигантского большинства трудящихся горсткой капиталистов»[9].

Социалистическая демократия, Советская Конституция впервые предоставляли все права и свободы трудящимся массам. «Именно те массы, — писал Ленин, — которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни и от пользования демократическими правами и свободами, привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством»[10]. Участие же трудящихся в революционной борьбе, в социалистическом и коммунистическом строительстве — главное условие освобождения их сознания от утопий и иллюзий, от религиозных представлений и предрассудков.

Конституция РСФСР 1918 года явилась образцом для подготовки Конституций в других советских республиках. Ее основные и принципиальные положения — о диктатуре пролетариата, о принципах организации государственных органов и их задачах, о правах и обязанностях граждан и др. — вошли в Конституции Белоруссии, Украины, Азербайджана, Грузии и Армении, которые были приняты на протяжении 1919—1922 годов.

В 1922 году произошло важное событие в жизни нашей страны — образование единого союзного государства — Союза ССР. 6 июля 1923 года вторая сессия Центрального Исполнительного Комитета СССР приняла проект первой общесоюзной Конституции. В окончательной редакции она была утверждена II съездом Советов СССР 31 января 1924 года.

Конституция СССР 1924 года возникла на базе добровольного договора суверенных советских социалистических республик и была посвящена принципам построения первого в мире союзного многонационального социалистического государства. Она состояла из двух разделов: декларации об образовании СССР и договора об образовании СССР. В них закреплялись основы организации свободного союза свободных советских народов, определялись наиболее целесообразные формы соотношения и разграничения суверенитета Союза и суверенитета союзных республик, структура и компетенция высших органов государственной власти СССР и союзных республик. Конституция не содержала специальных разделов и глав о принципах организации и деятельности Советов как органов диктатуры пролетариата, об основных положениях избирательной системы, о правах, свободах и обязанностях граждан.

Большое значение Конституции для решения вопросов свободы совести состояло в том, что она законодательно закрепляла основы для утверждения, укрепления и развития сотрудничества, дружбы и единства всех народностей и наций, населяющих страну, в едином союзном многонациональном государстве. Она создавала законодательную базу для решения сложного и политически острого, одного из самых болезненных вопросов в истории человеческого общества — национального вопроса на началах пролетарского интернационализма, а стало быть, для преодоления былой национальной розни, постоянным спутником которой всегда была религиозная неприязнь и вражда. Симптоматично, что участники Всемирной межрелигиозной конференции «Религиозные деятели за прочный мир, разоружение и справедливые отношения между народами» (июнь 1977 г.) отмечали как важную сторону жизни верующих в нашей стране, исповедующих различные религиозные воззрения, именно сотрудничество и уважение друг к другу.

Укрепление юридического, а затем достижение и фактического равенства наций и народностей СССР, процесс интернационализации основных сфер жизни, быта и семейных отношений, усиление социальной однородности наций, развитие социалистических традиций, с одной стороны, и расцвет наций, их национальной культуры — социалистической по содержанию и национальной по форме, прогрессивных национальных традиций и обычаев — с другой, явились важнейшими факторами не только интернационального, но и атеистического воспитания, что имело огромное значение для реального, действительного осуществления свободы совести.

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 266, 265—266.
[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 171—172.
[7] Там же, стр. 172.
[8] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 19, 82, 181.
[9] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, стр. 90.
[10] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 500.

ЗАВЕРШЕНИЕ СОЗДАНИЯ ОСНОВ СОЦИАЛИЗМА. КОНСТИТУЦИЯ 1936 ГОДА

В Конституции 1936 года нашли свое отражение глубокие изменения, которые произошли с 1924 года в экономике, социальных отношениях, в развитии государственности, социалистическом демократизме. В докладе о проекте Конституции на Пленуме ЦК КПСС 24 мая 1977 года Л. И. Брежнев говорил: «Конституция 1936 года законодательно закрепила победу в СССР социалистических общественных отношений и привела в соответствие с этим всю систему органов власти и управления, а также порядок выборов».

Конституция отразила и законодательно закрепила прежде всего тот факт, что в нашей стране были ликвидированы частная собственность и эксплуататорские классы. Общественная собственность на средства производства утвердилась как незыблемая основа нового, социалистического строя во всех отраслях народного хозяйства. Победила социалистическая система хозяйства. Она составила экономическую основу государства. За период социалистического строительства в стране сформировались два дружественных трудовых класса — рабочий класс и колхозное крестьянство, а также народная интеллигенция. Советский Союз стал именоваться государством рабочих и крестьян.

За эти годы коренным образом изменился облик всех народов, живущих в нашей стране. Они окончательно сформировались в социалистические нации и народности, упрочились их единство и дружба в системе единого союзного социалистического государства. С завершением строительства основ социализма в СССР навсегда исчезли не только эксплуатация человека человеком, но и такие явления, как кризисы, нищета, безработица. Были созданы условия для зажиточной и культурной жизни народа.

Новая Конституция вводила в государственное устройство усовершенствования, направленные на развитие советского демократизма и пролетарского интернационализма, приводила всю систему органов государственной власти и управления в соответствие со сложившимися новыми общественными отношениями. В ней нашел свое юридическое оформление общественный и государственный строй социалистического общества, обеспечивающий полное народовластие, получил свое дальнейшее развитие высший тип демократизма — демократизм социалистический. Это выразилось в том, что Конституция вносила существенные изменения в избирательную систему.

С ликвидацией эксплуататорских классов естественно отпадало лишение их избирательных прав. Полностью уравнивались в избирательных правах городское и сельское население, отменялись многостепенность выборов в средние и высшие звенья органов государственной власти, открытое голосование. Осуществлялся переход ко всеобщему, равному и прямому избирательному праву при тайном голосовании. Все граждане, достигшие 18 лет, получили право участвовать в выборах, а достигшие 23 лет — быть избранными в Советы. Это право предоставлялось независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, **вероисповедания** (подчеркнуто нами. — **А. И.**), образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности.

Конституция 1936 года значительно расширяла права и обязанности граждан. В ней получили свое законодательное закрепление не только политические, но и социально-экономические права — право на труд, отдых, образование, материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности. При этом особое внимание обращалось на материальное обеспечение и гарантии этих прав. Она не содержала каких-либо ограничений и оговорок в пользовании гражданами своими правами и свободами. Всякие изъятия и ограничения в правах устранялись.

Последовательно проводился в Конституции принцип единства прав и обязанностей граждан, который вытекает из гармонического сочетания общественных и личных интересов. Она возлагала на граждан обязанности строго соблюдать законы Советского государства, блюсти дисциплину труда, честно относиться к своему общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, честно выполнять свой почетный долг — нести воинскую службу в Вооруженных Силах СССР, самоотверженно защищать социалистическое Отечество.

На примере Конституции, закреплявшей построение основ социализма в нашей стране, можно ярко видеть всю контрастность положения трудящихся в условиях социалистического общества и капиталистических странах, все преимущества, которые социализм обеспечивает народным массам во всех сферах общественной жизни, в гарантируемых народу социально-экономических, политических, личных правах и свободах и в практическом их осуществлении. Причем все эти преимущества, блага, права и свободы предоставляются всем гражданам социалистического общества безотносительно к тому, еще раз подчеркнем этот момент, как они относятся к религии и атеизму. Верующие в нашей стране пользуются всеми преимуществами, достижениями и достоинствами социалистической демократии, которая, по выражению Ленина, в миллион раз демократичнее всякой буржуазной демократии. Заметим, кстати, что к концу переходного периода от капитализма к социализму верующие в нашей стране составляли еще около половины населения [11].

Конституции 1918 и 1936 годов содержали специальные статьи о свободе совести. Она возводилась в конституционный принцип советской социалистической демократии. Приведем эти статьи полностью. В статье 13 первой Конституции было записано: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В Конституции 1936 года о свободе совести говорилось в статье 124: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами».

Сравнение этих двух статей показывает некоторые различия в их формулировках. Ссылаясь на эти различия и фальсифицируя их, буржуазные идеологи утверждают, что по мере развития советского общества в нем происходит якобы ограничение свободы совести. Такое мнение иногда можно услышать и из уст отдельных экстремистских элементов, которые имеются среди верующих в нашей стране. В действительности же нет никакого основания толковать эти различия как показатель ограничений свободы совести. Было бы странным и противоречило бы здравому смыслу, если бы по мере развития социалистической демократии происходило ограничение, сужение свободы совести. Но этого нет и быть не может.

Если внимательно вчитаться и вдуматься в эти статьи, то можно четко выделить в их формулировании следующие различия. Прежде всего эти различия касались целей обеспечения свободы совести, как и всех других прав и свобод, провозглашавшихся в Основных Законах: в Конституции 1918 года говорилось, что церковь отделяется от государства и школа от церкви в целях обеспечения свободы совести **за трудящимися**, а в Конституции 1936 года — **за гражданами**. Такое различие обусловлено теми изменениями, которые произошли за период между принятием этих Основных Законов.

Первая Конституция первого в мире государства трудящихся впервые законодательно закрепляла всю полноту власти исключительно за трудящимися массами. Основной задачей и целью этой власти было уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества. Поэтому вполне естественно и целью провозглашения всех прав и свобод (свободы выражения мнений, собраний, союзов и т. д.), а не только свободы совести было обеспечение их прежде всего за трудящимися массами. Конституция же 1936 года законодательно закрепляла построение основ социализма в нашей стране, ликвидацию эксплуататорских классов, принципы социалистического народовластия. Вполне закономерно и логично поэтому и целью провозглашения всех прав и свобод, в том числе и свободы совести, было обеспечение их за всеми гражданами.

Далее, в первой Конституции говорилось об обеспечении действительной свободы совести, а в Конституции 1936 года — об обеспечении просто свободы совести, без определения «действительной». И это изменение было вполне естественно и закономерно. Как уже говорилось выше, первая Конституция Советского государства впервые в истории закрепляла всю полноту влас-

[11] См. «Антирелигиозник», 1935, № 6, стр. 2.

ти, всю полноту прав и свобод всецело и исключительно за трудящимися массами. Но необходимо также отметить, что она закрепляла их не формально, как это делается в буржуазном законодательстве, а в их действительном содержании, со всеми возможными гарантиями их действительного осуществления. Это различие в провозглашении прав и свобод в буржуазных конституциях и в первой Конституции трудящихся и нужно было отразить. Это и отражал термин «действительные». Поэтому он присутствует при характеристике всех свобод, о которых говорится в первой Советской Конституции. Конституция 1936 года закрепляла победу социализма в СССР, а при социализме недействительных свобод быть не может.

Вполне логичны и естественны изменения, где идет речь об отделении церкви от государства и школы от церкви. В Конституции 1918 года это положение формулировалось в несовершенном виде (с точки зрения правил русского языка): «Церковь отделяется от государства и школа от церкви...», а в Конституции 1936 года — в совершенном виде: «церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви». И это различие отражало изменения, которые произошли за 18 лет существования Советского государства. Только за полгода до первой Конституции Советом Народных Комиссаров был принят Декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Проведение его в жизнь требовало больших усилий и длительного времени. Принятием этой Конституции процесс отделения церкви от государства и школы от церкви практически только начинался. К 1936 году процесс этот был завершен, сформировалось в своей основе законодательство о религиозных культах.

Не требует объяснения, думается, появление добавления «в СССР», ибо в 1922 году было образовано единое союзное государство — Союз Советских Социалистических Республик.

Главным объектом фальсификаций пропагандистов империализма является следующее различие в формулировках статей о свободе совести. В Конституции 1918 года записано, что «свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». В Конституции же 1936 года говорится: «Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами». Такое различие истолковывается фальсификаторами, да и экстремистами как ограничение свободы совести в Конституции 1936 года по сравнению с первой Конституцией.

В статье «Важная сторона ленинского идейного наследия» (журнал «Наука и религия» № 4 за этот год) уже подробно говорилось об ошибочности истолкования свободы отправления религиозных культов как ущемления прав верующих, как неправомерного ограничения религиозной пропаганды. Здесь же коснемся лишь одной стороны этого вопроса — неправомерности противопоставления статей о свободе совести Конституций 1918 года и 1936 года [12].

Выражения «свобода религиозной... пропаганды» (в статье 13 первой Советской Конституции) и «свобода отправления религиозных культов» (в статье 124 Конституции 1936 года) по своему содержанию полностью совпадают, являются идентичными. Под свободой религиозной пропаганды, о которой идет речь в Конституции 1918 года, понималась именно свобода отправления религиозных культов, свобода удовлетворения религиозных потребностей верующих. Конституция была принята через полгода после Декрета Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и вполне естественно в провозглашении и обеспечении свободы совести исходила из этого основополагающего документа по вопросам религии и церкви. В декрете же прямо говорилось об обеспечении свободного исполнения религиозных обрядов, если они не нарушали общественного порядка и не сопровождались посягательством на права граждан.

Да иного ничего и не могло пониматься под этой формулировкой. Церковь отделялась от государства, а школа от церкви. Государство не нуждалось в услугах религии. Религиозная клятва и присяга отменялись. Все государственные институты, вся деятельность государственных учреждений ни с религией, ни с религиозными организациями не связывались, а действия их никакими религиозными обрядами или церемониями не сопровождались. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных и общественных, а также частных учебных заведениях исключалось. Оно могло осуществляться только в специальных богословских учебных заведениях. Граждане могли обучаться религии частным образом, в семье.

В подтверждение того, что под свободой религиозной пропаганды в Конституции 1918 года понималась свобода отправления религиозных культов, сошлемся еще на постановление Народного комиссариата юстиции «О порядке проведения в жизнь Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», которое, кстати, было принято после утверждения Конституции. В нем говорилось, что в государственных и иных публично-правовых помещениях не допускается совершение религиозных обрядов и церемоний, помещение каких-либо религиозных изображений. Религиозные шествия и совершение каких бы то ни было религиозных обрядов на улицах и площадях могли происходить только с письменного разрешения местных властей. К их проведению полностью относился пункт пятый декрета о том, что они не должны вести к нарушению общественного порядка и к посягательству на права граждан.

Таким образом, между статьями о свободе совести Конституций 1918 и 1936 годов никаких противоречий нет и быть не может. Они сформулированы на основе ленинских принципов отношения к религии и церкви и в соответствии с марксистским, научным пониманием свободы совести. Отличия, которые имеются в формулировке статьи о свободе совести в Конституции 1936 года по сравнению с первой Советской Конституцией, обусловлены изменениями, происшедшими за период строительства основ социализма в нашей стране, и истолкованы как ограничение свободы совести быть не могут. Наоборот, в соответствии с Конституциями она обеспечивалась в полном своем объеме на базе развития социалистической демократии в целом. В них закреплялось главное, основное содержание свободы совести — свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды и главное условие осуществления этих свобод — отделение церкви от государства и школы от церкви.

Заканчивая разговор об обеспечении свободы совести в советском конституционном законодательстве, необходимо остановиться еще на одной, важной с этой точки зрения, особенности периода строительства основ социализма. Этот период характерен развитием в нашем обществе массового атеизма. Широкому и беспрепятственному распространению атеизма в нашей стране положила начало Октябрьская революция. Однако наиболее массовое его развитие происходило в процессе мирного социалистического строительства. Председатель Центрального совета Союза воинствующих безбожников Е. М. Ярославский, опираясь на данные, имевшиеся в Союзе, в 1937 году заявил, что к этому времени на селе порвали с религией в среднем свыше трети трудящихся, а в городе — примерно две трети [13].

Массовый отход трудящихся от религии и распространение атеизма были обусловлены прежде всего теми коренными экономическими, социальными, политическими и культурными преобразованиями, которые происходили в стране при строительстве социализма.

Ликвидация эксплуатации человека человеком, нищеты и безработицы, неграмотности и культурной отсталости, мощное развитие экономики, науки, образования и культуры, рост политической сознательности трудящихся в процессе строительства основ социализма не могли не вести к освобождению сознания и поведения людей от влияния религии. Большую роль в этом играла и та огромная идеологическая работа, которая велась в то время по коммунистическому воспитанию трудящихся, формированию у них марксистско-ленинского мировоззрения.

Закономерность здесь такова: все, чего достигает социализм в развитии экономики, социальных отношений, науки и культуры, в совершенствовании социалистической демократии, предоставляется в распоряжение всех граждан, независимо от отношения их к религии и атеизму; успехи социалистического строительства служат мощным фактором преодоления всех старых взглядов, убеждений и традиций старого общества, в том числе и религии. Отход от религии, утверждение в сознании людей научного мировоззрения и атеистических убеждений закономерны; это часть общего прогресса, осуществляемого в условиях коммунистического строительства.

---

[12] См. также «Свобода совести в первых законодательных актах Советского государства». «Наука и религия», 1978, № 10.

[13] «Об антирелигиозной пропаганде». Сборник. М., 1937, стр. 19.

О ЧЕМ НАМ ПИШУТ

Читатель сообщает, советует, спрашивает

По сложившейся традиции каждый год в 12-м номере журнала мы публикуем обзор читательских писем. Такие обзоры появлялись и в других номерах, но этот подводит как бы итог разговору с читателями. О чем же пишут нам наши корреспонденты — и те, кто знаком с нашим журналом уже много лет, и те, кто прочитал его впервые и спешит высказать нам свою точку зрения по тем или иным вопросам?

Больше всего приходит откликов на статьи и очерки, которые рассказывают о человеческих судьбах, посвящены проблемам гуманизма, а также тех авторов, которые на примере чьей-то конкретной судьбы пытаются дать ответ на извечные вопросы о смысле человеческого бытия. Эти письма — яркий показатель того, затронула ли та или иная тема сердца читателей.

Очерк Е. Лосото «Три сестры и шесть братьев» (1978, № 2) рассказывал о том, как многодетная семья, потеряв отца и мать, не распалась. Сироты устояли перед свалившейся на них бедой, сохранили свое семейное гнездо, отчий дом, потому что к ним на помощь пришли добрые люди. Отклики на этот очерк были в большинстве своем весьма лаконичны. Например: «Дорогая редакция! Сообщите адрес семьи Дурневых. Хочу послать им посылку». И таких отзывчивых людей оказалось немало.

Часть писем, вызванных очерком Л. Графовой «Уроки оптимизма», напечатана в № 6. Авторы их заинтересованно рассуждают о назначении человека, во имя чего он живет и трудится. Одни обращаются к А. Китаеву, объясняя ему его неправоту, другие — к героине очерка Ирине Триус, стремясь оказать ей моральную поддержку.

«Воспоминания» (№ 6, 7 и 8) — отрывки из новой книги Г. Медынского, которая скоро выйдет в свет, — привлекли наших читателей тем, что этот известный писатель отвечает в своем повествовании на вопросы, затрагивающие основы миропонимания всякого человека: верить или не верить в бога? Для чего я живу, если оборвется рано или поздно моя жизнь? В чем же тогда ее смысл? Эти же самые извечные вопросы задают наши читатели в своих письмах, обращенных к Г. Медынскому. Мы предполагаем поговорить о них отдельно, вынеся на страницы наиболее интересные из них. Такой разговор — о смысле жизни — всегда насущен и необходим...

Не уменьшается число писем и от тех наших читателей, для кого утверждение материалистического мировоззрения стало делом жизни, определило круг интересов и устремлений, вызывает пристальное внимание ко всему, что так или иначе касается пропаганды научного атеизма. Эти читатели часто присылают свои замечания и пожелания по поводу наших публикаций. С некоторыми мы соглашаемся, с другими — нет, но всем благодарны за внимание к нашей работе.

«...Мне кажется, что атеистическую пропаганду журнал ваш ведет уж очень робко, боитесь, как бы не обидеть верующего», — упрекает нас Иван Тимофеевич Морозов из-под Ленинграда.

Но при этом в начале своего страстного письма сообщает, что для себя, убежденного атеиста, находит наш журнал интересным. И с грустью добавляет, что вот молодежь, по его мнению, не очень-то прислушивается к атеистической пропаганде. Передаются, например, регулярно по радио атеистические лекции, а слушают ли их молодые парни и девушки? Над квартирой Ивана Тимофеевича живет молодая девушка Оля. Радиотрансляцию она никогда не включает.

Ивана Тимофеевича беспокоит состояние атеистической пропаганды и влияние религиозности на подрастающее поколение. Он берет для примера свою Загородную улицу в Колпине. Здесь он живет почти четверть века и знаком в своем квартале со многими жителями. Кто из них верующие? Только старые женщины. Они в религиозные праздники ездят в церковь в Ленинград или Тосно. Ездили бы молиться сами, но иные возят с собой внучат. Значит, у этих детей возникает вопрос о боженьке: есть ли он вправду? Бабушка говорит, что есть и что наказывает непослушных детей. Эта мысль может крепко засесть в сознании человека. Вот и получается, пишет Иван Тимофеевич, что некоторые молодые женщины на Загородной улице, имеющие среднее или неполное среднее образование, считают, что «что-то» все-таки есть. Они не посещают церковь, не молятся дома и вообще не верят в бога, удивятся, наверное, если назвать их верующими, но признают существование «чего-то такого». На всякий случай. Вдруг да на самом деле есть какая-то сверхъестественная сила, властвующая над человеческими судьбами.

«...Значит, плохо велось в школе преподавание естествознания и других предметов и, видимо, не говорили учителя на уроках о вреде религии...» — делает вывод И. Т. Морозов.

У него в семье все атеисты: жена, сын, дочь и внуки. Одному тринадцать лет, другому — семь. Отдыхали они с родителями в Закарпатской области, и из разговоров с сельскими ребятами выяснилось: те верят, что боженька есть, он живет на небе. А вот внукам Ивана Тимофеевича было у кого перенять твердость атеистических убеждений.

«...Я убедилась, что атеистическое воспитание нужно начинать с дошкольного возраста, — пишет нам Мария Васильевна Меньшикова, лектор-атеист с большим стажем. — Мой внук, придя однажды из детского сада, спросил меня: «Это правда, что боженька с неба ударит камнем того, кто не слушается!» Оказалось, что так внушала в садике верую-

щая нянечка своему внуку и другим детям, а воспитателей эти нянечкины слова нисколько не встревожили. Нужно воспитывать атеизм и у школьников. Вот почему, кроме основной лекторской работы, я охотно провожу занятия в университете знаний на факультете «Юный атеист»...

Мария Васильевна подробно делится своим опытом лектора. Она выступает перед слушателями уже более 50 лет. Убедилась, что целесообразнее читать не отдельные разрозненные лекции по атеизму, а циклы, углубленно освещающие ту или иную тему. Всю свою аудиторию, своих постоянных слушателей, она давно знает в лицо. Однажды перед очередной лекцией к ней подошла пожилая женщина и сказала:

«Спасибо тебе большое, что ты нам все так понятно рассказывала о религии, откуда она началась и кому от нее польза, а кому вред, и кто такие сектанты. Они ведь, милая, стали было наведываться ко мне, одинокой. Зазывали на моленье свое, а я не пошла. И все им высказала про религию, что от тебя узнала. Они враз и отстали».

Приятно было слышать Марии Васильевне такую похвалу и сознавать, что лекторский ее труд дает свои плоды.

К таким, как она, вообще ко всем пропагандистам атеизма обращен вопрос: «А зачем вы пропагандируете атеизм? Кому от религии в наше время вред?» Такие письма, как правило, пишут религиозные люди. Мы отвечаем им, но лучшим ответом служит сам наш журнал.

Бывает, попадаются в нашей почте письма людей нестойких в своих убеждениях, пытающихся использовать религию как разменную монету в корыстных целях. Примерно таким было письмо одной женщины из закарпатского города Рахова.

«Я мать-одиночка, у меня маленькая дочь. Несколько раз я обращалась в горсовет, в партком, в рабочком, чтобы устроить дочку в ясли, но везде отвечают, что мест нет. Надо ждать очереди и очень долго, а я не могу ждать, у меня обстоятельства очень тяжелые, я нуждаюсь. Мне обещают помочь в жизни люди из секты «свидетели бога Иеговы». Бабка оттуда согласна бесплатно сидеть с моей дочкой, лишь бы я вступила в секту, и я вынуждена буду вступить».

Это письмо мы переслали в Раховский райком партии. Ответ пришел быстро. Мы узнали, что наша корреспондентка работает сувенирщицей мебельного цеха на лесокомбинате. По ее просьбе ей разрешили делать заготовки сувениров на дому. Администрация лесокомбината выделила ей топливо. Ребенок будет устроен в детский сад. Результатами рассмотрения своего письма в редакцию журнала эта женщина удовлетворена.

Еще одна жительница того же города А. П. Пицура пожаловалась нам, что ее уволили с работы. А так как она и без того находится в беде (муж ее осужден), то к ней на помощь пришли сердобольные сектанты, зовут ее в секту.

И это письмо мы переслали в Закарпатский обком Компартии Украины и получили вскоре ответ:

«Жалоба Пицуры А. П. проверена, факты не подтвердились. Пицура А. П. уволена с должности заведующей детским садом Раховского лесокомбината, так как не обеспечила руководство и должный уровень работы. Ей предложили работать воспитательницей здесь же, но она отказалась и стала писать необоснованные жалобы. Проверками жалоб занимались работники обкома партии, облисполкома, облпрокуратуры, облсуда и других органов. Пицуре А. П. неоднократно разъясняли беспочвенность ее требований и предлагали приступить к работе в любом дошкольном учреждении г. Рахова... Лишь через три года она дала согласие работать. Муж ее осужден за нанесение телесных повреждений своему соседу. Заявление о том, что она в случае неудовлетворения ее требований вступит в секту, является одной из очередных попыток извлечь для себя определенную выгоду».

Есть в нашей почте и письма такого примерно содержания: вот вы говорите, что бога нет, а со мной случилось такое-то происшествие, которое иначе как вмешательством сверхъестественной силы не объяснишь... Или читатель пересказывает «вещий» сон и пытается научно обосновать его.

В статье «О вещих снах и всезнающем блюдечке» (1977, № 12) мы обстоятельно высказали свое мнение по этому поводу. Откликов пришло много. Некоторые читатели категорически отказывались согласиться с научными выводами, которые мы приводили. Ничего-де ученые не знают, а вот попробуйте сами посидеть за блюдцем и увидите воочию, как оно бегает по листу с алфавитом и набирает из букв слова, отвечая на всякие вопросы.

На эту тему — о спиритизме, мистицизме и суевериях — у нас уже было немало различных публикаций. Мы предполагаем в одном из номеров будущего года в специальной статье ответить на письма наших суеверных корреспондентов. Но выдержки из одного характерного письма, не требующего комментариев, позвольте привести сейчас. Подпись автора неразборчива, ясны лишь инициалы Л. Д., обратный адрес — город Цюрупинск Херсонской области.

Л. Д. решил самолично проверить, на каком же языке разговаривают духи. Ведь, скажем, Александр Македонский или Наполеон не знали русского, а спрашивающие их не разговаривают ни по-древнегречески, ни по-французски. Компанию Л. Д. составил зять, третьим был студент-филолог, по чьей инициативе и состоялся сеанс. Тут же присутствовала мать студента, врач-невропатолог, не очень, кстати, доверявшая сыну и следившая за тем, чтобы он не жульничал. Каково же было изумление Л. Д., когда блюдце действительно забегало, да так проворно, что студент еле успевал переводить на русский язык речи вызванных духов!

«...Духи разговаривают на своем, а не на нашем языке! — убежденно сообщает нам Л. Д. в длинном своем письме.— Каждый на своем! Адольф Эйхман — на немецком, половецкий хан Югай-хан, живший в X веке, на своем — половецком. Ребе Суабал-бен-Натан-бен-Нохем-бен-Монахем, живший в Иудее 2000 лет назад, — на древнееврейском. Я записал несколько слов Югай-хана — конь, седло, сабля — как они звучали на половецком языке, и на следующий день показал своему дяде, знающему среднеазиатские языки, и он подтвердил, что записанные мною слова имеют именно это значение, хотя произношение их несколько странное. Когда я ему открыл, от кого услыхал, он просто не поверил...»

Мы тоже не верим, как, наверное, и подавляющее большинство наших читателей. Что же, комментарии, как сказано выше, излишни, но трудно удержаться от оценки: «Браво, студент-филолог!»

Много улыбок вызвало в редакции это письмо. Но бывают и грустные — такова уж редакционная почта. Вскрываешь очередной конверт и думаешь: о чем нас спрашивает этот читатель? Что его порадовало в журнале, что огорчило? Чем он интересуется, о чем хочет поведать нам? Пишите нам, дорогие товарищи.

Е. СЕРГИЕНКО

ЗАМЕТКИ СЕЛЬКОРА

Родился я и вырос в глухих лесах Макарьевского уезда Костромской губернии. Село наше Юрово находилось верстах в пятидесяти от уездного города Макарьева, известного тем, что преподобный Макарий основал здесь в незапамятные времена монастырь на берегу реки Унжи. Поклониться мощам этого святого сходились и съезжались богомольцы на «Макарьев день» со всей губернии. Помню и себя в толпе паломников — водила и меня сюда однажды мать, чтобы излечился я от болезни глаз. Существовало поверье, что молитва «у Макария» помогает глазам.

Но прежде чем отправиться за исцелением, пришлось нам с матерью обойти за милостыней несколько деревень, чтобы собрать денег, — даром прикасаться к раке с «нетленными» мощами монахи не допускали. Святой, однако, не помог, болезнь сама прошла со временем, и я снова пошел в церковноприходскую школу. Другой в Юрове не было. Учили тут в первую очередь закону божьему, а также чтению и письму. Как говорится, на том спасибо. На какое еще образование мог рассчитывать сын бедняка? Священник-законоучитель заставлял нас затверживать молитвы, а если кто чуть запнется — бил больно линейкой по голове и рукам. Мне, озороватому мальчишке, доставалось за непослушание чаще, чем другим.

К нашему селу не подходили тогда шоссейные дороги. Даже исправник приезжал лишь зимой, когда подмерзали болота. Кормились мои земляки бедной пашнею да рекою и лесом. Зимой, в белую стужу, мужики рубили сосны, стягивали их по снегу к реке, а весной нанимались в сплавщики. Десяти лет мне не было, когда отец взял меня с собой на заработки валить лес. Лес сплавляли по рекам к большим городам. Я с завистью провожал взглядом плывшие вниз по Унже плоты — мечтал, как хорошо было бы самому поплыть в далекие края.

Но и в наш глухой уезд быстро докатилась весть об Октябрьской революции. Ох, как все изменилось вдруг! Школа что ни день была полна — в ней проводились митинги. Приезжие люди объясняли, что такое Советская власть, за что она борется. И хотя в Юрове еще жили купцы, а богатые мужики смеялись над бедняками, но уже входил в силу комбед. А вскоре образовалось товарищество по обработке земли. Я продолжал работать на сплаве, а по вечерам ходил на собрания.

В 1924 году, после смерти В. И. Ленина, в селе появились первые комсомольцы. Нас было всего шесть человек. Собирались мы в избе-читальне, репетировали спектакли, выпускали стенные газеты «Юный безбожник», «Лесное эхо», уговаривали крестьян не ходить в церковь.

Вскоре в Юрове перестала действовать церковь. Это была наша первая победа! После этого богатеи нас встречали угрозами, а фронтовики, пришедшие с гражданской, стали нам помогать. Помню, какой радостью был простой детекторный приемник, который появился в избе-читальне. Не обращая внимания на треск и помехи, мы слушали радио, казавшееся всем необъяснимым чудом. В юровскую глухомань долетал голос Москвы!

В это время я начал посылать заметки в уездную газету «Крестьянский край». Так стал я сельским корреспондентом. Писал о попе, который обирает крестьян, о кулаках, ворующих лес, о ликбезе, о делах комсомольцев... Свои заметки подписывал вначале «Юркор» — юровский корреспондент, потом придумал себе псевдоним, который впоследствии стал моей фамилией.

...Вот уже более полвека минуло с тех пор, как я послал в газету первую селькоровскую заметку, а все не могу забыть и своего лесного села, и товарищей-комсомольцев, с которыми доныне переписываюсь, и тот день, когда меня приняли в партию. Это произошло в 1929 году. Я уехал из родных мест, учился в городе, работал, воевал, снова работал. Теперь я старик, давно стали взрослыми мои дети, но продолжаю писать в газету обо всем, что волнует меня, чем живу. Если подсчитать все заметки, статьи и очерки, что послал за 50 селькоровских лет в газеты и журналы, то получится более двух тысяч.

Послевоенные годы моей жизни связаны с городом Тарусой и с редакцией здешней газеты. Отмечали в этой родной мне редакции мое 70-летие. Из журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент» пришла телеграмма: «Сердечно поздравляем с юбилеем старейшего селькора Вашей газеты В. И. Шкарбанова, желаем ему доброго здоровья и удачных, полезных выступлений на ваших страницах»...

Что же, это доброе пожелание я стараюсь выполнять: описываю свершения великого времени, стараюсь отыскать в окружающей действительности интересный факт, чтобы написать о нем в областную или районную газету. По-прежнему остаюсь рядовым солдатом советской печати.

В. ШКАРБАНОВ

д. Игнатовское
Тарусского района
Калужской области

НЕ ПРОСТО РАЗУВЕРИТЬСЯ

Живу я жизнь долгую — мне уже 80, — как раз самое время оглянуться на прошедшие годы. Была я искренне верующей, да разве я одна верила, что на небесах есть боженька, строгий и милосердный. Верить в это легко, а вот разувериться не так-то просто.

Священники внушали нам, что по природе своей человек всю жизнь только и делает, что грешит, и поэтому обязан постоянно замаливать грехи перед богом. Мы, бедные люди, послушно приходили в церковь и на исповеди раскаивались в грехах. Утешало нас то, что их у нас гораздо меньше, чем у богатых. Сказано в священном писании, что скорее верблюд пройдет сквозь игольное ушко, чем богатый войдет в царство небесное. Вот на царство небесное и была у бедно-

го человека вся надежда. И за эту надежду платил он немалые деньги. Не дешево быть христианином. Начиная от крещения, когда младенца окунают в купель, и до отпевания, как закончит человек свой земной путь, — все заступничество бога требовало платы. Станет ли батюшка крестить, венчать или соборовать задаром?

Заступался, однако, бог за бедных не сильно. Уж очень много было до революции нищих и всяких побирушек. Ходили они с сумой из хаты в хату, старые и малые, и зимой и летом — в любое время года, в дождь и стужу. Бывало, человек 10 подойдет за день к окошку попросить милостыньку Христа ради на пропитание. Сейчас вы, молодые, и представить себе не можете, сколько народу по деревням христараднинчало в неурожайный год. А чем мы, бедняки, могли им помочь? Домишки наши, крытые соломой, были ох как небогаты. Что раньше украшало село? Церковь, да поповский дом с садом, да барская усадьба.

Девчушкой молилась я на коленках о хорошей жизни, но бог не услышал. Училась я в церковноприходской школе так хорошо, что священник, наш законоучитель, хотел даже похлопотать, чтобы меня приняли учиться дальше, на казенный счет. Но благое желание батюшки осталось неосуществленным. 12 лет отдали меня родители к этому же попу в прислуги. Был у него сын, ровесник мой, Сережа, и ничего он целыми днями не делал. А я в захлюпанном фартуке, в стоптанных лаптях металась и по дому и по двору — и печи топила, и белье стирала, и убирала за скотиной. Старалась повсюду с работой успеть, верила, что за старание свое попаду в рай. Попросила я однажды у батюшки Библию почитать про житье в раю, а батюшка не дал. Сказал, что мала я еще, не разберусь в священном писании, да и читать Библию абы кому тоже грех.

Всю жизнь нам бедным напоминали про грех. Ослушаться барина было грех, а вот баре греха не боялись. Я сама слыхала от родной своей бабушки такую историю. Мать ее отчима Катерина выходила замуж из Кергуд в Кочкари еще при крепостном праве. Кергудский барин проиграл в карты кочкарскому помещику двоих крепостных. Вот подъезжает управляющий верхом на лошади к избе бедной крестьянской вдовы и кричит ей, не слезая с седла: «Эй, Лизавета! Барин приказал, чтобы ты собирала двух своих девок в Кочкари замуж, Аграфену да Катерину!» Мать в слезы, девки тоже, но кто посмеет не выполнить барское приказание? Утром их и увезли, и повенчали с такими же бесправными женихами в кочкаревской церкви. Разве же священник не знал, что совершает таинство венчания над подневольными людьми, которые до сей минуты и в глаза друг друга не видели?

Вот мало-помалу, случай за случаем и разрушалась вера в моей душе. Мне удивительно читать в вашем журнале или слышать от кого-либо, что есть молодые люди, которые верят в бога. Они же не знают нужды, все двери для них открыты — иди учись, хоть на инженера, хоть на генерала, набирайся ума, а умному, ученому как же можно уповать на бога? Уж про нынешних молодых верующих не скажешь, что им было легко поверить. Их ведь не учили тому, что гром небесный происходит от колесницы Ильи пророка, а молнии — его огненные стрелы.

Давно в моем доме нет икон — поснимала. А висит на видном месте под стеклом портрет Владимира Ильича Ленина. Очень я благодарна ему за Советскую власть, за то, что женщина получила равные права с мужчиной, а ведь религия считает ее сосудом греховным.

Кто-то неизвестный прислал мне по почте «святое письмо» и велел переписать его девять раз и разослать людям. Если я не исполню, то бог меня накажет. Не испугалась я божьего наказания, не стала переписывать, а растопила тем «святым письмом» печку.

Л. АФАНАСЬЕВА

д. Кочкари
Ичалковского района
Мордовской АССР

СЕКРЕТЫ ГАДАНИЯ

Современные люди живут без суеверий, однако есть еще доверчивые души, которые попадаются на удочку цыганкам-гадалкам, надеясь узнать грядущую свою судьбу. О таких вот людях сказано: «блажен, кто верует».

Излишне объяснять, что ни профессиональные гадалки, ни какой-либо иной прорицатель предсказать судьбу не могут. Просто нет ее самой — этой заранее предначертанной кем-то судьбы каждого человека. Зато такие гадалки усвоили богатейший опыт определения человеческой индивидуальной психологии. Они нередко с первого взгляда и довольно безошибочно видят, удастся ли погадать этому человеку, а главное — внимательно всматриваются в лица и выбирают тех, кто объят сомнением, стоит на жизненном распутье, не тверд во взглядах.

Я проделывал такой опыт. Увидев цыганок-гадалок, я с веселым любопытством посматривал на них и уверенной походкой шел мимо. Никто из них никогда не обращался ко мне. Я даже сам просил их погадать, иронично улыбаясь, но они не желали и разговаривать со мной. А в другой раз я намеренно сутулился, тащился как убитый горем человек — лицо задумчивое, несчастное, глаза потуплены. И тут же немедленно подходила цыганка и предлагала погадать. А если я при этом взглядывал не нее с робкой надеждой, то она сразу требовала:

— Дай сначала рублик. Позолоти ручку!

Иногда гадание выглядит довольно достоверно, подтверждая слова великого русского естествоиспытателя И. М. Сеченова, создателя естественнонаучного направления в психологии: «...Всякое мимическое движение лица следует рассматривать как конец рефлекса, осложненного психическими элементами». Гадалки, разумеется, не изучали ни Сеченова, ни вообще какой-либо литературы, однако практически они умело пользуются этим законом. Опытные гадалки, обладая чутким восприятием состояния психики наблюдаемого человека, легко устанавливают связь между его мимическими движениями и определенными эмоциями, которые вызывают их слова. Поэтому они довольно верно ориентируются и знают, что именно следует сказать данному человеку. Гадание можно сравнить с детской игрой «холодно-горячо». Эти сигналы подает своими психомоторными реакциями сам человек, которому гадают.

Например, цыганка, гадая молодой девушке, говорит о ее будущем замужестве, но на лице девушки написано полное безразличие — у нее нет пока никаких планов на этот счет. Гадалка видит, что стала на ложный путь, и начинает говорить о здоровье близких. Вот здесь-то лицо меняется, делается озабоченным, потому что у девушки тяжело больна мать. Это несчастье и заставило ее подойти к гадалке, а та, видя перед собой такое лицо, теперь-то уже знает, о чем следует сказать!

Карты, линии на ладони или какие-либо иные признаки никакой роли здесь не играют. Обратите внимание, часто гадалки начинают гадать, глядя лишь на внешний облик прохожего, стараясь остановить и заинтересовать его. Второй прием техники гадания — эффект неопределенности, многозначности, или «таинство демагогии», по определению психолога В. Леви. В своей книге «Я и мы» он писал:

«Есть такие растяжимые слова и фразы — они многозначны, а потому почти ничего не значат, но в личной адре-

совке вдруг, как губки, начинают пропитываться значением, становятся просто магическими, человек верит, что это только о нем, только ему. Это та самая блистательная неопределенность, которая так эффектно работает на самых разных уровнях. Так пишут стихи. Так прорицают. Так соблазняют. Так составляются проповеди и рекламы спиртных напитков».

Успех гадания (то есть сумма денег, добытых мошенническим путем) прямо зависит от психических качеств жертвы. Эмоционально неустойчивые личности чаще «клюют» на такую наживку, у них ярче психомоторные реакции, а желание узнать будущее делает их чрезвычайно доверчивыми. Гадалка ловко играет на этом, оттягивая окончательный ответ, выуживая побольше сведений, а заодно и денег, и зачастую забирает у обманутой жертвы все содержимое кошелька. Состояние человека в этот момент можно сравнить с гипнотическим внушением. Бывает, что люди, отдавшие большие суммы, спохватываются, будто от какого-то наваждения, и нередко обращаются за помощью в милицию.

Поучительная история приключилась с одной моей знакомой Таней С. К ней, студентке пединститута, подошли на городском рынке две цыганки и предложили погадать. Она согласилась, решив истратить рубль. Но пришлось отдать еще три, затем гадалка попросила еще и еще, пообещав дать самый верный ответ на интересующий девушку вопрос. Мелких денег у Тани больше не было, и она положила на ладонь гадалки десятирублевую бумажку — цыганка пообещала вернуть ей эту купюру. Гадалка дунула — деньги исчезли, но она тут же успокоила девушку, сказав, что с этими деньгами исчезли ее неудачи, болезни и «злой глаз». Как отдавала все оставшиеся деньги, Таня помнит плохо: все было будто в тумане.

Что здесь сказать? Можно как-то попытаться оправдать малограмотного человека, сославшись на его невежество. Ну, а если на эту «удочку» попадаются образованные люди? Их просто жаль. Конечно, таких людей очень мало. Я как-то провел один эксперимент, подсчитал, что цыганкам-гадалкам удается остановить одного человека из 120—170 прохожих. Особенно стремятся гадалки — любым способом — остановить нерешительных людей: просят две копейки «на телефон», «на молоко» грудному ребенку и обязательно предлагают зайти в укромное место, чтобы человек не «стеснялся» быть для них добрым.

Люди, которые ищут помощь в гадании, часто стремятся к легкому успеху в жизни — это тоже вывод из моих наблюдений. Но разрешите напомнить, что легкий успех чужд нашему обществу. Недаром же в капиталистических странах, где царит инфляция, безработица, депрессия, где трудящиеся постоянно беспокоятся о завтрашнем дне, процветают гадатели, хироманты, астрологи, ясновидцы и прочая братия этого рода. Однако и у нас они еще, к сожалению, пока встречаются. И это суеверие нам надо изживать.

Ф. АЛОЯРОВ,
учитель

с. Чувалкипово
Чишминского района
Башкирской АССР

Если случилась беда...

Интересен опыт атеистической работы специальной библиотеки имени Т. Г. Шевченко Львовского учебно-производственного объединения. Сюда приходят люди, по разным причинам потерявшие зрение. Чтобы правильно спланировать и организовать работу, учитывая подобную специфику, заведующая библиотекой Екатерина Дмитриевна Ситниченко вместе со своими помощниками обратилась за помощью в местное отделение общества «Знание» и во Львовский музей истории религии и атеизма. С их помощью провели устный журнал «Люди и боги», прочитали лекции на темы: «Когда и как возникла религия», «Сионизм на службе агрессии», «Современное униатство», «Современное христианство», «Происхождение христианского культа». Причем темы и содержание выступлений были подсказаны самими читателями.

Значительное место библиотека отводит беседе — одной из самых эффективных форм общения с читателями. Взять, к примеру, встречи с интересными людьми — ветеранами партии и комсомола, Великой Отечественной войны и труда, передовиками производства. Надолго останется в памяти у всех встреча с Клавдией Ильиничной Шаликовой, героиней очерка Ю. Яковлева «Девочка из Бреста». Клавдия Ильинична — активная читательница библиотеки, хорошо всем знакома. Ее рассказ о военных годах, о том, как рано повзрослели в ту суровую пору наши девчонки и мальчишки, как беззаветно посвящали себя служению и защите Родины, был чрезвычайно интересен. Десятки лекций и бесед не сделали бы того, что сделала своим выступлением эта высокая, стройная, с военной выправкой женщина, в защитном кителе с многочисленными наградами, короткой стрижкой седеющих волос, в черных непроницаемых очках.

Три года тому назад на базе библиотеки была организована зональная школа передового опыта по пропаганде атеистической и естественнонаучной литературы. В ее программе — прослушивание лекций, консультации, обмен опытом работы, посещение музеев, экскурсии. Например, спецбиблиотека в городе Луцке накопила интересный опыт составления звуковых журналов, которые ее сотрудники готовят совместно с агитбригадой культпросветучилища. Были показаны три звуковых журнала: «Подвиг» — о Герое Советского Союза Н. Кузнецове, «Человек. Наука. Мир» — о научном и религиозном представлении о строении мира, «Люди русской науки». Звуковой журнал записывается на магнитофонную ленту и может по желанию читателей быть выдан на руки. Поскольку, кроме текстов, сюда включаются номера художественной самодеятельности и музыкальные фрагменты, слушается журнал с большим интересом.

Н. САМОВОЛЬСКАЯ,
заведующая методическим отделом республиканской Центральной библиотеки Украинского общества слепых имени Н. Островского

В школе лектора-атеиста

При кафедре марксистско-ленинской философии Ворошиловградского сельскохозяйственного института работает школа лектора-атеиста. Ее слушатели — студенты агрономического и зооинженерного факультетов — изучают и активно пропагандируют новые обряды и праздники. В программу школы входит знакомство с передовым опытом новой обрядности: ее слушатели посещают загсы во время торжественной регистрации брака и имянаречения, проводы в армию, чествование передовиков производства; изучают литературу о новых обрядах и праздниках. А затем они работают над рефератами «Великий Октябрь и советские обряды», «Новые обряды и праздники при советском образе жизни», «Религиозные обряды и их специфические социальные функции», «Обряд как средство эстетического воспитания» и выступают с докладами перед студентами, а во время производственной практики — перед тружениками села.

После окончания двухгодичного курса выпускники школы получают удостоверение лектора-общественника по научному атеизму.

П. ДЬЯЧЕНКО,
доцент кафедры философии

Ворошиловград

ТВОРЦЫ РЕЛИГИИ ИЗ РЕАЛЬНОГО СОЗДАВАЛИ ФАНТАЗИИ; ИХ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ ФАНТАЗИИ МНЯТ РЕАЛЬНОСТЬЮ.

СЛЕПАЯ ВЕРА АССОЦИИРУЕТСЯ С ОБМАНОМ.

ФАНТАЗИЯ, НЕ РЕГУЛИРУЕМАЯ ЛОГИКОЙ ЗНАНИЯ, РОЖДАЕТ ИЛЛЮЗИИ.

ПРИНЦИП ЧЕТЫРЕХ ЕВАНГЕЛИСТОВ: ЧТОБЫ ТЕБЕ ПОВЕРИЛИ В ГЛАВНОМ, ОШИБАЙСЯ В ДЕТАЛЯХ.

ОДИН ЛИШЬ САВАОФ СОЗДАЛ МИР ИЗ НИЧЕГО; ВСЕ ПОСЛЕДУЮЩИЕ ТВОРЦЫ ЛИШЬ ОТКРЫВАЛИ В ПРИВЫЧНОМ НЕОБЫЧНОЕ.

В ЛЮБОМ ЗНАНИИ СУЕВЕРНЫЙ ИЩЕТ ЛИШЬ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ СВОЕМУ СУЕВЕРИЮ.

Валентин БОРИСОВ

МУСУЛЬМАНСКАЯ ПРОПОВЕДЬ СЕГОДНЯ

Н. АШИРОВ

Пропагандист атеизма, работающий среди мусульман, обязан знать основы исламского вероучения, содержание Корана, Сунны. Однако в наше время этого совершенно недостаточно. Необходимо знать, как духовные наставники мусульман толкуют коранические поучения, с какими призывами и назиданиями обращаются они к верующим, как оценивают события современной жизни с религиозной точки зрения. Иными словами, надо знать, как в наши дни проявляется религиозная идеология, какими путями и способами она влияет на сознание и поведение людей. Представление об этом дает мусульманская проповедь, произносимая в мечети (хотя, надо сказать, что, конечно, не весь ислам вмещается в рамки деятельности мечети — у него есть и другие пути воздействия на людей). Проповедь касается практически всех сторон жизни мусульманина, затрагивает вопросы социальные, нравственные, исторические.

В предлагаемой статье Нугмана Аширова дается анализ содержания современной мусульманской проповеди. Наш журнал обращался к этой теме несколько лет назад в статье М. Халмухамедова «О чем говорят мусульманские проповедники!» (1969, № 6). Сравнение этих материалов поможет интересующемуся читателю увидеть основные тенденции в эволюции проповеди. Мы заметим лишь, что в сегодняшних обращениях служителей мусульманского культа к верующим еще отчетливее заметны приспособленческие особенности ислама, связанные с изменениями условий общественной жизни и сознания верующих.

Предание приписывает пророку Мухаммеду заявление о том, что в мечети нельзя вести мирских разговоров. Следуя этому велению, первые проповедники ислама строили свое обращение к пастве по одному шаблону: восхваление Аллаха, благословение святого пророка, восхваление правителей и назидание мусульманам в чисто религиозном духе. Такая проповедь была на первых порах очень краткой — длилась не более пяти минут. Поэт той эпохи Ибн Хамдис по поводу мимолетности свидания с возлюбленной сетовал: «Коротко, как пребывание проповедника на минбаре»[1]. Каждый раз мусульманам обязательно напоминали о приближающемся конце света, о необходимости готовиться к «встрече с Аллахом». «Я предостерегаю вас, о верующие, — говорил проповедник Ибн ал-Джаузи Мунтазам, — от любви к сему миру, не склоняйтесь к тому, что проходит, расходится и прекращает существовать»[2]. Если страна воевала или собиралась воевать, проповедник напоминал пастве и о том, что обязанность каждого мусульманина — участвовать в священной войне с неверными.

Всякой религии присущ догматизм и консерватизм, а исламу особенно. Это сказалось и на проповеди. Мусульманская традиция требовала, чтобы проповедь читалась на арабском — языке Корана. Многие века служители культа во всех странах, где жили мусульмане (в том числе и в Средней Азии, на Кавказе, в Поволжье), читали проповеди по-арабски, хотя мало кто из слушателей понимал, что они говорили. Соблюдалась традиция и в содержании проповеди, и в ее продолжительности.

Однако такая жесткая регламентация не могла оставаться неизменной, она противоречила интересам религии и мешала ей выполнять свои социальные функции. Руководители религиозных организаций и власти видели в мечети сильное средство идеологического и политического воздействия на массы, и многоопытное духовенство со временем нашло способы обходить требования традиции. До начала обязательного пятничного намаза или праздничной молитвы служители культа заводили разговор с теми, кто собирался в мечети, на языке, понятном присутствующим. Постепенно в районах распространения ислама сложилась традиция произнесения проповедей как бы вне пределов богослужения, но в то же время они стали его неотъемлемой частью. В них затрагивались уже не только вопросы вероучения, как этого требовала традиция, но и социально-политические и нравственные проблемы.

На каждом историческом этапе проповедь приспосабливалась к насущным нуждам момента, звучала по-разному в разных странах, в соответствующей аудитории и с веками стала заметно отличаться от поучений, произносившихся первыми мусульманскими проповедниками. Увеличивалась и ее продолжительность — предстоящий на молитве произносил назидания мусульманам уже не пять, а 20—40 минут.

Особенно сильно видоизменилась проповедь мусульманского духовенства в нашей стране. Анализ ее содержания обнаруживает усиливающиеся модернистские тенденции в мусульманской религии, которая приспосабливается к советскому образу жизни, чтобы сохранить свое влияние на верующих в обществе, где преобладающим стало атеистическое мировоззрение.

Служители культа в своей проповеднической деятельности сегодня отказываются от многих традиционных норм. Они касаются в своих выступлениях и тех вопросов, которые не имеют отношения к религии. Один из видных богословов, например, призывает мусульманских проповедников в беседах с теми, кто приходит в мечеть, давать ответы «на все интересующие их вопросы». Он предлагает рассматривать мечеть как «религиозно-культурный центр, где верующие получают духовную пищу»[3].

Какую же духовную пищу предлагают сегодня мусульманам в этом «религиозно-культурном центре»?

Мусульманские служители культа стремятся каждую возможность использовать для пропаганды религии и укрепления ее влияния на окружающих. Не только богослужение, но и обряды — имянаречение, обрезание, бракосочетание, отпевание — сопровождаются наставлениями мулл. Радостное событие в семье верующего или беда, начало религиозного поста или гражданский праздник, конец уборки урожая или подготовка к зимовке колхозного скота — все может быть поводом для проповеди.

[1] См.: А. Мец. Мусульманский ренессанс. М., 1966, стр. 259.
[2] Там же, стр. 258.
[3] «Мусульмане Советского Востока», 1976, № 1, стр. 5.

Как и в прежние времена, сегодня много места в ней занимает разъяснение мусульманского вероучения, с той лишь разницей, что религиозные деятели стремятся избегать тех доводов в пользу его истинности, которые достаточно легко опровергнуть научной критикой. Многие догматические положения, несовместимые с уровнем знаний современного верующего, замалчиваются, другие толкуются аллегорически, а значительная их часть получает осовремененное истолкование. Интересно, как интерпретируется, например, учение Корана о рае и загробном воздаянии.

«Рай — это все хорошее, полезное, приятное, — говорил недавно проповедник в Самаркандской мечети «Ходжа Зурмурад». — Ад — плохое, отрицательное. Если человек живет хорошо, честно, в достатке, то это значит, что он уже получил часть плодов рая. Все плоды рая он получит в загробной жизни». Переносит понятие рая на землю и ахунд Хачмасской мечети (Азербайджанская ССР): «...Советское государство возникло как государство бедных и эксплуатируемых. Это угодно Аллаху, ибо в хадисе № 661 говорится: «Все имеет свой ключ. А ключ рая — бедность и покорность. Бедные, проживавшие на территории царской России, вошли в советский строй как в рай, данный Аллахом».

Не вдаются проповедники в детали учения Корана об Аллахе как творце и управителе Вселенной. Они стараются избегать бесед о качествах и способностях бога, о том, из чего и каким образом он «сотворил» человека. Такие детали могли бы, пожалуй, красноречивее научных аргументов показать современному верующему несостоятельность важнейшего положения исламской догматики. Служители культа чаще всего пытаются говорить о бытии бога в полемическом плане, по-своему откликаясь на аргументы пропагандистов научного атеизма.

«Иные люди говорят, что если бы бог был, то кто-нибудь его видел бы, а его не видел никто. Даже космонавты, которые летают высоко в Космос, не видели его, говорят такие люди. А как же быть тогда с сознанием, которое управляет действиями человека? Ведь никто не сомневается в том, что оно есть, однако никто и никогда его не видел. Так и Аллах. Он создал мир и управляет им, хотя никто из людей его и не видел», — так звучала проповедь на эту тему в Ленинградской соборной мечети.

А вот другой пример такого же типа. «Есть люди, которые говорят, что человек создан не богом, а природой. Но как же природа, не имеющая ни души, ни сознания, могла наделить человека этими качествами? Достаточно поставить такой вопрос, чтобы убедиться, что только Аллах мог быть творцом человека», — убеждал паству мулла в Чистопольской соборной мечети.

Эти примеры ясно показывают, какими доводами пользуются служители культа.

На задний план отодвигается сегодня в проповеди и одно из важнейших положений мусульманской догматики — принцип предопределения. Служители культа все чаще вынуждены признавать существование закономерностей в развитии природы и общественной жизни, не отрицают они и того, что человек — творец своей собственной судьбы. Собственно, иначе они и не могут, ведь их слушатели — свидетели и участники исторических событий в жизни страны — строительства социализма, разгрома фашизма, восстановления народного хозяйства и многих других. Они понимают, что осуществлены все эти грандиозные дела по планам, разработанным Коммунистической партией и социалистическим государством. Проповедники отдают себе отчет в том, что нельзя эти свершения приписывать исключительно воле бога.

Вместе с тем, они не хотят противопоставлять эти достижения советского народа установлениям Аллаха. В их интерпретации источником великих побед, одержанных трудящимися страны, оказывается и воля бога. «50 лет существования нашего многонационального государства с позволения милостивого и милосердного Аллаха были годами развития народного хозяйства, военного могущества страны, повышения благосостояния и культуры населения, — говорилось в послании председателя Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-ислама Алиага Сулейман-заде по случаю 50-летия СССР. — Волей Аллаха советская наука вышла на передовые рубежи развития человеческой мысли. Восторжествовали свобода, равноправие, братство и дружба между нациями и народностями. Все это соответствует священному Корану и совершается с благословения Аллаха». В проповеди, произнесенной 26 августа 1977 года в Уфимской соборной мечети, говорилось, что и возникновение Советского государства во главе с В. И. Лениным и все, что происходило в нашей стране, предсказано в Коране и хадисах.

Небезынтересна позиция мусульманских проповедников в национальном вопросе. В их изображении получается, что ислам — универсальное средство для решения всех национальных проблем, что именно эта религия обеспечивала на протяжении столетий дружбу и братство народов Северного Кавказа, Средней Азии, Казахстана и т. д., что исламские принципы помогли их народам объединиться при Советской власти со всеми народами страны и установить с ними отношения дружбы. Естественно, что в таких проповедях нет сегодня места многим фактам из подлинной истории ислама, например, ничего не говорится о призывах мулл помнить «священные принципы исламской религии» и не вступать в союз с «кяфирами» — немусульманами в годы революции и гражданской войны. Как раз вопреки «исламским принципам» классовые интересы вели трудящихся мусульман к союзу с трудящимися России.

Служители культа превозносят роль ислама в истории того или иного народа; в мечетях Татарии, например, ежегодно отмечается день принятия ислама предками татар. Этому событию посвящаются специальные проповеди, где говорится о «благотворной» роли ислама, даже проводится мысль о том, что более раннее принятие ислама татарами помогло им добиться больших успехов в национальном развитии, чем соседям. «Мы должны поминать добром уважаемых предков и обязаны за них молиться, — говорилось в проповеди имама-хатыба Казанской соборной мечети. — Если бы они не проявили старания и не приняли ислам, упаси Аллах, мы остались бы в наших ложных верованиях, были бы отсталыми».

В прежние времена в исламе откровенно звучала воинственная проповедь исключительности мусульман, резко противопоставлялись народы, исповедующие ислам, исповедующим иные религии. В наше время такие мотивы уже не могут звучать слишком явно. Тем не менее они присутствуют в проповедях, как, например, в той, что посвящена принятию татарами ислама. Иной раз эти ноты начинают звучать довольно резко, вновь обнаруживая высокомерное, пренебрежительное отношение ислама к иноверцам. «Уважаемые братья, мусульмане, — говорилось в проповеди, произнесенной в Уфимской соборной мечети. — Вы стали самыми благородными среди людей, которые были созданы в мире. Разве могут быть народы, которые сравнились бы с последователями ислама? Разве могут быть народы, которые стояли бы выше народа — любимца двух миров — нашего народа?!»

Немалое место в проповедях занимает популяризация обрядов и праздников ислама. Служители культа подробно рассказывают об истории их возникновения, доказывают их земную «пользу» для верующих. Обо всем этом речь может идти в любое время года, но выступлениям в дни мусульманских праздников придается особое значение. Служители культа тщательно готовятся к праздничным проповедям, стараясь сделать их доступными и привлекательными для всех присутствующих, ведь в такие дни в мечеть приходит в несколько раз больше людей, чем обычно.

«Уважаемые сородичи, любимые братья по вере! — говорил в день праздника курбан-байрам имам-хатыб Чистопольской мечети. — Поздравляю вас с праздником мусульманской дружбы и мира, с самым лучшим праздником всех народов мира, религий, наук и человечества!» Далее он объявил присутствующим, что именно ислам прекратил человеческие жертвоприношения и что в честь этого события и празднуется курбан-байрам. Но ведь любому мало-мальски образованному человеку известно, что принесение в жертву людей прекратилось в ходе развития цивилизации в различных районах мира без какого бы то ни было участия ислама и задолго до его возникновения. Да и в Аравии, где зародился ислам, еще до его появления людей уже не приносили в жертву.

В проповедях, посвященных мусульманскому посту и следующему за ним празднику разговения, неизменно содержатся напоминания о необходимости поздравить в день уразы-байрама всех соседей и родственников «по случаю национального праздника».

Мусульманские деятели сетуют в своих проповедях на нерадивость тех, кто «богу отдает минимум, а получить от него хочет максимум», их беспокоит сокращение числа людей, строго исполняющих все обряды. В соборной мечети «Деванабай» (г. Андижан) мулла упрекал верующих: «Нужно выполнять все предписания нашей религии, тогда Аллах вознаградит счастьем в этом мире и в мире ином. А среди нас есть такие мусульмане, которые два раза в году придут в мечеть и ждут от бога помощи».

Но как бы то ни было, религиозным деятелям приходится считаться с реальностью, идти на уступки. Все чаще они высказываются за «либерализацию» культа, «освобождают» верующих, занятых на производстве, в поле, от совершения некоторых обрядов или же «разрешают» выполнять их не в установленное время и в урезанном виде. В таких случаях они всегда подчеркивают, что делается это «во имя общественных интересов». Многие служители культа, например, говорят, что те, кто не имеет возможности выполнять пятикратные молитвы, могут ограничиться пятничным намазом. Идут даже навстречу тем, кто и в пятничные дни отказывается бывать в мечети, — главное, чтобы у человека осталась хоть какая-то связь с мусульманской общиной. «Верующие, которые не могут приходить в мечеть по пятницам, пусть приходят хотя бы на уразу-байрам и курбан-байрам, — говорил имам-хатыб мечети в Татарской Каргале (Оренбургская область). — Именно в праздники каждый мусульманин в обязательном порядке должен участвовать в совместной молитве». Уже за это им обещают рай: «Тот, кто с чистым сердцем в праздничный день приходит в мечеть и совершает молитву, тот будет удостоен рая», — говорил имам-хатыб Омской соборной мечети в день курбан-байрама. А ведь раньше ад «полагался» уже за невыполнение хотя бы одного предписания.

Сознание современного мусульманина изменилось — он допускает массу отступлений от требований вероучения, и теперь духовенство пересматривает сам вопрос о том, кого можно считать верующим. Еще не так давно считалось, что мусульманин лишь тот, кто придерживается пяти столпов веры: признает, что нет бога, кроме Аллаха; совершает намаз; соблюдает месячный пост; платит милостыню закят и совершает паломничество в Мекку. Сегодня необходимые качества верующего определяются не столь строго. При этом считается, что каждый представитель народа, чьей религией традиционно являлся ислам, — мусульманин, независимо от того, все ли религиозные предписания он выполняет. «Если мусульманин не соблюдает некоторые предписания Корана, не соблюдает уразу, не совершает пятикратные моления, это еще не значит, что он неверующий, — говорил проповедник в Ташкентской соборной мечети «Шейх Зайнутдин». — Немусульманином считается тот, кто публично заявит перед верующими в мечети о том, что он не признает предписаний Аллаха».

Благочестивых дел, подтверждающих приверженность человека исламу, говорят служители культа, очень много, и дела эти ни в коей мере не ограничиваются молитвами и постами. Среди них они называют добросовестный труд на благо Родины, выполнение законов государства, уважение и почитание старших, особенно родителей, и т. д. Проповедники подводят человека к мысли о том, что главное — в какой-то момент покаяться и искренне попросить у Аллаха прощения за все пропущенные молитвы и посты. «Ни один человек не свободен от ошибок и грехов, — разъяснялось верующим в Казанской соборной мечети. — Но истинная вера у тех ошибающихся и совершающих грехи, кто искренне просит, обращаясь к Аллаху, о прощении совершенных грехов и ошибок». Мусульманская проповедь старается своевременно откликаться на жизненные запросы верующих, удовлетворять их интересы, заботясь о том, чтобы не снизилось влияние на них религиозной идеологии. Так, когда в нашем обществе особо возрос интерес к проблемам социальным и нравственным, они, естественно, стали занимать все большее место в проповедях. Руководители религиозных центров откровенно предлагают проповедникам обращаться к популярным в среде верующих социалистическим идеям, рекомендуя при этом «увязывать» их с учением ислама.

В «Обращении ко всем мусульманам Дагестана и Северного Кавказа», принятом на съезде мусульманского духовенства Северного Кавказа 16 октября 1975 года, сказано, что построение коммунизма является великим земным «идеалом пророка Мухаммеда». Это, разумеется, нашло отражение и в проповеднической деятельности. «Путь, по которому ныне народы идут к социализму и коммунизму, есть путь Аллаха, так как общество может идти только к такому социальному устройству, которое предусмотрено всевышним», — говорилось в проповеди, произнесенной вскоре после принятия этого обращения в Хасавюртской соборной мечети (Дагестанская АССР).

Однако проповедники ислама всегда подчеркивают превосходство поучений Корана над любыми достижениями человеческой мысли. «Коран возносит человека над любым другим нравственным и духовным учением», — утверждалось в Московской соборной мечети. И далее: «Созданное самим Аллахом является верхом совершенства, и с ним не может сравниться никакой результат человеческой деятельности, ибо сам человек сотворен богом».

Мусульманские проповедники утверждают, что в Коране содержатся «принципы социализма» и учение о «высшей форме человеческого общества». Цель их выступлений — убедить слушателей, что ислам «прогрессивен», что идеи коммунизма заимствованы из Корана и Сунны. Это, кстати, показывает, как важна пропаганда среди верующих марксистско-ленинского учения об обществе.

Обращаясь к достижениям Советской страны в развитии экономики и культуры, в повышении материального благосостояния населения, мусульманские деятели стараются так построить свои проповеди, чтобы создать у слушателей впечатление «преемственности» целей и задач, которым служили религиозные деятели прошлого и служит социалистическое государство. «Братья и сестры! — говорил проповедник в Бакинской соборной мечети «Таза-пир». — Мы сегодня собрались сюда, чтобы отметить сороковой день известного траура шиитов и почтить память тех великих мучеников во главе с имамом Хусейном, которые жили и боролись, наконец, в нужный момент отдали свою жизнь ради нас!.. Они хотели, чтобы все люди жили и трудились в мире, чтобы не было на земле нищеты и нищих, кровавых войн и несправедливости. Разве нынешняя политика нашего государства не направлена на это? Разве вы не видите, что наш народ достиг небывало высокого уровня жизни? Разве не мечтали наши предки о такой жизни, о таком государстве, где самое большое внимание уделяется женщинам, детям и старикам? Где вы увидите столько лечебниц и школ? Нигде! Да благословит Аллах наше государство!..»

Духовенство стремится использовать как аргумент в пользу соблюдения обрядов и предписаний ислама экономические и культурные достижения социализма, высокий уровень благосостояния советских людей, демократизм нашего образа жизни. «Если бы наши предки, выполнявшие все религиозные нормы в тяжелые времена царизма, когда голод, нищета и бесправие были уделом мусульман, жили сегодня в нашей стране, то они ежесекундно, наверное, вспоминали бы бога и не пропускали бы ни одной молитвы, ни одного предписания ислама. Следовательно, и нам нужно постоянно благодарить Аллаха и наше Советское правительство», — утверждал в пятничной проповеди имам-хатыб Ростовской соборной мечети. Далее он пояснял: бога благодарить следует молитвами, постом, а правительство — высокопроизводительным трудом на благо общества.

Кстати, призывы к высокопроизводительному труду на благо Родины довольно часто звучат в выступлениях проповедников. Но они всегда, как и в приведенном выше примере, сочетаются с рекомендациями тщательно выполнять все предписания религии. «Умножим же наши усилия по укреплению могущества Родины. Счастье всегда будет сопутствовать народам нашей страны, если мы будем строго и честно исполнять все наставления Аллаха», — говорил проповедник Ташкентской соборной мечети «Якка-Сарай».

Особое внимание обращается в проповедях на социальные проблемы, когда происходят важные события в социально-экономической и культурной жизни общества, отмечаются важные вехи в истории нашей Родины. Верующие в СССР — полноправные участники этих событий, поэтому не удивительно, например, что во время разработки и обсуждения проектов пятилетних планов социально-экономического развития страны, празднования годовщин Великой Октябрьской социалистической революции, 50-летия Союза ССР, 100-летия со дня рождения В. И. Ленина, 50-летий союзных республик, в период обсуждения проекта новой Конституции СССР и т. д. социальная проблематика постоянно присутствовала в проповедях. В этой связи можно сослаться на проповедь, произнесенную в мечети «Талхатан-Баба» (Туркменская ССР) летом 1977 года. «Внимательно ознакомившись с проектом новой Конституции СССР, мы, мусульмане, убедились, что многие ее статьи полностью соответствуют учению священного Корана и высказываниям пророка Мухаммеда, — говорилось в этой проповеди. — Мы целиком и полностью одобряем этот проект, ибо он выражает волю и сокровенные мысли всех народов нашей страны, в том числе и туркменского народа, и молимся Аллаху, чтобы он даровал всяческие успехи Советскому правительству и его лидерам в их благородной деятельности!»

Нет необходимости здесь доказывать, что высказывания богословов о пользе труда на благо общества, их призывы про-

являть активность в строительстве социализма и коммунизма никак не следуют из вероучительных принципов ислама. Они являются отражением изменившегося сознания верующих, которые, как и другие члены советского общества, смысл жизни видят в служении общественным идеалам, в высокопроизводительном труде на благо Родины.

Поучения и лозунги, вытекающие из вероучительных основ ислама, звучат совершенно по-другому. Они находятся в непримиримом противоречии с призывами проявлять активность в строительстве коммунизма. Взять хотя бы учение о роли сверхъестественной силы в истории. Догмат о божественном предопределении мешает верующим осознать ценность человеческой деятельности, логика этого учения исключает активную, сознательную позицию человека в строительстве коммунизма.

Стремясь откликнуться на самые разнообразные события и удовлетворить запросы разных категорий верующих, служители культа особенно часто затрагивают проблемы нравственности. Из их проповедей следует, что все простые нормы нравственности и справедливости порождены и утверждены исламом. «...Не обижайте родителей своих, старайтесь для них сделать все хорошее, чтобы на том свете они на вас не обижались, — поучает имам одной из мечетей Куйбышевской области. — Дайте дорогу молодым, учите их хорошим поступкам, а стариков уважайте. Детей учите хорошему, живите с родными братьями и сестрами дружно, помогайте друг другу, живите в хороших отношениях с соседями, помогайте одиноким женщинам. Остерегайтесь алчности, жадности, не наживайтесь на чужом добре, не совершайте преступных действий. Живите, как бог велит, как учит наша священная религия».

Выполнение этих простых норм нравственности и справедливости приравнивается часто к таким принципиальным требованиям религии, как обязательная пятикратная молитва или пост ураза. «Чтобы не стать двуногим сатаной, нужно быть истинным мусульманином, — говорилось в проповеди, произнесенной по случаю праздника курбан-байрам в Казанской соборной мечети. — Все деяния зависят от самого человека. Его горе и радость — также. Будем разумными и будем совершать святые дела. Сюда относятся пятикратный намаз, пост, уважение к родителям, соседям. Если этого не будем делать, то будем годны только для топлива, как засохшее дерево».

Иные служители культа считают даже, что за одно только выполнение простых норм нравственности и справедливости можно получить все дары рая. Так, имам-хатыб соборной мечети в городе Бугульме говорил: «Все мусульмане друг другу родственники. Поэтому все мы должны жить в мире и согласии. Такая жизнь обеспечит нам рай в будущем. Мы также должны жить в мире с соседями. Среди нас не должно быть обманщиков, лжецов, оскорбителей и воров».

На беседах и лекциях, посвященных критическому разбору мусульманской нравственной проповеди, верующие порой недоумевают: «Разве исламские нормы, требующие уважать родителей и стариков, жить дружно с соседями, осуждать высокомерие, насилие и воровство, вредны?»

Кто же будет спорить с тем, что простые нормы нравственности и справедливости полезны? Но бесспорно и то, что они вовсе не являются исламскими и религиозными вообще. Они были выработаны и усвоены народом задолго до возникновения ислама или какого-либо другого вероисповедания как разумные и элементарные требования человеческого общежития, без которых совместное существование людей невозможно. Религия же, и ислам в том числе, присвоила их и в ряде случаев извратила. Согласно вероучению, нормы нравственности даны богом и выполнять их нужно, чтобы заслужить райское блаженство на том свете, бог же постоянно следит за тем, как люди их выполняют. Здесь не только нарушена истина, здесь содержится порочная установка: быть нравственным из страха перед божьим наказанием, а не из внутренней убежденности и потребности.

В нравственных поучениях мусульманских проповедников нередко звучит идея, что добрые поступки может совершать только правоверный, ибо «истина лишь в исламе». «Кто не верит в Аллаха, в пророков, в ангелов и в судный день, тот стоит далеко от истины, он глубоко заблуждается,— говорилось в проповеди в Казанской соборной мечети. — Человек будет стремиться к хорошим деяниям только в том случае, если у него будет прочная вера в существование одного существа, видящего все его поступки, вера в то, что от него ничего нельзя скрыть». Получается, что человек не может быть благородным, если за ним кто-то постоянно не следит, чтобы наказать за плохие поступки. Такая ситуация вполне согласуется с учением Корана, утверждающим, что человек создан слабым, неблагодарным, обижающим других (сура 14, аят 37; сура 4, аят 32; сура 22, аят 65 и др.).

В Коране говорится, что неверующие безнравственны, распутны, лживы (сура 32, аят 18; сура 74, аят 51; сура 16, аят 107; сура 3, аят 123 и др.). Эти идеи современные проповедники предпочитают прямо не распространять, однако они находят отзвук в современных наставлениях мусульманам. «Высоконравственным можно признать лишь того человека, который полностью выполняет все предписания и обряды ислама, не нарушает законов шариата»,— внушалось в одной из проповедей в Московской соборной мечети. «Быть нравственным — значит быть покорным и преданным Аллаху»,— говорилось в другой.

Выводя таким образом неверующих из круга высоконравственных людей, мусульманские проповедники, однако, не решаются противопоставлять нравственные нормы ислама моральному кодексу строителя коммунизма. Нравственные принципы, зафиксированные в этом кодексе и воплощаемые в советском образе жизни, столь единодушно поддерживаются всем населением страны, в том числе и верующими-мусульманами, что богословы просто не могут говорить о преимуществах исламской морали по сравнению с ним. Поэтому многие мусульманские религиозные деятели сегодня призывают верующих молиться за успехи атеистов в земной жизни, просить для них у Аллаха доброго здоровья и долгих лет жизни и места в раю.

Эти их высказывания резко противоречат учению Корана о том, что только верующие, исполняющие все предписания Аллаха, будут счастливы и на этом и на том свете, а неверных «накажет... Аллах мучительным наказанием в ближайшей жизни и в будущей» (сура 9, аят 75). Ведь тех, кто не верит в Аллаха (то есть людей других вероисповеданий и атеистов), Коран называет «обитателями ада». Однако жизнь заставляет мусульманских деятелей переносить на толкование потусторонних проблем осуществленное зрелым социализмом полное равноправие людей, независимо от их происхождения, национальности, социального положения и отношения к религии.

Даже приведенные нами немногочисленные примеры говорят о противоречивости мусульманской проповеди, как и самого вероучения, о множестве особенностей и нюансов в выступлениях служителей культа, которые для сохранения позиций религии прибегают к самым разнообразным приемам толкования догматических положений, то отступают от них, то настаивают на их непреложной истинности.

Столь же противоречива и мусульманская нравственная проповедь. Взять хотя бы то, как освещается в ней проблема смысла человеческой жизни. Согласно исламу, он заключается в служении Аллаху, и главные обязанности человека — перед богом, а не перед людьми. И даже то, что человек делает для людей, он делает во имя Аллаха. «Я ведь создал джиннов и людей только, чтобы они мне поклонялись», —говорится в Коране (сура 51, аят 56). Об этом часто напоминает верующим мусульманское духовенство в своих проповедях. Вместе с тем в них говорится и о том, что активный труд человека на пользу обществу — непременное условие райского воздаяния.

Мусульманские проповедники говорят о «тождественности» исламских нравственных идеалов принципам коммунистической морали, что исламская мораль «соответствует основному кодексу морали всего общества»[4], при этом стараются обосновать невозможность нравственного прогресса вне рамок ислама. Такое отождествление коммунистической морали и нравственных поучений ислама создает у верующих неправильное представление, будто, следуя исламским нравственным нормам, они уже находятся на уровне требований морального кодекса строителя коммунизма.

Анализ современной мусульманской проповеди позволяет пропагандистам научного атеизма показать, что модернизация ислама вызывается необходимостью совместить его вероучение и культовую практику с новым укладом жизни людей в социалистическом обществе. Ислам приспосабливается к этому укладу нередко ценою отказа от множества установлений, провозглашенных, согласно религиозной традиции, самим Аллахом. Это хорошо видно на примере эволюции мусульманской проповеди, которая лишний раз подтверждает антинаучную сущность религии, в основе которой лежит превратное миропонимание.

[4] «Мусульмане Советского Востока», 1975, № 1, стр. 8.

ВОЛЬТЕР

К. ЯМ, кандидат философских наук

Вольтер.
Скульптура Жана Гудона.

Величайшие мыслители Франции Франсуа Мари Аруэ Вольтер и Жан-Жак Руссо жили в одно время и умерли в один год 200 лет назад, но никогда не встречались друг с другом. Различные по происхождению (Вольтер — сын парижского нотариуса, Руссо родился в Женеве в семье часовых дел мастера), по складу ума, характеру мышления, они наиболее ярко выразили передовые идеи своей эпохи. Среди их огромного наследия — стихотворения, трагедии и комедии, героические поэмы, романы и повести, исторические сочинения и философские труды.

Развитие капиталистических отношений и торговли сделало Францию XVIII века крупнейшей европейской державой. В стране сформировалась крупная торговая и промышленная буржуазия. Вместе с тем давали о себе знать и остатки феодализма. Характеризуя свою эпоху, Руссо писал: «...Растет угнетение, причем угнетенным никогда не дано знать, каков будет его предел и какие у них останутся законные средства, чтобы остановить его рост.... теряют свою силу и угасают мало-помалу гражданские права... и слепое повиновение — вот единственная добродетель, которая оставлена рабам» [1].

Столь смелое суждение было далеко не безопасно во Франции того времени. 16 апреля 1752 года король подписал декрет, по которому «виновные в подготовке и напечатании сочинений, направленных к возмущению умов и к покушению на королевскую власть», наказывались смертной казнью. За стихи против принца Филиппа Орлеанского Вольтер 11 месяцев провел в Бастилии. За публикацию «Письма о слепых» Дидро стал узником Венсенского замка. Королевский совет приговорил к сожжению на костре книгу Гельвеция «Об уме». Почти каждую ночь тайная полиция бросала в тюрьмы людей, в печатной или устной форме осуждавших пороки существующего строя.

В этих условиях вокруг знаменитой «Энциклопедии», «великого памятника наций», сплотились передовые умы Франции — философы, писатели, ученые — и повели беспощадную борьбу с феодально-абсолютистским государством, невежеством, мракобесием и предрассудками. Вождем просветителей-энциклопедистов был по праву признан Вольтер. «Ничто из того, что писал Вольтер, — отмечал Руссо, — не ускользнуло от нас. Мой интерес к его произведениям вызывал во мне желание научиться писать изящно и стараться подражать прекрасному слогу этого автора, который восхищал меня» [2].

Авторы «Энциклопедии» различались по своим философским убеждениям и политическим идеалам. Это различие проявилось особенно ярко в полемике Вольтера и Руссо о содержании и характере современной исторической эпохи.

Отвергая теологическую концепцию «золотого века» (счастливого первобытного состояния), Вольтер рассматривал историю как последовательное поступательное движение от первобытного варварства к новейшей цивилизации. Развитие промышленности и земледелия, расцвет ремесел, торговли, искусства, науки и культуры, создание более совершенных экономических, политических и социальных отношений, победа разума над религиозными суевериями и предрассудками — вот в чем, по убеждению Вольтера, сущность исторического развития.

В середине XVIII века проблему содержания социального прогресса обсуждали многие мыслители Франции. В 1749 году Дижонская академия учредила премию за лучшее сочинение на тему: способствовало ли возрождение наук и искусств очищению нравов? В сочинении «Рассуждение о науках и искусствах» Руссо в противоположность Вольтеру дал отрицательный ответ на этот вопрос: науки и искусства, по его мнению, не только не способствовали очищению нравов, но, напротив, привели и их порче и разложению. В сочинении, удостоенном премии академии и принесшем ему славу, Руссо, разоблачая классовую природу французской культуры XVII — начала XVIII века, ее связь с французским абсолютизмом, утверждал, что просвещение, науки, искусства — враги морали, они не улучшают повседневную жизнь человека.

Руссо осуждал частную собственность, политическое, социальное, экономическое неравенство, возмущался сосредоточением в руках 350 тысяч представителей дворянства и духовенства одной трети лучших земель Франции, чем, конечно, подрывал основы феодального строя. Более того, обосновывая необходимость установления равенства между людьми, Руссо наметил задачи борьбы не только против феодализма, но и развившегося в недрах феодализма капиталистического уклада.

Ненависть к общественному строю, основанному на угнетении и деспотизме, приводит Руссо к выводу, что в справедливом обществе власть должна принадлежать народу. Осознавая враждебность буржуазии подлинной демократии, Руссо обосновал неизбежность революционного насилия над политической системой, препятствующей осуществлению народовластия.

Критикуя отрицательное отношение Руссо к общественному прогрессу и частной собственности, Вольтер объяснял темные стороны цивилизации недостаточным распространением культуры и просвещения. Одной из главных сил, препятствующих торжеству прогресса, Вольтер считал религию и церковь — опору фанатизма и мракобесия. Вольтер настойчиво призывал уничтожить «ужасающее чудовище», «мерзкую гидру», «гнусное привидение». «Раздавите гадину!» — таков был бесстрашный призыв Вольтера к уничтожению христианской церкви.

Преследование еретиков, крестовые походы, ужасы Варфоломеевской ночи, истребление миллионов коренных жителей Америки были в глазах Вольтера проявлением кровавого изуверства католической церкви — надежного оплота феодализма. Горячее желание освободить Францию от религиозной нетерпимости и несправедливости феодальных законов побуждало Вольтера поднимать свой голос в защиту невинных жертв старого порядка.

13 октября 1761 года в Тулузе из-за финансовых затруднений повесился молодой человек, сын протестанта Жана Каласа. В толпе, собравшейся вокруг дома самоубийцы, прошел слух, что он убит своим отцом из-за его ненависти к католической вере, которую юноша решил принять, чтобы получить возможность стать адвокатом. Тулузский суд приговорил 63-летнего Жана Каласа к мучительной смерти. Осужденного привезли на площадь, положили на колесо, палач перебил ему руки и ноги, раздробил грудь, после чего тело сожгли на костре, а прах развеяли по ветру.

---

[1] Жан-Жак Руссо. Трактаты. М., 1969, стр. 94—95.

[2] Жан-Жак Руссо. Избранные сочинения, т. 3. М., 1961, стр. 191.

И РУССО — ДВА ВЕКА БЕССМЕРТИЯ

Жан-Жак Руссо.
Портрет работы А. Рамзей, 1765 г.

Тулузская трагедия глубоко потрясла Вольтера. Он объявил беспощадную войну феодальной юриспруденции и религиозной нетерпимости. Дав прибежище сыновьям Каласа, он написал обвинительные письма от имени вдовы казненного и привлек к защите жертвы фанатизма лучших парижских адвокатов. Передовое общественное мнение Европы безраздельно поддержало Вольтера и потребовало справедливости. Через три года после казни Жан Калас получил посмертное оправдание.

Но в этом же, 1765 году в Абвиле осудили на смерть молодого офицера Лабарра, якобы осквернившего распятие, три столетия украшавшее перила городского моста. Лабарру отрубили руку, вырвали язык, затем обезглавили и сожгли. Вместе с останками казненного в костер бросили найденный у Лабарра экземпляр «Философского словаря» Вольтера.

Защита Каласа и Лабарра принесли Вольтеру европейскую славу борца за свободу совести, истину и справедливость.

Разоблачая фанатизм католической церкви, Вольтер близко подошел к пониманию того, что религия является формой искажения действительности. Так, по его мнению, христианское учение о конце света возникло под влиянием действительных потрясений — разорительных войн, крушений некогда могущественных государств, гибели сотен тысяч людей. Раскрывая механизм религиозного отражения действительности, Вольтер показал, что любая религия — заблуждение, а не выражение божественной мудрости. Вольтер дал критический анализ основных догматов христианства (учение о троице, о воплощении бога, о непорочном зачатии) и констатировал, что в Библии нет ни мудрости, ни здравого смысла. С этих позиций Вольтер доказывал, что основные положения религиозной морали противоречат принципам истинной нравственности. Главным догматом христианства, утверждал Вольтер, всегда был принцип ненависти, сделавший историю церкви непрерывным рядом тяжких преступлений, обманов, притеснений, мошенничества, грабительств. Изучение истории религии убедило Вольтера, что «христианская религия это сеть, которой мошенники опутывали глупцов более семнадцати веков, и кинжал, которым фанатики убивали своих братьев более четырнадцати столетий»[3].

Разоблачение религии и церкви — оплота тирании и деспотизма — принесло Вольтеру славу безбожника, а вольтерьянство сделалось наиболее ярким символом свободомыслия. Между тем Вольтер не был атеистом. В отношении к религии он, как и Руссо, занимал позицию деизма, отводя божеству роль «законодателя природы» и «перводвигателя вселенной».

Основные черты французского деизма отражены во фрагменте четвертой главы романа Руссо «Эмиль, или О воспитании», названной «Вероисповедание савойского викария». Сын крестьянина, бывший католический священник, разоблачает в ней лицемерие церкви, служители которой в личных интересах исказили первоначально возвышенную идею бога. Критикуя миф о первородном грехе, отрицая божественную сущность Христа, характеризуя систему церковной обрядности как полицейскую, показывая, что католические священники с помощью лжи присвоили себе роль представителей бога на земле, савойский викарий делает попытку реформировать христианство, очистить его от нелепых обрядов и догматов, превратить в идеальную «естественную религию», содержание которой почерпнуто из непосредственного чувства, из сокровенных глубин человеческого сердца.

Исходя из убеждения, что забвение религии приводит к моральной и социальной деградации, Руссо наиболее пагубным для человечества христианским догматом считал утверждение, что вне церкви нет спасения. Отвергая церковь, Руссо в то же время учил, что любая религия имеет смысл, если она проповедует добродетель, любовь к ближнему, веротерпимость.

В знаменитом трактате «Об общественном договоре» Руссо блестяще показал, как христианское «царство не от мира сего» в результате многовекового правления римских пап стало примером самого жестокого политического деспотизма. «Христианство, — писал Руссо, — проповедует лишь рабство и зависимость. Его дух слишком благоприятен для тирании... Истинные христиане созданы, чтобы быть рабами; они это знают, и это их почти не тревожит; сия краткая жизнь имеет в их глазах слишком мало цены»[4].

Несмотря на известные уступки христианству, Руссо, по существу, отверг католицизм, противопоставив ему исповедание гражданской религии, удовлетворяющей, на его взгляд, основные потребности общества. Ее догматы (существование могущественного, разумного бога, признание загробной жизни, святости общественного договора и гражданских законов) должны быть свободно приняты подданными государства.

Настаивая на необходимости сохранения веры в бога, Руссо отметил, что в мире, где царствуют зло, рабство, ненависть, невозможны гармония и справедливый общественный порядок без торжества возвышенной, общечеловеческой морали, нашедшей наиболее полное выражение в Евангелии.

Таким образом, идя на штурм феодализма, некоторые прогрессивные буржуазные мыслители не думали отказываться от религии. Вольтер считал идею бога политически необходимой, чтобы держать в повиновении народные массы. И если бога нет, его надо выдумать в интересах буржуазного общественного порядка, считал Вольтер.

Признание необходимости вознаграждающего и карающего бога для сохранения основ общества было органической частью мировоззрения и Вольтера и Руссо. И в то же время в период ожесточенной борьбы передовых сил Франции с феодальным государством и его верным союзником — католической церковью — деистическая программа Вольтера и Руссо была несомненно прогрессивной, являясь, по словам Маркса, удобным и легким способом «отделаться от религии»[5].

Оба мыслителя глубоко осознавали единство своих стремлений в решении главной задачи — уничтожении феодализма, религиозного фанатизма и католической церкви. Не в меньшей мере понимали это и враги прогресса. По приказу парижского суда и женевского магистрата в костер были брошены лучшие произведения Вольтера и Руссо. Французские католики требовали тюрьмы для автора «Эмиля».

Руссо считал себя учеником и последователем Вольтера. Он восхищался ге-

---

[3] Цит. по кн.: В. Н. Кузнецов. Вольтер и философия французского просвещения XVIII в. М., 1965, стр. 188.

[4] Жан-Жак Руссо. Трактаты, стр. 249, 253.

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 144.

нием своего старшего современника, высоко ценил его сочинения, особенно трагедии «Брут» и «Смерть Цезаря», клеймившие преступления деспотической власти и тирании. 30 мая 1778 года, получив известие о смерти Вольтера, Руссо сказал: «Чувствую, что моя жизнь связана с его жизнью; он умер, скоро и я умру». Через месяц — 2 июля — не стало и Руссо.

Пройдет чуть более 10 лет — и революционный Париж похоронит Руссо в Пантеоне рядом с Вольтером. С этого момента их посмертная слава навечно неразделима.

Выдающиеся деятели французской революции 1789 — 1794 годов признавали Руссо и Вольтера своими идейными предшественниками. Для самой революционной части буржуазии — якобинцев — Вольтер был великим разрушителем суеверий и предрассудков, Руссо — гением свободы, предсказавшим наступление века революций.

Многие европейские монархи относились к Руссо и Вольтеру как к основным виновникам французской буржуазной революции XVIII века. Свергнутый революцией Людовик XVI был убежден, что именно они погубили королевство. Императрица Екатерина II называла политический идеал Руссо «гидрой с тысячью двумястами головами».

Философские, исторические, драматические, поэтические сочинения Руссо и Вольтера быстро распространялись в России и стали органической частью русской культуры и идеологии русского просветительства. Первым перевел стихотворение Вольтера «Два рода любви» Антиох Кантемир. Вскоре М. В. Ломоносов перевел и другое стихотворение Вольтера «Королю Пруссии». С 1757 года Ломоносов вместе с куратором Московского университета И. И. Шуваловым пересылал Вольтеру материалы по истории России, использованные им для работы над «Историей Российской империи в царствование Петра Великого». В этом труде Вольтер дал высокую оценку деятельности Петра I и, разоблачая тех, кто пытался изобразить Россию как угрозу западной цивилизации, предсказывал великое будущее русскому народу.

Вольтер переписывался также с президентом Академии наук К. Т. Разумовским, поэтом А. П. Сумароковым. А. Н. Радищев, декабристы, А. С. Грибоедов, А. С. Пушкин, В. Г. Белинский, А. И. Герцен видели в Вольтере воинствующего гуманиста, разоблачителя пороков феодальной Франции, страстного и неутомимого борца против религиозного гнета.

Одновременно с произведениями Вольтера к концу XVIII века на русский язык были переведены почти все наиболее значительные сочинения Руссо. Восторженную оценку дал им А. Н. Радищев. Произведения Руссо пропагандировали Н. М. Карамзин, В. Ф. Одоевский. Любовь Руссо к народу, понимание его великой исторической миссии вызывало огромный интерес к трудам французского мыслителя у декабристов. А. С. Пушкин назвал женевского гражданина «защитником вольности и прав». В. Г. Белинский, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский считали политический идеал Руссо выражением революционного демократизма.

Светочи разума, гордость передовой всемирной культуры, Вольтер и Руссо остаются нашими современниками, нашими верными союзниками в борьбе за справедливое общественное устройство, против мракобесия и человеконенавистничества.

Светлые идеалы Вольтера и Руссо высоко оценил В. И. Ленин. Он рекомендовал издавать их труды. Выполняя завещание В. И. Ленина, советские издательства за 60 лет выпустили все наиболее значительные сочинения Вольтера и Руссо общим тиражом более миллиона экземпляров. Так все лучшее, что создали великие мыслители, обрело новую жизнь и подлинное признание в стране победившего социализма.

О чем писали русские газеты и журналы в декабре 1878 года

Кто знает наш простой народ, для того не должно быть удивительно, что в большинстве приходов вопрос о церковных сторожах находится все еще в первобытном виде, несмотря на официальное подтверждение этой необходимости изданием положения о двух сторожах.

Дело в том, что учреждение правильной сторожки при церкви неизбежно соединено с увеличением издержек со стороны прихожан... Наш крестьянин нередко тратит рубли на предметы своего услаждения, выходящие иногда за пределы благоразумия, и упорно выторговывает копейки в делах совершенно серьезных и необходимых. Правда, нельзя отрицать в нем способности быть щедрым в данную минуту, когда его вызывают на благотворительность, например, на больных и раненых воинов, на призрение полунагих, бесприютных, голодных славян, угнетаемых турками, и т. п. Но то дело вопиющей необходимости и притом временное, а главное — дело свободной воли каждого... Совсем иное для крестьянина дело — обязаться постоянным отчислением от своих заработков известного количества грошей на предмет, который, по-видимому, не может приносить ему прямой и осязательной пользы, как церковные, например, сторожа.

Вот почему всякий раз, когда приходится священнику заводить речь с прихожанами об учреждении правильной сторожки при церкви, ему приходится встречать полное несогласие и препирательство со стороны последних.

«Московские епархиальные ведомости»

Из Шуйского уезда. Недавно священнику одного села предстояло совершать обряд венчания. К назначенному времени в церковь явились жених и невеста с поезжанами. Началось венчание. В начале обряда к совершавшему венчание священнику подошел причетчик и заявил, что если жених не прибавит к установленной плате за венчание 3 руб., то он, причетчик, участвовать в совершении обряда не будет. Священник, несмотря на угрозу причетчика, распорядился продолжать совершение обряда. Место причетчика, удалившегося из церкви, заняли некоторые из поезжан. Когда дело дошло до возложения венцов, то их в церкви не оказалось. Послали к причетчику за венцами, но он отказался их выдать. Делать было нечего, пришлось отправить гонца за венцами в соседнее село, но и там получили отказ. Ввиду невозможности добыть венцы священник вынужден был послать полуобвенчанную чету довенчиваться в село Косему. Замечательно, что эта проделка причетчика обошлась ему благополучно, так как о. благочинный не придал ей значения.

«Голос»

Из Ростова-на-Дону. В двух верстах от станицы Новобатайской нашли икону. Кто-то пустил слух, что икона «явленная», стал стекаться народ, появились исцеления, и в народе быстро составилось убеждение в чудотворной силе иконы. Скоро, однако же, прибыл протоиерей с исправником. Тихо, без всякого оглашения, взяли они икону и поставили ее в новобатайской церкви. В народе это возбудило неудовольствие, и когда на другой день распространился слух, что по предписанию духовной консистории икону эту отправят в Екатеринослав, то ее похитили из церкви и поставили в том самом месте, где она явилась. Несмотря на требование начальствующих, местные крестьяне не выдают икону и порешили выстроить церковь на месте ее появления. Интересно, кто выйдет победителем в этой борьбе.

«Неделя»

Погоня за наживою, характеризующая наш материалистический век, желание получить как можно более выгод от того или другого рода занятий из среды чисто житейских отношений прокрались наконец в такую область, где материальные расчеты должны бы находиться под контролем соображений других, религиозно-нравственного свойства. Разумеем подделку восковых свеч через примешивание к воску различных посторонних веществ.

«Московские епархиальные ведомости»

СВЯТОЙ КОЛОДЕЦ

Я. САДОВСКИЙ
Фото автора.

Дом-музей Н. М. Пржевальского.

Василий Михайлович Гавриленков.

Озеро Сапшо.

КАПЛИЧКА

В 120 километрах от Смоленска, среди лесов, у озера Сапшо, находится поселок Пржевальское, названный в честь великого русского путешественника. Места эти поражают своей красотой. Вековой сосновый лес окружает водную гладь озера. На его многочисленных островах — заросли ивняка, белые березы, темная зелень елей. Сюда приезжают отдохнуть, полечиться местными минеральными водами и грязями в санатории имени Пржевальского.

Среди местных достопримечательностей вам назовут и Капличку — старинный колодец в лесу. До сих пор бытует поверье, что вода в нем чудодейственная — от многих хворей помогает. Причем не обязательно даже в нее окунуться, достаточно в колодец монетку бросить — и болезнь отступится.

И еще рассказывают легенду: в 1812 году забрел сюда отряд французских гренадеров, двигавшихся по Смоленской дороге к Москве. Попробовали супостаты воды из капличского колодца — и все поголовно ослепли. Но покинули враги родную нашу землю, и та же вода стала излечивать калек и хворых — тех, кто пришел сюда с миром.

Легенда эта, наверное, и закрепила за Капличкой репутацию святого колодца. Причудливо сплелись старинное поверье и реальная память о героическом прошлом народа — на старой Смоленской дороге нашла себе могилу армия Наполеона.

Рассказывает местный краевед Василий Михайлович Гавриленков:

— Действительно, память о прошлом — неиссякаемый святой колодец. Здешним жителям есть о чем вспомнить. Меня лично Капличка очень заинтересовала, и вот с какой стороны. Мы исследовали колодец — извлекли оттуда огромное количество старинных монет многовековой давности. Это же клад для историка! Вы их можете увидеть в нашем поселковом музее.

Так я попал в музей Пржевальского. Имя это невольно вызывает в памяти картины горных заоблачных высей Центральной Азии, Тибета, но отнюдь не пейзажи среднерусской застенчивой красоты. И тем не менее здесь, на Смоленщине, с ним многое связано: поселок Пржевальское, санаторий имени Пржевальского, дом-музей Пржевальского.

СЛОБОДА

В поселковом музее я познакомился с любопытным документом: «...Так как Тибет — страна религии, то случалось, что в него и прежде приходили люди из внешних стран. Но те, которые сыздавна не имели права приходить, не принимаются...» Затем — вереница подписей: наместник брайбунский Лобзан-Дандор, наместник в сэрайском храме великой Яны Гэньдун-Чайраг, наместник в храме великого победоносца в Гайдане Ринчень-Санбо и т. д. Внизу дата: «В год земли и зайца в 11-й луне 3 числа», то есть в конце 1879 года.

В лютые морозы конца этого года, преодолев неисчислимые преграды на своем пути и почти уже достигнув недоступной для европейцев Лхасы, столицы заоблачного Тибета, томилась в бездействии русская научная экспедиция — ждала разрешения местных властей двинуться дальше.

Другой документ: «...Я объяснял, — писал Н. М. Пржевальский, — что все мы русские и идем в Тибет за тем, чтобы посмотреть эту неизвестную для нас страну, узнать, какие живут в ней люди, какие водятся звери,. какая здесь растительность и т. д.; словом, цель наша исключительно научная...» Но чиновники непреклонны. Руководитель экспедиции, наконец, решает снять бивуак и повернуть на север, к границам родины.

Нет, Пржевальский не оставляет своей мечты — это пока еще третье его путешествие в Центральную Азию, будет еще и четвертое и пятое. Но пока домой. В Смоленской губернии — имение его матери, село Отрадное. Однако мать, которую он нежно любил, умерла, а дорогой его сердцу отрадненской тишины нет и в помине — неподалеку грохочет «чугунка». Ему же нужно уединение, чтобы целиком погрузиться в новый научный труд. Хоть и не удалось попасть в Лхасу, все равно материал скопился огромный...

Он ищет поблизости взамен Отрадного другой покойный уголок — но непременно здесь, на Смоленщине. И находит. «Кругом все лес, — восторженно делится он с близкими, — а из обрывистого берега бьет ключ. Местность вообще гористая, сильно напоминающая Урал. Озеро Сапшо в гористых берегах, словно Байкал в миниатюре...» Рядом — небольшое сельцо Слобода.

«Самым удивительным открытием Пржевальского я в глубине души считаю открытие Слободы, озера Сапшо. Открытие необыкновенного в обыкновенном... — пишет земляк великого первопроходца советский поэт Николай Рыленков и добавляет: — Для того чтобы сделать такое открытие, нужно тоже повидать свет...»

Слобода становится для Пржевальского землей обетованной. Здесь, в уединении и тишине, создает он свои науч-

ные труды, ставшие достоянием всего мира. Здесь с истинно русским радушием принимает гостей, которые едут к нему со всей России, тут со страстью завзятого охотника проводит целые дни в лесах с друзьями из местных крестьян. Они видят в нем не барина, помещика, а своего доброго друга и заступника.

Письмо Н. М. Пржевальского:

«...Отсутствие власти и закона чувствуется особенно в деревне. Там пьяный волостной писарь и безграмотный старшина бесконтрольно властвуют. Плохо и очень!»

Свидетельствует «дед Гром», Ф. В. Громов, мальчиком принимавший участие в охотничьих вылазках Пржевальского:

«Однажды Николай Михайлович подсел к нам и спрашивает: «А скажите, ребята, чем отличается охотник от попа?» Мы задумались, не зная, что сказать. А он, видя наше замешательство, отвечает сам: «Запомните, охотник снимает шкуру один раз и только с убитого зверя, а поп дерет шкуру с человека и с живого (при рождении) и с мертвого (за похороны)». Мы и рты раскрыли от страха, что так говорит он о батюшке, но краем уха мы и раньше слышали, что в слободскую церковь он почти не заходит...»

Велики научные заслуги этого исследователя, путешественника, прославившие Родину далеко за ее пределами. Но в памяти народной он остался еще и как добрый, щедрой души человек, которому были не безразличны судьбы бедного люда, обманываемого и притесняемого. В 1918 году, когда «красный петух» пожирал помещичьи усадьбы, крестьяне сберегли дом Пржевальского. В нем сперва была изба-читальня, потом районная больница. Велась подготовка к открытию здесь мемориального музея. Но началась война. Оккупанты не пощадили усадьбу великого путешественника — сад вырубили, дом сожгли.

В 1964 году, когда отмечалось 125-летие со дня рождения Н. М. Пржевальского, Слободу переименовали в поселок его имени. В 1977 году по старым фотографиям и описаниям дом Пржевальского был восстановлен, в него переместился местный музей, до этого располагавшийся в поселковом Доме культуры. Это подлинно народный музей. Основатели его, супруги Гавриленковы, создавали его не одни.

Василий Михайлович Гавриленков, в то время учитель географии, привлек к этому делу своих учеников, в оформлении помогли проходившие в Сапшо летнюю практику студенты художественно-графического факультета Смоленского пединститута. Сейчас заведует музеем Евгения Павловна Гавриленкова, в прошлом тоже школьная учительница.

Из книги отзывов:

«Уважаемая Евгения Павловна! Большое спасибо за вашу заботу о земле русской, ее гордости — наших земляках. Только человек большой души может с такой любовью воскресить героическое прошлое наших земляков и так бережно поддерживать и пополнять экспонаты. Горжусь вами. Ваш ученик офицер Советской Армии Ковалев А. Я.».

Это было совсем не просто — собрать экспонаты. Гавриленковы вели переписку с архивами, музеями, потомками Пржевальского. Они писали, без преувеличения, во все концы страны. И в поселок приходили посылки — редкие издания трудов ученого, некоторые его личные вещи. В поисках принимали активное участие ученики местной школы. Воспитывать в них гордость за свой родной край, преклонение перед тем, что составляет историю, святыни народные, — это ли не самая благородная задача народного учителя!..

ПАРТИЗАНСКИЙ КРАЙ

Временно весь второй этаж музея занимает экспозиция, посвященная Великой Отечественной войне. Здесь собран богатый материал о героической партизанской борьбе на Смоленщине. Слобода была центром партизанского края, тут находился райком партии, штаб партизанского соединения.

Среди опаленных огнем сражений, пропитанных дымом экспонатов пионерский галстук. На нем вышито:

**«Именем Родины, именем солнца клятву
даем павшим героям:
То, что отцы не допели, мы допоем,
То, что отцы не построили, мы построим.
Пионеры Хорошовской восьмилетней школы Рославльского района Смоленской области. 2. VI. 1977 г.»**

Пишет детям бывший командир сражавшегося здесь стрелкового полка: «Озера Баклановское, Рытов, Сапшо я буду помнить вечно. Помните, ребята: каждый метр вашей земли обагрен кровью ваших отцов и дедов...»

Они помнят! В Пржевальском и вокруг него — несколько братских кладбищ. Евгения Павловна показывает альбомы, куда аккуратно занесены имена погибших. Восстанавливать эти имена помогали местные школьники — ее и Василия Михайловича ученики. А на братской могиле памятник — солдат, склоняющий знамя. И слова:

**Здесь часто увидишь
заплаканных вдов.
Здесь плачут и те,
кто покрепче...
На этих могилах много цветов,
но разве от этого легче...**

И все-таки легче... Из Орла приезжали сюда жена и сын капитана И. А. Зеленского — что-нибудь узнать об обстоятельствах его гибели. Школьники — красные следопыты поселка — нашли для них фронтовую газету, где подробно был описан подвиг, который совершил капитан. Сейчас на постаменте памятника, что стоит на братской могиле, укреплена мраморная доска с золотыми буквами: «Вечная слава героям, павшим за Родину. 1941—1945», а далее мелким шрифтом: «Доска изготовлена сыновьями комбата 104 танковой бригады капитана Зеленского Ивана Александровича». Подвиг отцов не забыт.

Шумят над местами былых сражений вековые сосны. И в редкие свободные часы ведет Гавриленков экскурсию по Пржевальскому. У памятника павшим всегда останавливается, спрашивает:

— Товарищи, есть среди вас участники Великой Отечественной? Прошу вас, встаньте поближе к памятнику — мы хотим поклониться и вам за то, что вы сделали для нашей Родины.

На втором этаже музея я увидел экспонат, показавшийся мне знакомым. На березовой коре вырезан многоцветный портрет Ленина.

— Да, вы могли видеть этот портрет и прежде в больших музеях, — сказал Гавриленков, — но только родился он здесь, в наших краях. Гостит у нас бывший политрук партизанской бригады Новиков. Леонид Кондратьевич собирает материалы об однополчанах, он вам много интересного расскажет.

— Значит, сначала про Люду Кулакову, — говорит Л. К. Новиков. — Пожалуй, теперь уже про Людмилу Федоровну...

Люду Кулакову, разведчицу, знали у нас в бригаде все. Знали, что разведчица она хорошая, а вот художественных талантов за ней не подозревали. И вдруг нá тебе: стояла на посту и вырезала ножом на березе этот портрет, как красками нарисовала. Ниточкой, связывавшей с «большой землей», стал для партизан этот портрет Ильича — тут клятвы давали, уходя на бой, сюда возвращались после сражений... После войны подлинник попал в большой музей, а здесь — авторская копия скульптора.

Да, скульптора, и притом известного — Людмилы Федоровны Кулаковой. Живет она ныне в Горьком, и главная тема ее творчества — подвиг героев Великой Отечественной. Целую галерею скульптурных портретов своих соратников по партизанской борьбе создала она. Но, наверное, самым впечатляющим получился бюст Никифора Захаровича Коляды, командира партизанского соединения, действовавшего в районе Слободы, того самого, что в сводках Совинформбюро фигурировало под кодовым наименованием «Батя».

СВЯТОЙ КОЛОДЕЦ

Когда кончилась война, в Слободе оставалось всего три целых дома. Сейчас, кроме скорбных памятников павшим, ничто не напоминает здесь о тех тяжких временах. Нынче Пржевальское — аккуратный поселок с современными магазинами, кафе, комбинатом бытового обслуживания.

Сейчас население поселка — вдвое больше, чем было в старой Слободе. Есть тут и промышленность своя — комбинат «Лесостройдеталь» и совхоз. Реконструируется больница, строятся новая школа, новый детский сад — население будет и дальше расти. Расширяется и санаторий, скоро возведут еще один корпус.

Горожане часто теперь твердят, что стремятся вырваться на природу. И, реально ощутив свою сопричастность ей, как бы прикасаются к животворному источнику красоты и мудрости. В стихах молодого смоленского поэта Алексея Мишина, посвященных озеру Сапшо, есть такие строки:

**Что значу я
В зеленом мире этом?
В сердцах людей
Какой оставлю след?
Здесь каждая волна
Играет светом,
А я несу какой потомкам свет?**

«А я несу какой потомкам свет»? — порой даже не осознавая этого, мы ставим перед собой такой вопрос. Не можем не ставить, ибо люди всегда ответственны перед будущим.

Но будущего нет без прошлого. И память народа — кладезь его славы — бережно хранит подвиги сынов своих, подчас причудливо сливая воедино мужество казаков-первопроходцев из отрядов Пржевальского и партизан из поселка Пржевальское, не щадивших себя во имя счастья потомков. И благодарные потомки склоняются не к мистическому — а к реальному святому колодцу, народной памяти, чтобы и дальше творить жизнь...

Д. СОКОЛОВ,
доктор медицинских наук,
профессор

ЗЛОЙ РОК СЕМЬИ СЕЛЕЗНЕВЫХ

Я смотрю на дверь кабинета, только что захлопнувшуюся за очередным посетителем, и думаю, что в профессии врача выдержка и внимание занимают далеко не последнее место. Правы были те древние, что требовали от врача умения слушать пациента, участливого и сострадательного к нему отношения. Иначе больные ему не доверятся.

Сейчас я слушал человека, который с горечью доказывал мне, что существует судьба — рок, что эта судьба тяготеет над всей его семьей. Она будто бы метит одинаковой печатью самых близких ему людей, одного за другим сводя их в могилу.

Что было делать? Оборвать посетителя сердитой фразой или посоветовать ему обратиться к психиатру? Или шутливо поощрить: давай, мол, выкладывай!

Но мы около часа внимательно выслушивали приезжего, Петра Петровича Селезнева, и пытались понять, что же заставило его в столь поздний час обратиться в областной отдел здравоохранения, проехав на лошади около 30 километров по занесенным снегом зауральским степям. Молодой человек пришел к нам не за медицинской помощью. Он не просил срочно приехать к нему домой, он искал совета. Он мог бы написать о случившемся или позвонить из своего района по телефону. Но, даже приехав в город и увидев чуть насмешливое выражение лица врача областной поликлиники, он не стал возмущаться и молча, махнув рукой, уехал бы домой, если бы медицинская сестра, присутствовавшая при этом разговоре, не посоветовала подойти в лечебный сектор облздравотдела, сказав, что там, бывает, помогают, когда «врачи обещать ничего не могут».

Вспоминаю, как выглядел наш недавний посетитель. Одет просто: полушубок, валенки. Небольшого роста, с обветренным, приятно открытым лицом. Мозолистые, натруженные руки хлебороба, воспаленные глаза. Говорит медленно, чуть нараспев, взвешивая каждое слово, в голосе чувствуется обреченность, которую он уже не пытается скрывать.

— Повторите, пожалуйста, почему вы решили, что у вашей матери начало проявляться то же заболевание, от которого умерла бабушка? — задает вопрос Антон Алексеевич Константинов, инспектор облздравотдела, мой коллега по работе.

— История эта длинная, — кашлянул в кулак наш поздний гость. — Через несколько лет после возвращения из армии мой дед, Силантий Петрович Селезнев, купил дом на окраине села. Дом был большой и раньше использовался баптистами ближайших деревень как молитвенный. Верующие сами хотели приобрести его у хозяйки, но по какой-то причине покупка не состоялась, и хозяином стал мой дед. Вскоре верующие стали уговаривать уже деда продать дом или разрешить собираться там по вечерам. Силантий Петрович категорически отказал им: «Не для того я Советскую власть защищал, чтобы свой дом в молельню превратить!» С тех пор все и началось. Открыто баптисты не выступали против него, так же здоровались, но пользовались любым случаем пустить слух по селу. Пропадет у кого курица, тут же хозяева бегут к нему: кто-то, де, им сказал, что Силантий Петрович ей голову оторвал — и в котел.

Вскоре дед мой занемог, а потом умер. Прошло немного времени и то же случилось с бабушкой. А теперь вот и мама больна. Вы знаете, может, это и покажется странным, но все начиналось с обычного насморка.

— Что же, по-вашему, каждый человек, у которого насморк, должен бояться смерти? Это ведь следует из вашего рассказа. Должно быть, насморк бывал и у вас, но вы же не думаете, что это рок поставил свою метку. Вероятно, было и что-то другое?

— Да, было. У мамы изменился голос, и она не раз жаловалась, что ее преследует ощущение, будто по коже бегают мурашки. Голос у мамы стал таким же, как и у бабушки за несколько месяцев до смерти. Будь я суеверным, предположил бы, что в маму вселился какой-то злой дух, голосом которого она и заговорила.

— Не заметили ли вы еще каких-либо совпадений? — спросил я Петра Петровича.

— Заметил. Вначале у нее какие-то болячки в носу были, а теперь нос постоянно болит, даже прикоснуться к нему нельзя.

Антон Алексеевич ушел вместе с Селезневым устраивать его в гостиницу. Меня подбросила домой дежурная машина. Поздний ужин не отвлек от назойливых мыслей. Какой характер носит заболевание в семье Селезневых? Прежде всего, можно думать о наследственности. Ведь болезнь проявляется уже в третий раз: у деда, бабушки, матери. За последние десятилетия наследственные заболевания стали выявляться чаще, чем прежде. Если это наследственное, то каков характер его передачи? Ведь чаще всего наследственные заболевания проявляются в детском возрасте. Здесь же идет речь о людях пожилых, загадочные страдания их раньше не тревожили. Да, что-то не похоже на наследственность, что-то необычное.

В памяти всплывают слова Селезнева-младшего о роке, судьбе. Интересно, сам он пришел к такой мысли или подсказана она со стороны? Говорит, что суеверия отвергает, но все же злого духа упомянул. А этого персонажа сверхъестественного мира с древности связывают с людскими болезнями. Верят в его реальность часто и сегодня.

А что, если здесь совсем другое? Мысли совершают полный

оборот. Мое предположение менее фантастично, чем вселение злого духа, но, чтобы подтвердить его фактами, мне необходимо такое материальное свидетельство, как... волосы кого-нибудь из Селезневых. Ведь есть же такой обычай — хранить их как память о дорогих людях. И когда раздается телефонный звонок Антона Алексеевича, я прошу его передать Петру Селезневу мою не совсем обычную просьбу.

— Утром постарайтесь проводить Селезнева. Когда вы будете с ним разговаривать, спросите, есть в доме волосы его родственников: деда или бабушки. Если сохранились, пусть перешлет их нам.

Невольно вспомнился мне один случай из первых лет работы в городской больнице. Мне пришлось выполнять довольно беспокойное общественное поручение — быть председателем комиссии по разрешению трудовых споров между профсоюзом и администрацией. Разбирали ходатайство об увольнении молодой медицинской сестры за «шалость». Она славилась тем, что любила «разыгрывать» окружающих и часто забывала меру. Теперь же ее обвиняли в том, что шутки ради она выкрасила в черный цвет содержимое одной из пробирок, предназначенное для лабораторного анализа. Заведующая лабораторией утверждала, что перед ее уходом на «пятиминутку» все пробирки были обычного цвета, а когда она вернулась — в одной уже красовалась черная жидкость. Рядом стояли чернила для авторучек, которыми, должно быть, и воспользовалась эта «вертушка». И творит она такое не в первый раз, главное, попадает все на анализ одного и того же больного.

«Вертушка» заливалась слезами и клялась, что ни в чем не виновата. Конфликт, помнится, притушили, и только недавно выяснилось, что медсестра-непоседа действительно оказалась не при чем. Больной страдал очень редким заболеванием, основным, а чаще всего и единственным признаком которого было почернение мочи на воздухе.

Этот необычный случай припомнился не зря, прошло несколько дней, а рассказ Петра Селезнева не уходил из памяти. Вскоре я получил от него письмо: в конверте лежали тщательно упакованные пряди волос. Седые, бабушкины...

Теперь слово было за бактериологами и химиками. Что даст анализ? Поможет ли он выяснить причину действия злого рока, обрушившегося на семью Селезневых? Забегая вперед, скажу, что, познакомившись с местом событий, мы узнали, что эта семья уже много лет упоминается проповедниками местной баптистской общины как живой пример божьего наказания.

...В Приозерное мы отправились вдвоем с Антоном Алексеевичем. Добирались с приключениями, чуть было не заблудились, не заночевали в пути. Продрогшие, измученные въехали мы в Приозерный поздно ночью, а на следующий день попытались навести справки в местной участковой больнице, стандартном бревенчатом доме с большими окнами. К сожалению, узнать что-либо существенное о Селезневой не удалось. Участковый врач был человеком в селе новым и на наш вопрос ответил довольно уклончиво: «Слышал, мол, что в этой семье люди умирают от какого-то особого заболевания, но думал, все это бабушкины сказки. Вера Васильевна Селезнева, мать Петра, обращалась за помощью дважды, но оба раза ничего серьезного у нее я не нашел».

Оставался сам дом Селезневых. Мы отправились к ним. Под ногами хрустел снег, переливаясь цветами радуги, слепя глаза. Где-то, заливаясь, лаяла собака. Мимо нас прошла молодая девушка в ярко-красном платке, полные ведра на коромысле плавно раскачивались в такт ее шагам.

Мы остановились перед большим добротным домом на каменном фундаменте и с железной крышей, выкрашенной в зеленый цвет. Высокое крыльцо вело в большие сени. На стук вышел уже знакомый Петр Петрович. Он провел нас в просторную комнату с большим круглым столом, тонкими стульями, которые почему-то называют венскими. Комод, ножная швейная машина, два шифоньера и телевизор с большим экраном дополняли ее убранство.

Больная была в другой комнате, дверь туда скрывала полукруглая, до самого потолка печь, облицованная зеленой кафельной плиткой. Вера Васильевна лежала на деревянной кровати с высоко взбитыми подушками и при нашем появлении попыталась подняться. Антон Алексеевич остановил ее: «Не беспокойтесь, Вера Васильевна, мы ведь не в гости приехали, а посмотреть, что это за хвороба к вам привязалась».

— Да уж привязалась, хоть плачь. Вон какого мужчину в могилу свела, — и она показала на портрет, висевший над кроватью. Улыбающийся богатырь с погонами старшины, с гвардейским значком, с орденскими лентами на широкой груди был запечатлен во всем великолепии. Пушистые усы довершали мужественный облик деда Петра Петровича.

Пока Антон Алексеевич обследовал больную, я занимал ее разговорами и незаметно разглядывал комнату. Стены! Да, они привлекли не только мое внимание. Я видел, как, войдя сюда, Константинов тоже пристально глянул на старые обои, которыми были оклеены стены. Довольно красивый рисунок на неестественном ярко-зеленом фоне, но, видимо, они старые, в отдельных местах краска, покрывавшая бумагу толстым слоем, осыпалась, обнажая желтые пятна.

— Вера Васильевна, почему вы не обновите обои?—услышал я вопрос Антона Алексеевича.

— Что вы, ведь это память об отце моем, Силантии Петровиче. Он эти обои, как дом купил, сам наклеил и очень любил их. Все время и жил в этой комнате.

— И мать ваша жила в этой комнате?

— И она.

— Что ни говорите, цвет в жизни человека большое значение имеет, — сказал Константинов, желая поддержать разговор. — Вот красный и желтый согревают человека, а голубой и зеленый успокаивают.

— Не будем вас больше утомлять, Вера Васильевна. Отдыхайте, а мы с сыном вашим пойдем побеседуем.

— Вы закусите хоть с дороги.

— Обязательно, Вера Васильевна, — сказал Антон Алексеевич, закрывая за нами дверь.

Нам нужно было обменяться мнениями. Начал Антон Алексеевич:

— Кажется, мы с вами обратили внимание на одно и то же — старые зеленые обои в той комнате. Не так ли?

— Подождите, Антон Алексеевич, сначала расскажите, что дало обследование больной?

— Пока немного. У нее явные воспалительные изменения слизистых носа и верхних дыхательных путей, имеются даже струпья.

— Да, я слышал, как она хрипит. Что еще?

— Небольшие явления, указывающие на полиневрит, гипергидроз ладоней и ног, некоторую атрофию мышц. Вы видели, с каким трудом она села, когда я выслушивал легкие и сердце? Предположительно такие изменения могут говорить об отравлении, но чем?!

— Хотите, я отвечу на ваш вопрос?

— Вы?

— Посмотрите на данные этого анализа, — я протянул Антону Алексеевичу лабораторный бланк, и он прочел заключение: «В направленном на анализ материале обнаружен в мельчайшей дозе мышьяк».

— Вы помните, я направлял волосы на исследование? Ответ получил перед самым отъездом.

— И скрыли от меня?

— Антон Алексеевич, в нашем деле нет ничего более скверного, чем подходить к больному с предвзятым мнением. Невольно все то, что увидишь и услышишь, начнешь подгонять под свое предположение. Ну, а если оно неправильно? Ведь я не случайно уклонился от обследования больной и предоставил это вам, моя мысль работала только в одном направлении: чем вызвано отравление?

— Вы правы, Дмитрий Константинович, но откуда мышьяк? Впрочем, об этом мы догадываемся — обои.

— Вот именно, обои! Мне кажется, что покрыты они швейнфуртской, или, как ее еще называют, парижской зеленью*. И покрыты с избытком.

— Что же, будем лечить и начнем с обоев!

Не без труда удалось нам убедить Селезневых, что злой рок их семьи скрывался в любимых зеленых обоях, он «тяготел» над теми, кто жил в этой комнате.

Вера Васильевна быстро пошла на поправку, и это лишний раз убедило нас в том, что выявлена истинная причина недуга.

Так благополучно завершился один из самых загадочных случаев в моей врачебной практике. Зато проповедники местной баптистской общины были недовольны — их лишили удобного повода рассказывать о том, как бог мстит пренебрегающими им, и приводить в пример семью Селезневых.

г. Челябинск

* В книге Ю. Торвальда «Сто лет криминалистики», вышедшей у нас в 1975 году, приводятся интересные факты, подтверждающие реальность ситуации, о которой рассказывает автор очерка. В самом начале нашего века в Манчестере расследовался факт массового отравления мышьяком, и специальная комиссия занялась изучением множества продуктов и окружающих предметов, могущих содержать в себе это ядовитое вещество. «Она нашла мышьяк в зеленой клеевой краске и в обоях. Такие обои в квартирах вызывали симптомы отравления мышьяком» (стр. 313). Комиссия зафиксировала и то, что мышьяк способен накапливаться в волосах человека вскоре после начала отравления (прим. ред).

Рукописное наследство А. А. ОСИПОВА

Нет нужды представлять читателям журнала «Наука и религия» Александра Александровича Осипова — его имя хорошо известно всем, кто интересуется проблемами религии и атеизма. После многолетнего служения церкви — сначала священником, а затем преподавателем духовных школ — Осипов в 1959 году порвал с религией, стал активным пропагандистом атеизма. За семь лет (умер он в 1967 г.) он написал несколько десятков книг и брошюр, сотни статей, много выступал с лекциями. Свое богатое рукописное наследство Александр Александрович завещал Государственной публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, где работал после отречения. С тех пор оно хранится в отделе рукописей и редких книг.

Недавно закончена систематизация и обработка этого богатейшего и многообразного наследия. В фонде А. А. Осипова содержится 2892 единицы хранения. Здесь представлены материалы, относящиеся как ко времени его службы в церкви и в духовных учебных заведениях, так и к атеистическому периоду его жизни. Это — личные документы, планы и отчеты о работе, докладные записки, характеристики, дневники, автобиографии, воспоминания, альбомы фотографий, рукописи книг, художественных произведений, статей, лекций, тезисы выступлений, обширная переписка с близкими и с незнакомыми людьми, большое количество записок — вопросов, заданных ему во время выступлений, рецензии на его работы, воспоминания о нем и другие материалы.

О разнообразии интересов и многообразии дел Александра Александровича рассказывают дневники, которые он вел всю жизнь. Особенно регулярны они с 1950 по 1965 год. Дневники его летних путешествий проиллюстрированы фотографиями, сделанными им самим. Немалый интерес представляют его воспоминания, особенно те, которые были продиктованы в больнице в последний год его жизни помощнице и другу Н. А. Тихомировой.

Своеобразным дополнением к дневникам стали «Календари-повседневки», отражающие многообразие деятельности Осипова после его разрыва с религией и церковью. Характерно, что свою жизнь со 2 декабря 1959 года (дата официального заявления о разрыве с церковью) Александр Александрович называл «новой». Его «Календари-повседневки» с этого времени так и называются: «Первый год новой жизни», «Второй год...» и т. д. Здесь мы находим и записи каждодневных дел, и разнообразные планы на год («Мои темы», «Библиотека», «Музей», «Филокартия», «Архив», «Периодика», «Письма», «Вырезки» и т. д.), и месячные отчеты, и «географию» лекций...

О размахе пропагандистской деятельности Осипова ярко свидетельствуют оставленные им самим данные: с 1960 по 1967 год он написал 35 книг и брошюр и 275 статей, прочел 913 лекций, свыше 300 раз выступал по радио и телевидению, провел 618 консультаций, написал 227 рецензий.

Записные книжки, подготовительные материалы к выступлениям рисуют нам образ неутомимого и яркого лектора-атеиста. Скупые записи («Записная книжка» № 1): город, дата, порядковый номер лекции. И мы видим: Ленинград, Кишинев, Чернигов, Москва, Вологда, Мурманск, Нижний Тагил, Псков, множество других городов. Только за полтора года — 87 городов во многих районах Советского Союза. Темы самые разнообразные: «Религия и молодежь», «Мысли о религии и искусстве», «Критика проповеднической деятельности православной церкви», «Научная критика Библии» и т. д.

Александр Александрович бережно хранил, систематизировал и анализировал вопросы, заданные аудиторией. Он начал большой труд под названием «Анализ вопросов, задаваемых на лекции». К сожалению, успел проанализировать только небольшую часть вопросов и написать лишь первую главу.

Большой интерес представляют и неопубликованные произведения, подготовительные материалы к опубликованным трудам, творческие замыслы, планы на будущее, к сожалению, оставшиеся нереализованными.

Следы постепенного роста сомнения в истинности религиозного учения отразились в рукописи огромного труда «Толковая Библия», начатого в последние годы богословской деятельности Осипова и завершенного уже после его перехода на позиции атеистического мировоззрения. Это фундаментальная работа — объемом 33 авторских листа, в которой критически анализируется история Ветхого завета и дан разбор всех глав Библии. Своеобразным путеводителем служит детальный обзор содержания рукописи в подготовительной тетради: Александр Александрович в конспективной форме наметил здесь линии исторической и столь характерной для него нравственно-этической критики каждой главы Библии.

Читая эту рукопись и подготовительные материалы к ней, еще раз убеждаешься: научно-критическое отношение к Библии закономерно приводит к разрыву с религией, к атеизму.

Осипов напряженно, творчески работал до последних дней жизни. Он задумал значительно дополнить свою автобиографическую книгу «Путь к духовной свободе». Мы видим многочисленные вставки и пометы на книге, новые главы: «Годы плена и раскрепощения» и «Через тысячи почему». В больнице он пытался завершить работу и над другой частью своей автобиографии — книгой «Мои архиереи» (отрывки из нее были опубликованы в журнале «Наука и религия» в 1969 г.).

О большом разнообразии интересов Осипова и его творческих возможностях свидетельствуют также рукописи художественных произведений: наброски романа, пьеса, рассказы, сказки, стихотворения. Подавляющее большинство их не опубликовано.

Самое значительное среди них — публикуемая в этом номере журнала пьеса «Внутренний взрыв» (вариант названия «Сквозь бурю дум»). Над ней Александр Александрович начал работать еще в 1958 году, за год до разрыва с церковью. За девять лет пьеса подвергалась многократным переделкам и доработкам (существует 10 ее редакций). Произведение это во многом автобиографично.

Сам факт разрыва Осипова с религией получил большой общественный резонанс. Своеобразным свидетельством значимости этого события явился «Регистр откликов на мой уход», который Александр Александрович вел с момента своего отречения до февраля 1967 года. В нем зарегистрированы 5365 писем от верующих и неверующих, начиная с письма из Ленинградской духовной академии.

Писем самого Александра Александровича в фонде сравнительно немного — всего 356 к 56 адресатам. Значительная часть их была прислана по нашему запросу от его постоянных корреспондентов. Особенностью его писем было личное, заинтересованное, душевное отношение к своему корреспонденту. Ответы никогда не были формальной отпиской. Немало верующих под влиянием Осипова порвали с религией.

Нельзя без волнения читать скупые записи «Регистра», относящиеся к последнему периоду жизни Александра Александровича. Неизлечимо больной, зная о близкой кончине, испытывая постоянно усиливавшиеся боли, он упорно продолжал работать. В последние месяцы (с февраля по октябрь 1967 г.) написал три статьи, предисловие к книге «Христианство и страдание», воспоминания, четыре рецензии, дал четыре консультации, лично записал или продиктовал 314 писем. В записной книжке под названием «Больничная переписка» среди медицинских записей есть его указания, кому отправлять письма и поздравительные открытки, кому послать его фото.

Рукописный фонд А. А. Осипова еще ждет своих исследователей, много ценного почерпнут в нем пропагандисты атеизма.

Н. АСЕЕВА,
научный сотрудник отдела рукописей и редких книг Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина

Ленинград

ВНУТРЕННИЙ ВЗРЫВ

А. ОСИПОВ

ПЬЕСА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

Действующие лица:

Мужчины

Отец Василий (Скворцов) — священник, настоятель Старопиановской церкви.
Мишук — его сын, школьник.
Володя Одинец — муж Ани, геолог.
Иеромонах отец Никодим.
Архиерей.
Вася — комсомольская голова.
Доктор.

Женщины

Люся — жена отца Василия.
Аня — ее сестра, геолог.
Варвара Васильевна — их мать.
Мария Саввишна, **Агния Сергеевна**, **Варвара Егоровна** — прихожанки.
Наташа — дочь Агнии Сергеевны.
Просвирня Пелагия Ивановна.

Народ в церкви — церковный староста, старики, старухи, женщины, дети

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Столовая в доме отца Василия. В комнате два окна. В простенке — книжные полки. Над ними — портрет патриарха Алексия. Слева — буфет, справа — божница с лампадой (электрической) и аналоем. Висит дароносица, епитрахиль. Посредине длинный стол, стулья. У двери во внутренние комнаты — кресло. У входной двери — холодильник, на нем — телефон. В момент поднятия занавеса в комнате сидят теща отца Василия — Варвара Васильевна и прихожанка — Мария Саввишна в пальто и платке.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Не пойму я вас, Марья Саввишна. Сын у вас — любой матери такого пожелать можно. Инженер.

МАРИЯ САВВИШНА. Корабел, матушка, корабел... В Комсомольске-на-Амуре, пишет, с большой дом корабли эти самые строит.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Вот, вот. Гордитесь сынком-то, небось?

МАРИЯ САВВИШНА. А как же не гордиться! Отец его матросом на войне голову сложил. Дед в грузчиках портовых хаживал. А Семке-то мому при приемке какой-то там посудины сам адмирал руку тряс, благодарил очень.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Понятно. Нельзя вам сыном не гордиться. А вот как вы при этом в бога веруете, в разум вместить не могу!

МАРИЯ САВВИШНА. А ты, милая, не серчай... Тут тоже свой резонт всему дадён. Погляди житейски и сама поймешь...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Пойму ли?

МАРИЯ САВВИШНА. Поймешь! Ты вот вере моей дивишься. Хоть, пожалуй, дивиться-то мне, а не тебе надо: как попова теща да такие речи заводит. Ну да не о тебе речь. Обо мне. А я и не только-то верующая. В чудеса там всякие и вовсе, пожалуй, не верю. Наука, она теперь чудеснее всяких чудес... Богу удачи сынка своего тоже не припишу — сам парень пробился, своим умом, своей волей. Мне, Васильевна, бог другой стороной нужен. Вот Семка того и гляди жену найдет. У него и теперь, почитай, своя жизнь... У дочки в Ташкенте своя семья... А я с чем? По детям мотаться? Погостить можно, а так, бездомком, не обыкла я жить... Куда же мне, старой, податься? У всех своих дел невпроворот, каждому забот хватает!.. А в церкву-то только порог перешагнешь — все другое кругом. Лики на иконах не как простые, людские, вид дома-то божьего, не как наши дома. Поют ли что, говорят и то на другом языке... Вот сердце-то от обиходного, будничного и отгородится. Стоишь и думаешь свое... Поп говорит, а ты что услышишь, доброе ежели — к сердцу приложишь, перекрестишься. Не годится тебе — из уха в ухо пропустишь. А главное — сама с собою, со своими думками...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. А в другом месте с собою побыть разве не выходит?.. Я вот без церкви обхожусь. А тоже детей выпестовала...

МАРИЯ САВВИШНА. Каждому свой путь открывается. У тебя же и тому и муж есть! А мне где отраду искать? Радио? Когда слушаешь, когда нет. Телевидение — тоже. В клуб пойти — там о молодых думка. А еще больше — о доходе. В кино — билетик... Когда лекция без денег — так я и дома выспаться сумею. И спина сидючи не заболит. А для души, для раздумки, да особливо сказать, для нашего поколения — ничего и нет. Я уж не говорю о таком часе, когда посоветоваться или выплакаться след. Был у нас старичок-пасечник. К нему ходили заместо попа. Душевный был человек. А талант дадён был ему — людей выслушивать. Помер старик... К парторгу не пойдешь — молод да и занят всегда... К председателю — он с ячменем да с кукурузой весь в мыле. Учителкам — с ребятами не разобраться. Докторше и фершалу больных хватает. А поп — он весь для того и есть. И хоть вера ноне не та в людях и сама я в вере слаба, а все скажешь себе — благодать, она на то священнику дана: чего умом не поймет — то ему благодать поможет. Вразумит и наставит... Может, и придет такой день, когда все люди научатся душевными быть. Каждую заботишку на лице соседа примечать. Каждую морщинку разглаживать. Тогда будут они друг у дружки радости да утешения искать. На рясу да на бороду надеяться и перестанут. А пока не научились — может, какой поп и из корысти добр, и чтоб людей не отвадить, ласков... А нужна она, людям-то доброта та да ласковость... Поначалу сердцем на нее люди отзываются. А потом уже и умом примеряются: какая она, эта доброта — от души идет, от сердца человеческого или от расчета...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Выходит, нашей черствостью церковь сильна...

МАРИЯ САВВИШНА. А ты думала — иначе?.. Вот в Еремкином Бору, верст тридцать от нас, Вася — комсомольская голова живет. Парень, а бабы к нему со своими заботами ходют. Как ребят ростить, как мужа остепенить. Без рясы поп, без веры наставник. А всего-то секрета, что, может, за делами потом ночей не доспит, а выслушать — выслушает и о деле твоем подумает как о своем, кровном. Все ему близкие... Люди-то. А коли на земле близок кто — в небеса, за семь верст киселя хлебать, человек не подастся.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Это верно...

МАРИЯ САВВИШНА. А чего я хочу спросить у тебя, все-таки, Васильевна? Не обидишься?!

Сокращенный вариант шестой редакции. Вариант заголовка — «Сквозь бурю дум». Публикацию подготовила Н. В. Асеева.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Зачем же обижаться, если вы обижать не собираетесь.

МАРИЯ САВВИШНА. Да нет, я не для обиды. Понять хочу. Вот гостишь ты у дочки вторую неделю. Чуть не со всем селом перезнакомилась... А в церкву один-единый раз зятька послушать зашла. На селе-то, оно, все видать... Сказывают — не веришь ты в бога...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Не верю. Когда-то верила, а теперь — нет... И без него жизнь хороша. А утешение я и в людях нахожу. Красоты кругом не занимать. Жизнь — она такая интересная, что об одном жалеешь — дни коротки, умирать придется...

МАРИЯ САВВИШНА. А смертушка-то — не страшит она?.. Ежели без бога?

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Нет!.. Радости в ней, конечно, нет. Да все в эти ворота пройдем... Там, за ними, — ничего, так тут в детях кровинка наша останется, в делах наших людям кусочек тепла душевного оставим — глядишь, еще в ком от твоей душевности потеплеет и пойдет дальше твое тепло...

МАРИЯ САВВИШНА. Это так... А вот говорили нам, говорили о часе смертном, про рай да про ад... О муках... Ну и боязно...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. За это отцы духовные в ответе... Больно сказать, Марья Саввишна, но зять мой в ответе вместе с ними со всеми... Хороший он человек. А от того еще больнее мне за него... И за дочку... За всю судьбу их, за путь, которым идут...

МАРИЯ САВВИШНА. А что ж ты дочку за него отдала?

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Подумать звала, а ломать на свой лад — не в моем обычае. Я тоже отца с матерью не спрашивала, когда мужа себе выбирала.

Входит Люся.

ЛЮСЯ. Вот вам капли, Марья Саввишна. Простите, что задержала... Ребята расшалились... Ноги промочили. Переобуть пришлось. Водкой протереть... Боялась, простынут...

МАРИЯ САВВИШНА. Спасибо, матушка, спаси вас господь... И батюшке спасибо, что потрудился привезти из городу лекарство... Ну и тебе, Васильевна, спасибо, за беседу...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Вы на меня не сердитесь, Марья Саввишна. Я от души.

МАРИЯ САВВИШНА. Зачем обижаться... Потому и благодарю... Думать надо... Ну, да я дотошная... Не отступлюсь... Додумаю свое...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Думайте. Думайте. Я ведь не со всяким такие речи веду... Плохая я агитаторша... К кому сердце потянет — к тем и думки наружу. Я разговор ваш с отцом Василием позавчера слышала, вот и почуяла в вас родную душу...

МАРИЯ САВВИШНА. Прощайте, матушка... Прощай, Васильевна... Спаси вас Христос...

Уходит.

ЛЮСЯ. Ма-ма!.. Ты хоть бы в нашем доме против церкви не говорила.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Я, дочка, свои дела не местом меряю, а людьми. С хорошим человеком — везде беседа. А Саввишна ваша — клад, даром что училась мало, дальше села своего и свету не видела. И вот что я хочу тебе, Люсенька, сказать. Когда познакомилась ты в клубе на танцах с Васей своим — ничего я не говорила. Когда узнала, что будущий поп он — думать тебя звала, но решать самой предоставила... Когда пошла ты с ним в его путь — поперек дороги вашей не стояла. Ты не крепка в своих убеждениях оказалась, это и школы, и комсомола, и наша с отцом вина. Как я слезы лила, как отец поседел — это наше дело. Вот ты сколько лет замужем, а я первый раз у тебя в гостях...

ЛЮСЯ. Я же всегда звала тебя и папу...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Не в том дело. Не хотелось мне самой тебя двоить и разменивать. Тебя любовь твоя вела, а моя любовь к тебе к ответу меня звала все время... Зачем не сумела, не воспитала!..

ЛЮСЯ. Да ведь счастлива же я, мама! Счастлива!

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Знаю! И за то Василию твоему спасибо.

ЛЮСЯ. Ну так в чем же дело? Разве счастье — не величайшее благо?

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. В личном ощущении — да! Для людей в целом — да... Но ведь разные люди счастье по-разному понимают, Люся... Бывает, из-за собственного счастья идеями торгуют, и счастье тем опоганивают.

ЛЮСЯ. Мама! Он не лицемер! Он душой и разумом в бога верит! Он добро во имя веры своей в людях сеет!

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Он — сеет! Да! Он добр и ласков, за людей душою распинается. А добро его что делает? Сегодня утешит, а на всю жизнь и суевериям привяжет...

ЛЮСЯ. Но ведь много же хороших людей веруют...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Много еще верующих — верно... Вот и надо много заботы проявить, чтобы их из блужданий на прямую дорогу вывести. Вот — увидела я, какой он, твой Вася, и не могу молчать... Не могу. И как подумаю — ум за разум заходит... Начитан он. Дома книг полно. Энгельса читает... Ленин у него весь в закладках. Научно-популярной и атеистической литературы — целый шкаф собрал... Так как же у него вера, сказки библейские со всем этим уживаются...

ЛЮСЯ. Ты поверхностно судишь о настоящих священниках, мам.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Это как же так?..

ЛЮСЯ. А очень просто. Да, Вася верит в бога. И меня научил верить. Но в какого бога, мама. В высшее духовное начало... В творца и первопричину мира, давшего ему все законы... Нравственное начало в мире и в нас. Голос совести в человеческом сердце. Ты вот о науке говоришь... Его, божий закон, во всем. Науки властвуют в мире этом, умопостигаемом. А бог в духовном, умонепостигаемом. И одно другому не противоречит, одно другое не исключает...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА (*иронически, но немного сбитая с толку*). Этак вы, чего доброго, и коммунизм в своей вере разместите...

ЛЮСЯ. А мы — коммунисты по убеждениям, мама. Во всем, кроме существования бога. Наука изучает сотворенный им мир и установленные им для него законы... Ее предел — естество... Материя... Потому она и материалистична. Научный коммунизм изучает законы общества, данные богом человечеству. Его круг — общественное, социальное, политическое благоустройство мира. А религии остается одухотворяющая и морально-этическая сфера, духовная, возвышение человеческого существа. И все эти три части дополняют одна другую. Наука — мозг, голова; коммунизм — воля, руки; религия — чувство, сердце... А все вместе — гармония. И Вася так же нужен для гармонии, как марксист-исследователь для общества и ученый-естествоиспытатель для покорения природы.

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Вот это теорийка...

ЛЮСЯ. Не все доросли до философского осмысления веры, мама. Простецы воспринимают старые символы и обряды. Но все это, и даже страх ада, боязнь кары за грехи побуждают к нравственности и самообузданию тех, кто не дорос еще до высокого, подлинного богопознания. Ведь и в школах начинают с букваря и сказок, а не с интегралов и «Анны Карениной»... А людям нужна духовная опора. Ох, как нужна, мама. Не ждать же, когда они до философии дорастут. Слабым хребет духовный нужен, чтобы не падать... И дает его — вера. Да вот приедут за тобою Аня с Володей, пусть поспорят с Васей. При тебе. Ты же писала, что Володя — это голова. Вот тогда и видно будет — на чьей стороне больше правды... Ты увидишь, мама, я за Васю спокойна. Он целостен и красив в своей вере... И тем больше я его люблю...

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Пусть будет так... От их встречи и я чего-то жду!.. Да ведь они вот-вот нагрянут... А я еще прифрантиться хотела. И стол накрыть.

Уходит.

ЛЮСЯ (*задумчиво*). У кого это было написано: только бы давать людям добро и свет, радость и утешение — а чьим именем — дело второе... Разве это не так? Разве вокруг нас не осушаются слезы. Разве мы сделали кому-нибудь зло?! Ведь никому же... Пусть нет его, бога, даже... Но заповеди-то от его имени о любви говорят. Честности учат. А если он есть и тому же... Как Вася верит... Нет! Мама не права. А неверующих все больше становится. Господи, да что же это такое?.. Почему прежде люди жили и верили?.. И жизнь не мешала верить, а вера не мешала жить?.. А может быть, они и всегда мешали друг другу? Достоевский... Дура я, видно. Ни в чем разобраться не могу. Что делать?.. А если мама права? Молчать и жить? Нет, слишком хорош, умен и честен Вася, чтобы заблуждаться...

Рисунки Н. Усачева.

Накрывает на стол. Ставит букет черемухи. Стук в дверь и веселые голоса — мужской и женский.

АНЯ (из-за двери). Терем-теремок, кто в тереме живет?!

ВОЛОДЯ. Тут голодный медведь с медведицей в гости просятся, в двери ломятся...

Люся бросается к двери. Повисает на шее у вошедшей сестры. Володя, нагруженный пакетами, стоит, улыбаясь, в стороне.

АНЯ. Люська! Раздобрела ты... Ма-маша!..

ЛЮСЯ. А ты-то, ты-то... Анька — дама! Знакомь же меня с твоим благоверным...

АНЯ (шутливо-торжественно). Его геологическое высочество, супруг ее геологического величества.

ВОЛОДЯ. Ну вот, себя всегда выше...

АНЯ. А как же иначе — землепроходец всесоюзного масштаба, видящий сквозь гранит и сланец на сто метров вглубь — Владимир-свет Федорович Одинец... Хохол... Киевлянин... А так как по Гоголю все киевские бабы — ведьмы, то и я, живя с этим извергом рода человеческого, имею все основания превратиться в ведьму, если только раньше не умру, доведенная им до дистрофии нервов...

ВОЛОДЯ. Одним словом, вы теперь видите, каково мне с вашей сестричкой жить. И давайте поцелуемся... Если ничего против не имеете — перейдем сразу на ты...

ЛЮСЯ. Здравствуй, Володя!

Целуются.
Входит Варвара Васильевна.

АНЯ. Мама! (Бросается на шею матери.) Мы не опоздали. Все как по графику. Уж как я хотела в Киеве на день задержаться. Нельзя, говорит. Обещали, говорит...

ВОЛОДЯ. А где твой муж, Люся? И скажи сразу — как мне его звать? Чтобы глупостей не наделать. А то ведь в каждом мире свой закон.

ЛЮСЯ. Звать как любого другого мужа сестры жены. Васей. На ты. Без всяких церемоний. Васи сейчас нет дома. В Еремкином Бору он. К умирающей вызвали. Мать к одной нашей прихожанке приехала из соседней области... Еле живая... Васю отсоборовать ее попросили...

ВОЛОДЯ. Грустное дело.

ЛЮСЯ. А его работа всегда такая. Больше возле слез, чем возле радости. В радости-то человек и без бога счастлив. А придет беда — за бога хватается...

ВОЛОДЯ. Да ты философ, оказывается, свояченица. В корень смотришь...

ЛЮСЯ. Какой я философ... (Лукаво.) А если и есть что, так в маму... Да что же мы стоим. Идите-ка раздеваться. Да и умыться с дороги. С Аленкой нашей познакомитесь. В саду она. А Мишук в школе еще. Вечер они готовят.

ВОЛОДЯ. Ну что ж, пошли. Да вот тут мы подарки ребятам привезли. И согревающее, чтобы встречу отметить.

Все двигаются к двери напротив. Внезапно Володя останавливается.

ВОЛОДЯ. Да, Людмилушка, ты не будешь в претензии на нас за самоуправство? Я ваш телефон начальству своему сообщил. Потому что новостей важных жду... Могут позвонить. Можно?..

АНЯ. И мне, нахал, не сказал ни слова. Сделал, а потом спрашивает... А вот нельзя...

ЛЮСЯ. Конечно, можно. Только плохо слышно у нас.

ВОЛОДЯ. Как-нибудь докричимся. Мне, собственно, лишь одно слово надо расслышать: есть или нет...

АНЯ (хватая мужа за рукав). Ты веришь? Да? И они могут так скоро ответить?

ВОЛОДЯ. Сама знаешь, как это сейчас нужно.

Уходят.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Деревенская улица. Вблизи плетень. Заливисто тявкнула собачонка. Справа выходит отец Василий, слева — Варвара. Поздоровалась со священником за руку.

ВАРВАРА. Отец Василий! Родненький! Как я рада, что вас встретила... Опять беда у меня.

Отец ВАСИЛИЙ. Что ты, Варварушка, неужто твой запил?..

ВАРВАРА. Мертвую...

Отец ВАСИЛИЙ. Вот горе-то!.. С чего началось?

ВАРВАРА. Вы же знаете, какой он умелец. Всю мебель сам сделал и всю-то резную...

Отец ВАСИЛИЙ. Знаю, видел... Мастер он у тебя... Художник...

ВАРВАРА. Вот и прежний директор его так величал, Пахом Назарыч-то. Старый партеец был. С Калининым работал... А ушел на пенсию, новый-то над моим и надругался...

Отец ВАСИЛИЙ. Как же так?

ВАРВАРА. Да просто так. Зашел в цех. А мой — резной наличник готовит. План у него перевыполнен — он и решил для души. Чтоб люди, кому в тех домах жить придется, добром помянули. Пахом Назарыч знал про эти его затеи и очень одобрял... А новый — в крик, тут, говорит, тебе не художественная мастерская, а комбинат сборных домов... А мой, знаете его, какой... Слова не ответил. А вечером задумываться стал... Да через день и запил с обиды...

Отец ВАСИЛИЙ. Сколько людей черствость да бюрократия губит...

ВАРВАРА. Теперь, батюшко, все прахом пойдет. А ведь сколько времени после ваших бесед не пил...

Отец ВАСИЛИЙ. Н-да!.. Надо что-то делать... Что-то делать... Зайду я к нему... И вот что. Закажу ему новый киот к иконе святителя Николая. Резьбу пофигуристее, чтоб душа у твоего Матвея загорелась... А отойдет, побеседую еще и еще... Чтоб понял, что один какой-то бюрократ погоду не делает...

ВАРВАРА (*припадая к руке священника*). Батюшко, родненький, один вы можете помочь. Спасите мне его. Ведь хороший он. Добрый — только и беда в нем, что сызмальства мастера к окаянной приучили. Я вам все сделаю. Полы мыть у вас буду. Стирать на вас.

Отец ВАСИЛИЙ. А вот это оставь. Не надо! Ты ко мне с бедой от сердца, и я к тебе сердцем. А сердце на подачки не разменивают. Иди. Постарайся, чтобы он сегодня поменьше пил. Вечером приду.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Та же комната, что в первой картине. Люся и Мишук. Люся убирает в буфете посуду. Мишук готовит уроки. Входит отец Василий.

Отец ВАСИЛИЙ. Вот и я... Видишь, как задержался!.. Ну как? По посуде вижу — приехали?!

ЛЮСЯ (*подходит, целуются*). Приехали. Здравствуй, мой хороший. До чего же Анька взрослая стала. Не узнаешь. А муж у нее симпатичный малый. Сейчас познакомитесь.

Сын одновременно с матерью подбежал к отцу. Тот погладил его, прижал к себе. Затем Мишук деловито вернулся на место и уткнулся в тетрадь.

Отец ВАСИЛИЙ (*снимает крест, кладет на аналой. Рясу вешает на гвоздик возле аналоя и накидывает сверху черную накидку. Остается в заправленной в брюки черной косоворотке с рукавами*). Нового ничего? Как Федосеич?

ЛЮСЯ. Лучше ему. Доктор Марфе сказал — не удар это, а так, спазм сосудов. Отлежится.

Отец ВАСИЛИЙ. Дай-то бог. Дед Марфе ох как нужен. Одинокой-то, брошенной. А то ее мальчишки совсем от рук отобьются. Да и некогда ей смотреть за ними, с работой-то. А Федосеич — старик правильный.

ЛЮСЯ. Варвара была. Матвей запил.

Отец ВАСИЛИЙ. Знаю, встретил ее... Вечером схожу. Работой по сердцу отвлечь его надо. Заказ ему от храма дам.

ЛЮСЯ (*припала к мужу с лаской*). Умный мой... Пелагея Ивановна заходила. Насчет просвор. Я по твоей записке все передала. Марье Саввишне капли отдала. А ты расстроен чем-то...

Отец ВАСИЛИЙ. Не поспел я. Умерла раба божия Агриппина. Страшно умерла... Да! Мне, уж сколько покойников видел,— и то жутко стало...

ЛЮСЯ. Да что же было-то там?!

Отец ВАСИЛИЙ. Сейчас не спрашивай. Потом расскажу... (*Подходит к сыну, читает через его плечо.*) Из одной трубы в бассейн вливается... Из другой выливается... Э-э, да никак у тебя, брат, не ладится?

МИШУК. Не очень, папа...

Отец ВАСИЛИЙ. А в чем дело?

МИШУК. Ответ не сходится.

Отец ВАСИЛИЙ. Посмотрим. Две трубы... А откуда у тебя здесь плюс вместо минуса?

МИШУК. Вот дурак-то!.. Рассеянный с улицы Бассейной... Теперь все выйдет...

Люся вышла, Мишук ластится к отцу.

МИШУК. Пап, а пап?!

Отец ВАСИЛИЙ. Что?!

МИШУК. А меня опять ребята попенком дразнили...

Отец ВАСИЛИЙ. А ты не обращай внимания.

МИШУК. Митька Стороженко говорит — твой отец отсталый. А я говорю: и вовсе не отсталый, он Ленина всего прочитал... А Митька говорит — я про это своему отцу говорил. А отец ему сказал: это поп для того, чтобы Ленина опровергнуть. А Митька говорит: разве товарища Ленина можно опровергнуть.

Отец ВАСИЛИЙ. Не обращай внимания на слова, сынок. Язык без костей. Каждый говорит, что ему хочется.

МИШУК. Пап... Ты ведь не для опровержения? Нет?.. Ты ведь за Ленина? Ты же советский?! Наш?

Отец ВАСИЛИЙ. Я, сынок, Ленина для знания читаю. И чтобы правильно жить... И я и вся наша семья — советские.

МИШУК. Вот и я говорю, пап... А Митька не верит. Борька говорит — у тебя отец хоть и поп, а законный — не пьет, не матюгается. А другие все только смеются...

Отец ВАСИЛИЙ. На всех не угодишь, сынок. Ну, кончил? Сошлось? Иди-ка ты спать. Уже поздно...

Мальчик вскакивает, собирает ранец. Звонит телефон.

Отец ВАСИЛИЙ (*берет трубку*). Да!.. Да!.. Одинец здесь. Сейчас позову (*прикрыв микрофон*). Мишук, быстренько — скажи дяде Володе, что с ним Москва хочет говорить.

Мишук убегает. Немного погодя входит Володя, потом Аня.

ВОЛОДЯ. Здравствуйте, нареченный зятек... Простите, что знакомство такое торопливое (*жмут руки*). Но разговора этого я во как жду (*хватает трубку*). Алло! Одинец на проводе. Николай Степанович! Ну, что? Как? Есть или нет? Да не томи ты!.. Не томи!.. Скажи сразу!..

Аня подходит к мужу, кладет руку ему на плечо.

ВОЛОДЯ. Значит есть? Точно? Уже не гипотетически? Сколько процентов? Что-о?! Так много?! Да они проверяли? Что? В Москву. И на место... С комиссией... Дней через десять? Успеем! Бронируйте номер... Обязательно. Софье Павне привет. И от Анны тоже. Спасибо... (*Повесив трубку.*) Все! Анька, мы со щитом.

Входят Варвара Васильевна и Люся.

ВОЛОДЯ (*подхватив Аню на руки, кружится с нею, напевая песенку геологов*).

В край, где лиственниц море зеленое
Укрывает богатства земли,
Рюкзаками, как мул, нагруженные
Раз геологи наши пришли.
Зазвенела и смехом и песнями
Только зверя знававшая ширь.
С богатырскими далями здешними
Стал на ты человек-богатырь.

Эх, Анька!.. Какое счастье, что мы с тобой геологи...

Аплодисменты всех присутствующих.

ВОЛОДЯ. Ой! Простите нас, братцы! Мы, ей-ей, не сумасшедшие. Просто жизнь хороша. Мы вот, Вася... Вы не обижайтесь, мне Людмилка так велела вас называть...

ЛЮСЯ. Положим, не «вас», а «тебя»...

ВОЛОДЯ. Верно, тебя... Позволяешь?..

Отец ВАСИЛИЙ. Именно так, а не иначе!

ВОЛОДЯ. Мы сейчас такое известие получили, что вот случись нам сегодня помереть — а жизнь уже не напрасно прожита. И люди добром помянут, и дело наше на земле останется... А пока давайте как следует, по-мужски, пожмем друг другу руки. Кто мы по степеням родства-то? Свояки что-ли?

Отец ВАСИЛИЙ. Свояки, свояки!.. Ну, у тебя и рука... Камни дробить.

ВОЛОДЯ. Так ведь и специальность каменная.

АНЯ. Здравствуй, Вася. Моя рука безопаснее. И давай поцелуемся. Ведь твоя благоверная с моим Володькой целовалась...

Крепко целуются.

ЛЮСЯ. Ты, Вася, голоден поди...

Отец ВАСИЛИЙ. Да перекусил бы с удовольствием.

ЛЮСЯ. Я сейчас подогрею чего-нибудь. Мама, ты не уложишь Аленку?

ВАРВАРА ВАСИЛЬЕВНА. Уложу, уложу. Мы с ней подружились.

АНЯ (Люсе). Я с тобою... Володька тоже, наверное, уже проголодался.

Женщины уходят. Отец Василий садится и жестом приглашает Володю сесть напротив.

Отец ВАСИЛИЙ. А ты знаешь, я ведь не просто рад за вас с Аней. Я вам завидую. По-доброму, но завидую. (Помолчал.) Ведь было время, когда и я о геологии мечтал... Мать меня вечно бранила, что карманы у штанов рвал. Бывало, возьмет штаны вытрясти, а оттуда камни фонтаном. Это я в известняках наших все окаменелости собирал. Трилобитов. Ортоцерасов. Палки каменные. Один трилобит у меня и сейчас в ящике стола лежит...

ВОЛОДЯ. Почему же вы... ты не стал геологом? Почему стал... (Остановился.)

Отец ВАСИЛИЙ. Попом, хотел сказать? Не бойся, не обидишь. Поп-то, кстати, — хорошее русское слово, от греческого «папас» — отец. Опошлили только его у нас. А ведь Лермонтов-то в Калашникове без насмешки писал: «Вот уж поп от обедни прошел со своей протопопицей...» Но это к слову. Почему, спрашиваешь, стал я священником? Я и сам иногда себя об этом спрашиваю. Семья у нас хорошая, дружная была. Верующая. Ну и меня, как и многих, в вере воспитывали. Будь бы отец пьяница, будь дома дрязги, ссоры, свары — глядишь, не так бы родительским словам доверял. А хорошим, добрым, настоящим отцу с матерью как не поверить. Ведь чуешь, что они тебе добра хотят... А добро-то их все с богом, от божьего имени шло. Радости, праздники — божьи были. Горести, смерти — опять-таки к богу люди родные уходили...

ВОЛОДЯ. Это я понимаю. Сам такие семьи встречал. Вот на Енисее стоял с партией у староверов. Какие там семьи были! Какие люди! А веры дремучей и мыслей... какой там прошлого — позапрошлого века, если еще не раньше... Ну а когда в школе-то учился, разве то, чему там обучали, с семейным воспитанием вразрез не шло?

Отец ВАСИЛИЙ (усмехнулся, медленно). Скажу и о школе. Так вот родители и вложили мне в сознание то, что сами почитали лучшим. Свою веру, в которой черпали привычное утешение, любовь к храму, где за богослужениями любили собираться с мыслями, проверять себя перед лицом бога. Укрепить во мне веру помог им приходский священник отец Иоанн — человек горевший, убежденный, болевший за дела веры душою. Опытный духовник. Ты бы сказал — психолог. Души, как открытые книги, читал... Честный и, ты не удивляйся, что я скажу тебе это, — фанатик. Ведь в наших представлениях это верный богу, несмотря ни на что. А это в церкви высокая добродетель. Обратил он на меня внимание. Увидел душу, ищущую правды. А я тогда и молился усердно и очень хотел людям пользу приносить. О подвиге, как все мальчишки, мечтал. Отец Иоанн и дал мне направление к подвигу. Сумел доказать, что высший подвиг не тот, где одним порывом на высоту восходят, а тот, где целую жизнь людям отдают: каждый день и каждый час над их душами на страже стоят. Сумел доказать, что выше этого подвига в мире ничего нет. В нем земное с небесным смыкается и ты — земной — людям небо открываешь...

ВОЛОДЯ (раздумчиво). Действительно, психолог. С ходу не разберешься, что к чему...

Отец ВАСИЛИЙ. Он со мной много беседовал. Изо дня в день, при каждой встрече. Объяснял противоречия Библии, заранее предупреждал соблазны и сомнения. Церковь еще полторы тысячи лет назад начала составлять свои ответы на библейские противоречия. Есть такой церковный писатель IV века — блаженный Феодорит. У него об этом целые книги написаны. Подбирались ответы и на так называемые «проклятые вопросы» истории, жизни, общественных отношений. И скажу тебе сразу, крепкие ответы. Так я рос. А школа... Школа и общественность, как принято теперь выражаться, меня проглядели. Хулиганил бы — в оборот бы взяли. Не успевал бы — за уши тянули. А я был примерного поведения и крепким четверочником. Ну, значит, и думать обо мне было незачем. А предметы... Ты ведь знаешь, как пишут теперь об ошибочности безрелигиозной, а не атеистической системы обучения. Отец Иоанн растил во мне христианина. А подметив интерес к его беседам, стал растить и будущего пастыря христиан. Так я стал семинаристом, потом слушателем академии. Там, в Ленинграде, в клубе МВД, куда мы на танцы через забор удирали — молодость-то своего требовала — и Люсю встретил. Я же не только танцевать да ухаживать умел, но и убеждать и пробивать путь своим взглядам. И Люся стала матушкой. Так и живем...

ВОЛОДЯ. Да-а!.. (Чуть помедлив.) Ты не обижайся, я еще вот о чем спрошу...

Отец ВАСИЛИЙ. Чего же обижаться-то — родные мы теперь. У меня мало родных в семье было, я родство ценю. Особенно мужское. Не было у меня братьев...

ВОЛОДЯ. Ты крепко веришь во все это? Ну, чему вера учит... В бога, святых там, молитвы... Как их — таинства... Я-то ничего этого почти не знаю. Так, больше случайными сведениями обходился...

Отец ВАСИЛИЙ. Видишь ли...

ВОЛОДЯ (быстро). Нет, погоди... Я вот слушал тебя, и мне все казалось, что ты рассказывал обо всем не из нутра, как свое выкладывают, а как бы со стороны на себя глядя... Я вот о геологии, о ребятах нашей изыскательской партии, ну вот как о нас с Анькой, как о заветном, не мог бы так, как со стороны... Потому и спросил. Я понимаю, что может быть другое мировоззрение у человека. Сколько в мире разных взглядов есть. И живут люди. И честны, и правдивы. Это вещь сложная. Но вот ты так особенно рассказывал. В манере непривычной. Я и решился спросить.

Отец ВАСИЛИЙ. Со стороны, говоришь. Может быть, сегодня день для меня такой выдался, со стороны на себя взглянуть! Но я верующий. Крепко верующий. Только не совсем так, как обычно это представляют. Видишь ли, вера, она тоже разная бывает. Есть вера детская, простодушная... Есть вера фанатическая. Как у Тертуллиана: верую, хотя это и абсурд. И, наконец, вера утонченная, философски осмысленная — в Абсолют, источник блага, высшее благо. Первая бывает у людей малообразованных, что живут с оглядкой на старину. И у ребят в верующих семьях до школы. Верил когда-то так и я. Нас вот в Ленинграде митрополит Григорий учил: не разрушайте красивых легенд, которыми питают свою веру простецы. Философски, утонченно богословски верить — не по плечу им. Разрушая же легенды, сказки и древние мифы, которые бог попустил в церкви и слове своем их ради, вы можете подрубить и их искренние чувства устремленности к богу...

ВОЛОДЯ (живо). Значит, философия вам — высоко стоящим, далеко глядящим. А народ и на сказках проживет. А как по-твоему — не попахивает это презрением тех, кто воображает себя находящимся духовно наверху, к тем, что внизу?..

Отец ВАСИЛИЙ. Презрением? Не думал я об этом. Да нет. Ведь мать и отец детям сказки читают, через сказки добру учат не из презрения же к детям. Так и апостол говорит: одним пока молочная пища нужна: детям в духовном смысле, другим твердая — по зубам. Нет, нет, какое тут презрение. Отцы и дети... (Усмехнулся.) Нас ведь и зовет паства наша — отцами...

ВОЛОДЯ. Отцы, дети... Но эти «младенцы» революцию сделали. Жизнь на новую ступень общественную подняли. По Ленину живут. А у вас выше сказок не выросли.

Отец ВАСИЛИЙ. Разве ты не читал, что прогресс сознания обычно отстает от материально-технического прогресса? Это, так сказать, факт и с ним нельзя не считаться. Но мы отвлеклись. Ты о моей вере спросил. Так вот, детская с детством ушла, фанатиком любовь к наукам не позволила стать. Осталась вера философская. Вера в высший разум. Воплощение и требование добра, любви, света.

ВОЛОДЯ. То-то мир под руководством этого высшего разума из стихийных бедствий и из войн не вылезает. От неправд корчится. Колониализмом, расизмом, неравным распределением благ болеет. То-то 40 процентов человечества — миллиард, понимаешь, миллиард — каждый день концы с концами не сводят. А то просто пухнут и мрут, сохнут и мрут.

Отец ВАСИЛИЙ. И это я знаю. Но есть религиозное учение о сочетании свободы и благодати. Благодати небес и свободы людей. Они же не куклами заводными были созданы. Вот они за свои дела и в ответе.

ВОЛОДЯ. Допустим... Людям в людском и разбираться. Но мы учим, что людям надо воевать и с общественной несправедливостью, и со стихиями природы. Не уповая на благодать. Не кивая на высший разум. Ну, предположим, он есть. Хорошо — за людское — люди в ответе. Хотя и не-

понятно, что же тогда за разумом, за благодатью остается — добрые пожелания, что ли? Так ими, как говорят, дорога в ад вымощена. Но природа-то почему этим разумом неладно создана? Вот я — геолог. И прежде всего вспоминаю о геологии. Землетрясения... В Ашхабаде, мне рассказывали, целый приход погиб... И у священника вся семья тоже. А сколько детей, стариков, женщин. А в Токио? А в Мессине? В Чили. Тут-то на свободу воли ссылаться не приходится. Или у него, у высшего разума, приемы воспитательные такие жестокие? Грешников вразумить, детей невинных погубить. А ведь еще у верующего писателя Достоевского Иван Карамазов при виде детских страданий билет на право жить всевышнему, в знак протеста, на стол положил. Бери, мол, объелся я твоими благами. Не могу в твоем мире, глядя на страдания невинных, улыбаться и солнцу радоваться. Или заврался я?! Или это не так?!

Отец ВАСИЛИЙ. Так, все так. Ты сейчас меня спрашиваешь. А я себя давно уже спрашиваю. И другой раз, страшно произнести, говорил себе: да есть ли он, разум высший, на свете? Есть ли разум, кроме нашего несовершенного, но дерзновенного, человечьего? Не та вера крепка, что бездумна, а та, что в сомнениях выковывается...

ВОЛОДЯ. И все-таки веришь?

Отец ВАСИЛИЙ. Верю! Слабо порой, но верю! Очень!.. Особенно, когда начинаю думать о людях, когда убеждаюсь, что людям моя вера нужна. Человеку в мире, особенно слабому, а слабых-то немало, — опора нужна. Ему легче, когда он верит, что не одинок, что над ним всегда всемогущий бог. Что есть у него на кого опереться. Он сам себе тогда сильнее кажется. Он на тех же людей, не на небеса опирается. Но кажется ему, что помощь эту он от бога принимает. Только на людей он уповать бы не мог. Людей он своею слабостью меряет. А о боге ему сказано: «Сила моя в немощи творится». Вот сегодня я о беде узнал. Матвей, умелец и чудесный столяр-краснодеревщик, запил. Люди его обидели. А я — человек — его поддержу. Но одного моего человеческого ему не хватило бы, я с именем божьим приду. И вдвоем с богом мы (все равно существует он, как верю я, или не существует, как думаешь ты) этого Матвея покачнувшегося и выправим. Вернем семье — отца и мужа, людям — хорошего делателя, ему самому — его самого. И то, что жизнь показывает мне, как нужна моя вера людям, говорит мне, что вера — реальная сила, врачующая мир. Я нужен людям. Я несу им утешение, силу жить, творить доброе.

ВОЛОДЯ. Слабым людям!

Отец ВАСИЛИЙ. А разве этого мало? А разве их со счета, как отходы производства, сбрасывать должно? Это же люди!

ВОЛОДЯ. Слабые?..

Отец ВАСИЛИЙ. Слабые... Ну и что же?!

ВОЛОДЯ. А если им это только внушается? Как и надежда на бога. Вы-де смиренные, духом немощные, грешные...

Отец ВАСИЛИЙ. А нет?!

ВОЛОДЯ. Слушай! Была у нас в отряде девчонка. Горя мы с нею навидались, вспомнить страшно. Маменькина дочка... То холодно ей, то жарко, то ножки промочить боится. Цаца!

Отец ВАСИЛИЙ. Как же такая к вам попала?!

ВОЛОДЯ. По глупости. Чуть ли не на пари ее парни спровоцировали. Слабо-де тебе — и все тут. Мы всем отрядом с ней воевали — куда там! А уезжать не хочет. Стыдно! Как в городе покажется? Прозвали мы ее Общее горе. Дружила она только с Жулькой — откуда-то приставшей к нам собачонкой, такой же бесполезной, как она, пустолайкой. Словом, два сапога — пара. Общее горе и мыла ее, и причесывала, спали вместе. На переправах — Общее горе на коня, а Жульку перед собой. Раз в Саянах переходили мы речку. Скверная речонка. На дне камни, вода быстрая, мутная. Лошадь под Общим горем и оступилась. Жулька в воду... И понесло псинку. Мы оглянуться не успели, а Общее горе с коня и за нею. А ниже — пороги... Мы кричим: «К камням, к берегу правь!» А она за псом. Как уцелела — не знаю. Ниже порогов всю избитую, от холода сведенную выловили.

Отец ВАСИЛИЙ. Живую?!

ВОЛОДЯ. Живую... С Жулькой. Руку разогнуть не могла...

Отец ВАСИЛИЙ. И что же?!

ВОЛОДЯ. Воспаление легких схватила. Тут уж мы все, что могли, сделали. И после этого дела как-то Общим горем звать перестали. Поняли, что есть у человека и сила и отвага. Вертолетом вывезли ее из тайги. С Жулькой. Та возле госпиталя так и жила. Сестры ее тайком в палату таскали.

Отец ВАСИЛИЙ. Вернулась она потом в отряд?

ВОЛОДЯ. В тот сезон нет. А потом мы с нею три сезона работали. И с Жулькой тоже. В общем-то неплохой пес оказался. Раз о паводке нас предупредил. А то бы аппаратуру снесло. Вот так, Вася. Слаб ли человек? Или надо, чтобы в нем струна молчащая запела. Может быть, слабость — это как болезнь. Лечить ее надо. Психически. Внушая, что человек — это силища! А не в вечной покорности, смирении да согнутости закреплять...

Отец ВАСИЛИЙ. В теории это хорошо получается. А на практике? Каждый ли своей Жульки дождется? А помощь, она людям всегда нужна... Я, думаешь, на жизнь не смотрю? Пастырского дела профком, комитет комсомола или даже партком не заменит...

ВОЛОДЯ. Учреждения, общественные организации — нет! А живые люди, в них сидящие,— могут.

Отец ВАСИЛИЙ. Что-то не очень, скажем откровенно, это получается....

ВОЛОДЯ. Что не получается — плохо. Учиться надо, значит, всем нам доброте, человечности.

Отец ВАСИЛИЙ. В добрый час! А пока — нужен поп...

ВОЛОДЯ. Но ведь ты не скажешь, что нужен грипп, пока лекарства от него не подвезут. А будешь добиваться лекарства и лечить тот грипп сразу же, подручными средствами.

Отец ВАСИЛИЙ. Так ты считаешь религию болезнью человечества?!

ВОЛОДЯ. Детской болезнью. И подросшему человечеству болеть ею уже не к лицу.

АНЯ (в дверях). Мальчики, женщины на высоте. Стол ломится от яств.

Отец ВАСИЛИЙ (поднимаясь). Мы еще доспорим, Володя.

ВОЛОДЯ (поднимаясь). Доспорим.

Отец ВАСИЛИЙ. Ты иди, я сейчас...

Володя подхватывает Аню и уходит.

Отец ВАСИЛИЙ. Господи!.. Вот ему (показывает пальцем на дверь, куда вышел Володя) я ответить могу. И спорить с ним в силах. И Варваре с Матвеем именем твоим помогу. И Марья Саввишна за мое пастырское добро тебя славить будет. Но как ты допустил смерть Агриппины? Как ты мог не вразумить, не наставить ее духовного отца? Ведь он от твоего имени повелевал ей, господи. Ведь ты — добро, ты — сама Любовь, господь. Ты же над всем миром. Всевидящий, всеблагий, всемогущий. А Агриппина мертва... И они меня в один ряд с ее убийцей поставили, господи! Потому что я тоже учу от имени твоего. Если бы тебя не было, тот был бы фанатиком-негодяем, а я дураком, играющим на руку ему подобным. Но ты есть, не можешь не быть, господи. Люди так ищут опоры твоей. И Агриппина искала ее. Так почему же она тогда мертва, господи?!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Поднимается занавес. Прожектор высвечивает отца Василия в подряснике, подпоясанном цветным, синелью вышитым пояском, без креста, в задумчивости стоящего у правого края сцены, на фоне внутреннего занавеса. Рука его пощипывает бородку. Голова опущена.

Отец ВАСИЛИЙ. Как вместить?.. Как примирить жизнь со смертью? Вот где средоточие всех связей. Дернешь не за тот конец, и все распадется. Не останется ни веры, ни того, во имя чего жил и живешь. Потянешь за другой конец — убьешь жизнь... Ее радости. Все удавит петля фанатизма. Есть ли она — золотая середина?! Чтобы сохранилась радость земного бытия и уцелело высшее благо — нужна вера в бога. Митрополит Николай, все богословие, догматика твердят: у человека три рождения. Из ложесны матери — физическое, ничего не определяющее. Из воды купели — духовное, залог будущего века. И смерть — ворота в вечность — самое главное рождение. С расчетом на него и надо строить всю жизнь. Но можно ли жить, познать жизнь во всей ее полноте, ощутить все радости, если считаешь главным — смерть? Жить во имя мертвечины? Но что я говорю. Прости меня, господи! Ведь церковь-то говорит не о смерти, а о вечности. А почему я говорю — церковь? Или я сам этого уже не считаю? А может быть, действительно не считаю?.. Жизнь — вот она. Короткая, яркая, солнечная. Так зачем было зажигать солнце, если надо отгораживаться от него монастырскими стенами? Зачем было давать аромат цветам, любовь сердцу, трепет материнства женщине, если все это Создатель объявил грехом, тленом? Зачем было делать смерть страшной, если она — желанные ворота бессмертия? Зачем? Кто ответит мне? Небо? Оно зовет к вечности, но никому еще не показало ее. Оно осуждает жизнь, но само же украсило и расцветило ее. Господи! Я же служитель твой — я пастырь, от тебя над людьми поставленный. Я им, людям, тебя открывать должен. А самому все закрыто. Сам, как котенок слепой, ищу сосца материнского. А небо твое сухо и не утоляет жажды. А ведь только вчера, пока я не стал над телом Агриппины, все было так ясно, так хорошо. Агриппина, Агриппина... Мертвая, а судьей стоишь надо мною. Безмолвствуешь, а сердце мое кричит...

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Дом в селе Еремкин Бор. Комната. Направо дверь. Рядом русская печь. От нее идет карнизный шест, отгораживающий часть комнаты. Сейчас занавеска сдвинута и видна кровать, на ней тело женщины со сложенными на груди руками и пятаками на глазах. На коленях у смертного одра, спиной к зрителям, содрогается от рыданий дочь умершей Агриппины — Агния Сергеевна. Левее в углу — иконы. На столе миска, из которой торчат семь незажженных свечей и семь щепочек с ватными помазками на верхних концах. Стоят стаканы с лампадным маслом и красным вином. На первом плане у окна, прижавшись к косяку, стоит внучка умершей — Наташа. Возле нее — доктор в белом халате и Вася — комсомольская голова. Разговор идет вполголоса.

ДОКТОР. Нет, вы понимаете весь ужас? Поп ее не благословил на операцию. Говорил — искупительные страдания бог послал, принимай их «ничтоже сумняшеся». А рак был замечен вовремя. Метастазов не было. Даже желудка целиком вырезать не требовалось. И вот полгода мук. И эта смерть. Во искупление грехов? Каких? Перед кем?

НАТАША. Бабушка как святая была. Маму из беспризорниц взяла. И еще двух мальчиков. В войну дядю Колю и дядю Женю убили. Сколько людей она обшивала.

ВАСЯ. Мы с Наталкой в Братск подаемся. Думали, мать не одна останется. С бабушкой. Придется повременить с отъездом.

АГНИЯ СЕРГЕЕВНА (голосит). Мамынька моя, солнышко мое ясное... На кого оставила меня... Кто утешит меня, вдову... Дочке вить гнездо, свою печь топить... Ты одна была радость моя...

ДОКТОР. Не могу голошения слышать. Уж к чему мы, врачи, не привыкли только. Сорок пять лет среди болезней и смертей... А когда наши русские бабы вопят, ком в горле и сердце... Какая ненужная, бессмысленная смерть...

ВАСЯ. Была бы ненужной — не присоветовали бы. Ох, в лепешку разобьюсь, а до попа доберусь...

Стук в дверь. Дверь отворяется, на пороге появляется отец Василий с чемоданчиком, в рясе, выпущенной из-под расстегнутого пальто, с крестом на груди.

Отец ВАСИЛИЙ. Господи, благослови...

ВАСЯ. А-а!.. Вас-то мне и нужно, ваше преосвященство...

Отец ВАСИЛИЙ. Я не архиерей... Уж если хотите меня звать по-церковному, так я отец Василий... (Замечает тело и Агнию Сергеевну.) Горе-то какое... Ах, не успел я...

ВАСЯ (с яростью). Нет, почему же не успели (подчеркивает), о-тец Василий! Как раз к сроку!

Отец ВАСИЛИЙ. Я не понимаю, о чем вы. Вижу, что раздражены. Я не сам пришел, меня позвали. Долг пастыря — удовлетворить духовные запросы паствы. Чужды вам духовные запросы — ваша воля. Уйдите. А верующему с пастырем общаться никто возбранить не смеет. И оскорблять за это — тем более...

Агния Сергеевна встает и бросается к Скворцову.

АГНИЯ СЕРГЕЕВНА. Батюшко! Родненький! Нету мамыньки... Умерла...

Отец ВАСИЛИЙ (гладит ее голову). Знаю, раба божия, знаю, как тяжело тебе. Поплачь, поплачь. Это облегчает. Все под богом ходим. Все этим путем пройдем. Молиться надо. В молитве перед богом души общаются. Стена смерти между ними падает. (К Наташе.) Сочувствую и тебе, Наташа.

НАТАША. Оставьте при себе свое сочувствие. Убили ее. Ваши собратья убили. Не хочу, не нужно мне вашего сочувствия...

АГНИЯ СЕРГЕЕВНА. Дочка, Наташенька... Не надо... Возле бабушки... Ее ради не надо...

НАТАША. Не могу я молчать, мама. Лучше бы ваш отец

Василий того подлеца остановил, что бабушку до смерти довел. (*С рыданием бросается на грудь Васе.*)

Отец **ВАСИЛИЙ** (*отшатываясь и отстраняя Агнию, глухо*). Прошу объяснить мне наконец, что все это значит? У тела... Вы! Носители самой высокой морали! Вы подумали о том, что есть случаи, когда элементарная человеческая порядочность требует от нас сомкнуть уста, взять себя в руки и молчать. Как, например, здесь, в присутствии смерти.

ДОКТОР (*выступая*). Молчать? Во имя общечеловеческой порядочности? Вы нас как носителей коммунистической морали упрекаете?! Ну, не-ет-с! В этом случае тем более нельзя молчать. Извольте выслушать... А потом защищайтесь, если совесть вам позволит. Эта женщина — моя несостоявшаяся пациентка, ваша несостоявшаяся духовная дочь — могла жить и должна была жить. Но во имя христианских догматов об искуплении, об искупительности страданий... По Катехизису Филарета, по догматике Макария, по нравственному богословию Янышева... Да, да... Не дивитесь — я из кутейников, как Иван Петрович Павлов. И нюхал ладан за четверть века до того, как безвестный мне мой коллега принял вас из утробы вашей матери. Так вот, подобный вам пастырь запретил ей оперировать рак. Сознательно приговорил ее к нечеловеческим мукам. Лишил дочь матери, внучку — бабушки, мир — человека. Н-ну-с, имеем ли мы право негодовать возле этой смерти? Или прикажете нам благоговейно облобызать руку человека, который, может быть, неделю назад лобызался с убийцей за литургией, повторяя сакраментальные слова «Христос посреди нас», и отвечал на его слова «и есть и будет».

Отец **ВАСИЛИЙ** (*пошатнувшись, как бы защищаясь руками*). Этого не может быть... Это неправда... Агния Сергеевна, скажите, что это неправда.

АГНИЯ СЕРГЕЕВНА. Правда, батюшко, истинная правда. Не благословил мамыньку духовный отец под нож. Воспретил. Похороните мамыньку как следует. По-честному, батюшко. Отслужите панихидку. Сорокоуст пусть будет по ней. Больше-то ничем ноне не поможешь ей. Горькая я. Одна теперь, батюшко...

Отец **ВАСИЛИЙ** (*говорит с трудом*). Все сделаю... Привозите в храм... Только простите меня... Не могу сейчас панихиду служить... Душно мне что-то... Нехорошо... Простите...

Стремительно уходит.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Та же комната, что и первой картине первого действия. Отец Василий крупными шагами ходит по комнате, временами останавливается у окна. Барабанит в него. Потирает лоб, хмурится.

Показывается в дверях Люся с кастрюлей и полотенцем. Смотрит, как мечется муж. Потом делает шаг в комнату.

ЛЮСЯ. Что с тобой, Вася? Неприятности у тебя?

Отец **ВАСИЛИЙ.** Ну какие могут быть неприятности. Сама посуди. Владыко мною доволен. В приходе споры улеглись. Верующие в храм ходят. Любят нас с тобой.

ЛЮСЯ. Ну что ты мне глаза-то отводишь, Вася! Будто я всего этого и без тебя не знаю. Не о внешнем спрашиваю, о внутреннем. Что гнетет тебя? Агриппинина смерть?

Отец **ВАСИЛИЙ.** Ну ей-богу же ничего, Люсек...

ЛЮСЯ (*вздыхает*). Не надо. Руки мой, обедать будем. Не хочешь говорить — не говори. Назреет — сам придешь... Меня твои думы все равно не минуют...

Уходит.

Отец **ВАСИЛИЙ.** Соврал... Именем Христа соврал. Ну, христовым именем, положим, многие врут. Долготерпелив господь. А вот что ей соврал — это малодушие. А может быть, и не малодушие. Может быть, Люся права — не назрело еще, сам в себе разобраться не в силах...

Вбегает Мишук.

МИШУК. Пап, а пап! А у меня пятерка...

Отец **ВАСИЛИЙ.** Пятерка? За что?

МИШУК. Диктант без ошибочки. Даже все запятые на местах.

Отец **ВАСИЛИЙ.** Вот это отлично... Знаешь, сынок, грамотность в родном языке — это первая черта образованности. Хорошо грамотному человеку, и все другие знания легче даются.

МИШУК. Я буду отличником, папа! Буду. Я же упрямый, ты знаешь.

Отец **ВАСИЛИЙ.** Может быть, все-таки, настойчивый, а не упрямый...

МИШУК. Настойчивый.

Отец **ВАСИЛИЙ.** Это лучше. Упрямые-то и ослы бывают.

МИШУК. А только я немножечко и упрямый. А потом, ты сам говорил, что ишаков любишь — такие они трудолюбивые, хорошие, работяги...

Отец ВАСИЛИЙ. Ну, это, брат, ты хитришь... Ишаки на Кавказе, действительно,— прелесть, а не скотина. Но упрямства это не оправдывает. Упрямство придется в себе ломать.

МИШУК. Ладно, переломлюсь... «Ломаюсь, а не гнусь...»— это мой девиз.

Отец ВАСИЛИЙ. Откуда он у тебя?.. Не сам же выдумал?!

МИШУК. У Миши Воронцова старый роман есть. Про рыцарей. Еще когда крестовые походы были. И там девиз у сэра Эндрюса на щите такой. Вот я его и присвоил.

Отец ВАСИЛИЙ. «Ломаюсь, но не гнусь!» Неплохо. Это ведь значит — легче меня сломать, погубить, чем заставить согнуть покорненько шею перед тем, что я считаю дурным, подлым, недостойным. Хорошо...

Отец НИКОДИМ (в дверях). А как же тогда со смирением, отче? С первой добродетелью аскетики? Гордыней девизец пахнет. А ты гнись, гнись, гнись! Да все о господе, да не величаясь пред сильными. С сознанием слабости. А бог за тебя. (Входит. Размашисто благословляет мальчика.) Благослови, Христос, отрока сего!..

Сын целует руку и удирает, сделав в дверях за спиною смешную дразнилку смирения: гнись, гнись!

Отец НИКОДИМ (уставно лобызается со Скворцовым). Христос посреди нас, отче! Не ждали?

Отец ВАСИЛИЙ. И есть и будет! Не только не ждал, поражен, отче, поражен. Вы же во Пскове обретались. И вдруг у нас... Какими ветрами?

Отец НИКОДИМ. Добрыми и попутными. Прихожанка у меня одна есть. Всю жизнь с богом прожила. А родом от вас. Когда-то здесь обитала. На отшибе, на горке у станции домик ее стоял. Где яблоня старая на бугре век доживает. Болеет теперь моя духовная дщерь. И дала мне деньги, чтобы съездил я в ее родные места. Посмотрел бы, целы ли могилки родственников.

Отец ВАСИЛИЙ. Давно она отсюда уехала-то?

Отец НИКОДИМ. Не она уехала! Ее уехали! Раскулачили их в свое время. А теперь у дочки дни свои доживает.

Отец ВАСИЛИЙ. Более четверти века с тех пор прошло, значит. Тогда вам, отче, и искать нечего. Распахано то старое кладбище. Колхозный сад там с пасекой.

Отец НИКОДИМ. Мерзость запустения на святом месте.

Отец ВАСИЛИЙ. Нет, мерзостью и запустением не назовешь. Божьи же пчелки мед да воск собирают. А весной зацветет — глаз не отведешь.

Отец НИКОДИМ. Суета сует и всяческая суета...

Отец ВАСИЛИЙ. Ну, мы-то с Люсей не вам чета — не монахи. Нам не грех. Да и монастыри на красивых местах всегда строились.

Отец НИКОДИМ. Не во имя восхищения тварностью, а во имя восхищения творцом в его творении.

Отец ВАСИЛИЙ. Аминь. Не будем спорить. Да вы садитесь, отче. Давно приехали-то, каким поездом?

Отец НИКОДИМ. Утром еще. Решил навестить однокурсника. Хоть в дружбе большой и не состояли мы, а хлеба да соли вместе за восемь лет не один пуд съели в семинарии да в академии.

Отец ВАСИЛИЙ. Что верно, то верно. А сейчас и еще малость к съеденному добавим. Обедать будем. У нас остановитесь?

Отец НИКОДИМ. Нет. С ночным и уеду. Да, тут в коридоре я чемоданчик оставил. Требный крест да епитрахиль у меня там. Не гоже в коридоре-то. Позвольте, ваше преподобие, я у аналоя на столик поставлю.

Отец ВАСИЛИЙ. Конечно, конечно. Ставьте. Вы жену-то мою видели?

Отец НИКОДИМ. Матушка и впустила.

Отец ВАСИЛИЙ. Ну, значит, и предупреждать не надо. Поди, уже и прибор лишний на столе.

Никодим выходит за дверь и тотчас же возвращается с чемоданчиком.

Отец ВАСИЛИЙ. Вы ведь недавно диссертацию защитили, отче?

Отец НИКОДИМ. Не привел господь. Ко смирению моему. Отец Александр Озеров (с ироническим нажимом), «профессор священного писания», да Николай Дмитриевич Успеньев (так же с иронией), «профессор литургики», завалили...

Отец ВАСИЛИЙ. Что так? Не ожидал. Вы же после окончания академии не один год над нею работали.

Отец НИКОДИМ. Сотни книг прочел. Сам языков не выучил, так три года половину доходов на перевод для меня книг с французского и немецкого потратил. Таксиля Льва три тома о масонах и сатанистах перевели мне.

Отец ВАСИЛИЙ. Да ведь он же эти книги для обмана католичества написал. Из пальца все чудеса сатанинские выдумал. Я же в предисловии к его «Забавной Библии» читал об этом.

Отец НИКОДИМ. Побойтесь бога, отче. Неужто и вы на сатанинскую приманку клюнули? Не мог бы бог попустить такого. Хоть и еретики католики, да таинства-то и у них таинства! Это же все масоны да жиды и придумали, чтобы люди его разоблачениям не поверили. Они и «Библию забавную» выдумали, а праведнику божьему — Таксилю приписали... (Загораясь, распаляясь, страстно.) Кругом Сатана вредит. Близ есть при дверех. Пир сатанин идет. В правительствах безбожных он правит, руками авторов безбожных водит, слабые души обольщает. Людей к сатанинским прелестям—театрам, кино, песням, плясам балетным, сатанинским капищам — клубам да домам культуры — приваживает, так уж хоть нам-то, иереям божиим, его хитросплетения, у престола стоя, надо уметь отражать. Не гоже! Крест в терниях ныне. Церковь распята. Верные стонут. А вы на «Забавную Библию» озираетесь. Не ждал!

Отец ВАСИЛИЙ (с едва заметным юмором). Вам виднее, отче, это у вас диссертация о Сатане была...

Отец НИКОДИМ (самодовольно). Что верно, то верно... Сатану я действительно вдоль и поперек со всеми повадками его изучил... Крепко его отцы церкви по косточкам разобрали. А теперь он воинствует невозбранно. Внушает и книгами, и с кафедр, и по радио, и по телевидению, и в газетах...

Отец ВАСИЛИЙ (неопределенно). Н-да!

В дверях за спиной Никодима появляются Люся с Володей. Люся что-то хочет сказать, но замирает, услышав слова Никодима, прижав одну руку к сердцу, с мукой страдания на лице. Другой она хватает руку Володи и стискивает ее.

Отец НИКОДИМ. Ведь до чего люди теперь на бога надеяться разучились. Все по-мирскому, по-сатанинскому. Приходит тут ко мне месяцев семь назад прихожанка. Старая уже. О спасении души думать пора. А она за благословением — благослови ее на операцию желудка. Профессор, мол, говорит: нужно резать. А я ей говорю: чтó приснопамятный митрополит Филарет, ну, который при Пушкине жил, Катехизис написал, помещице Наумовой посоветовал? На болезни не обижайтесь — от господа для испытания ниспосылаются! А ты, говорю, от муки искупительной под муку человеческую, под нож готова пойти. И не благословил. Она мне в ноги — батюшка, благослови, говорит. Дочка у меня вдова, к себе звала. У нее дочь вот-вот замуж выйдет — уедет, одна останется. Приезжайте, пишет, мама, вместе легче вековать будет. А я ей: дочке твоей который год пошел? Не малолеток, устоит. А Христос, говорю, что сказал: кто не возненавидит отца своего или матери своей меня ради, недостоин царствия божия. А ты его волю нарушаешь... Причащал я ее еженедельно. Теперь и дочке в деревню уехала. На это я благословил ее. Чтоб было кому похоронить благочестно. Душа-то очистилась в страдании. Не гореть ей в аду. Сам умру — у престола господня встретимся. Тогда господу исповедуюсь: вот-де, господи, се аз, а се чадо мое раба божия Агриппина.

Отец ВАСИЛИЙ (с ужасом). И вы решились... (Встает, глухо.) Умерла раба божия Агриппина. Завтра отпевать мне ее.

Отец НИКОДИМ (встает и крестится на образа). Преставилась. Упокой, господи, душу рабы твоея Агриппины во царствии твоем. (К отцу Василию.) Завидую вам, отче. По-христиански, беззлобно завидую. Великое это счастье — праведницу отпеть. Жалею, что обстоятельства не позволяют мне лично проводить духовную дщерь мою. Но на все божья воля. Да к тому, мыслю так — все мы пастыри божии, братия, одно дело делаем, одной правде служим. Что я у одра ее, что вы. Что мое дело, что ваше дело. Что ваше дело, то и мое дело. Путь у нас один — в господе. С моим наставлением, с вашим разрешением предстанет Агриппина пред судией...

Отец ВАСИЛИЙ. Вы... вы...

ЛЮСЯ (стремительно выступает и опережает мужа). Кушать, отцы. Да вы, отец Никодим, с дороги-то, может быть, умыться непрочь?

Отец НИКОДИМ. И то, матушка, и то... (В дверях, обращаясь к отцу Василию.) Да, отче, кстати-то! Слава о вас большая идет. Проповедью народ за души хватаете. Добро! Людей к церкви тянете. Благо! Слыхал я, что вы мно-

го о морали говорите. И это благо. Да вот не всегда так, как нужно. И безбожники ведь о морали твердят. Надо людям показать, что дела самые лучшие, если не от бога идут,— тлен и суета сует. Только сделанное во имя бога или спасения души — это осмысленное, полноценное добро. Вы бы лучше, как я: больше о чудесах, о житиях святых, об угодниках. На их пламенной вере людей растите, чтобы добро их воссияло должным образом. Ну, мы об этом еще поговорим. Иду, матушка, иду...

Отец Никодим с Люсей выходят. Володя, отступив за дверь, молча их пропускает и остается в дверях.

Отец ВАСИЛИЙ (обернувшись к иконам). Господи! Боже милостивый! И это тоже христианство? Тоже во имя твое? И наука его бесовская? И раденне о спасении души изуверское? И я с ним в одной шеренге?! И он чуть ли не самый примерный среди собратьев моих?! Честен до гроба, верит, как святые отцы верили. И невежествен, как и они полторы тысячи лет назад. Люся, Люся!.. (Поворачивается к двери. Видит Володю.) Хочешь спор продолжить? Козыри на руках. (Почти со слезами.) Не будет спора. Не надо спора... Лежачего не бьют.

ВОЛОДЯ. Нет, я не собираюсь, Вася. Дай мне руку (жмет его руку). Тяжело тебе? Больно? Считай, что рядом с тобою друг.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Слышен церковный благовест. Потом он смолкает и занавес идет вверх. Прожектора и рампа освещают просцениум перед внутренним занавесом. Доносится церковное пение. Справа у рампы стоят и курят доктор и Вася — комсомольская голова.

ВАСЯ. Вы, говорите, обучались закону божию,— много еще времени до отпевания?

ДОКТОР. Немало. Херувимскую не пели еще. А это у них вроде биссектрисы обеденной: делит ее пополам. В конце обедни проповедь будет. Хочу послушать. Не оставляю я этого случая. С лекцией в клубе выступлю. Но хочу сначала разобраться поглубже.

ВАСЯ. Любит его народ. И прямо скажем — идут к нему в храм. Даже молодые идут. В одно слово люди твердят — батюшка что надо — учит добру и творит добро.

ДОКТОР. Тем более разобраться следует, тем более надо показать, что личная порядочность его не оправдывает идею, которой он служит. Бабку-то Агриппину погубил ведь не дурной поп, а дурная идея.

ВАСЯ. А я стану впереди и буду смотреть ему в лицо. Как он мне в глаза взглянет после всего случившегося?

ДОКТОР. Если фанатик — не смутится. Если прохвост — тоже. Да нет, судя по всему, он не таков. Впрочем, увидим. Я считаю, правильно решили до самой могилы церковный путь Агриппины проследить. Своими глазами увиденное — это по-настоящему узнанное...

ВАСЯ. Смотри-ка ты... Девки молоденькие в церковь идут. Жаль, я здешних не знаю.

Отходят еще ближе к краю сцены. Слева входит, семеня, просвирня Пелагия Ивановна с блюдом горкой наложенных просвир. Останавливается поправить их посреди сцены. Следом входит Егоровна. За нею, опустив головы, две девушки городского вида.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. С праздником, Егоровна. С христовым днем!

ЕГОРОВНА. И тебя тоже, Пелагия Иванна.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. Что поздно сегодня в церкву идешь?

ЕГОРОВНА. Да застряпалась. Внучка вот приехала ко мне с подружкой. Ну, надо же их обиходить. Студенческие-то разносолы, знаешь, не бог весть какие...

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. Верующая у тебя внучка-то! Это хорошо. И подружку такую же подобрала. Бог благослови!

ЕГОРОВНА. Да какие они теперь верующие. Все хиханьки да хаханьки.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. А в церкву-то пришли вот. Другие, небось, не ходют.

ЕГОРОВНА. Да я их уговорила. Пусть отца Василья хоть разок послушают. Сами увидят, что церковь божия добру учит.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. И то правильно. Уж наш-то батюшка только о добре и говорит. И о вежливости, и как помогать друг дружке, и чтобы не пьянствовали.

Ударили в колокол. Послышался галочий грай.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА (всполошилась). Ох, матушка пресвятая богородица, как это же я заболталась, а там просвиры ждут. Уж прости ты меня, бога ради, Егоровна, бегу.

ЕГОРОВНА. Беги, беги. И нам пора. А то и обедня кончится. Идемте, девочки. Вот услышите сегодня, какое добро в храмах-то.

ВАСЯ. Ох, уж мне эти добрые бабушки. Так вот молодых и втягивают.

ДОКТОР. Эстафета поколений. Ничего тут не попишешь. Через нее опыт, навыки, вкусы перенимаем. Через нее суеверия и тьма прошлая следом ползет. Много внимания, неустанной заботы положить надо, чтобы отделить здесь свет от тьмы. Поставить предел отжившему. То это представления о мещанском душном уюте. То эгоистические лозунги «моя хата с краю», «береженого бог бережет». То знахарская, с позволения сказать, терапия... То вот батюшкины утешительные словеса о боге. Постойте, а это еще что за молодая пара?

Входят Володя с Аней.

ВОЛОДЯ. Послушаем своячка в производственной обстановке. Ох, и выбила его из колеи эта история с Агриппиной. Как только он найдет в себе силы отпеть ее сегодня. Поверишь — жаль мне его. Невольно представил себя в его положении... Мороз по коже прошел.

Доктор толкает Васю в бок. Тот кивает, весь обратившись в слух.

АНЯ. А не подведет это его к уходу?... Ну, к разрыву.., Ведь рвут же люди!

ВОЛОДЯ. Для скорых решений он слишком глубок и идеен. А вот что может карстовая полость в сознании появиться, промоина, это да. И если не дать ей зарасти, когда-нибудь произойдет обвал. Болезненный для него. Очень. Но даст путь солнцу в пещеры сознания. А солнце рассеет тьму.

Уходят.

ВАСЯ. Вот оно как...

ДОКТОР. Да, голубчик... И я благодарю случай, что мы услышали этот разговор. Мы против бесчеловечных убеждений отца Василия собираемся драться, а они — за человека в отце Василии. Но ведь победит в нем человек — не будет он и служить бесчеловечности. А если объединить силы?..

ВАСЯ. Доктор, вы стары, а ум ваш гибче моего.

ДОКТОР. Вы тоже уже перешагнули грань мальчишества. Мы с вами отлично споемся, голубчик. Но в храм, в храм.

Уходят. Затемнение. Пение прерывают несколько торжественных аккордов музыки. В полной темноте раздвигается внутренний занавес.

Хор: «Верую во единого бога отца вседержителя, творца неба и земли, видимым же всем и невидимым...» Затем пение как бы отодвигается и становится еле слышным. Луч прожектора выхватывает часть престола и стоящего в полном облачении отца Василия.

Отец ВАСИЛИЙ (колышет «воздухом» над чашей на престоле. Слышится его «внутренний голос»). Верую... Верую, хотя и смятен... Верую, но не в бога Никодима, не в бога таинств. Верую в высшее добро. В промысл, руководящий миром, хотя действия его мне страшны и непонятны. Верую, хотя червь сомнения поселился в душе моей. Как изгнать его? Покойница в храме, и я в ответе за содеянное с собратьями моими вкупе. Они зовут меня поддерживать чудеса, противные правде праведников. Во имя веры, еще теплящейся в сердце моем, я не пойду по этому пути. Буду пастырем скорбных, утешителем слезных, врачевателем больных. Именем высшей силы, нездешнего добра, без которого, верю, невозможно никакое добро. Попробую очистить веру мою. Снять с нее шелуху суеверий, налипшую веками. Такой проповеди, какую вы сегодня услышите от меня, вы еще не слыхивали. Пред гробом мученицы от суеверий я разоблачу эти суеверия. Расшатаю веру тьмы, чтобы не потухла моя искорка веры в светлое...

Прожектор гаснет. Сквозь новые аккорды величавой и скорбной музыки прорывается церковное пение. Сцена освещается полностью.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Церковь. Иконостас. В открытых царских вратах видна фигура стоящего спиной к народу в полном облачении, в камилавке отца Василия. В храме накрытый покровом гроб. Перед гробом аналой с иконой. У гроба — Агния Сергеевна

и Наташа. Впереди у амвона видны Вася — комсомольская голова с доктором. Среди народа Аня с Володей, Мария Саввишна. В стороне Люся и Мишук. Егоровна и студентки — сзади.

Отец ВАСИЛИЙ (распевно). Слава тебе, Христе боже, упование наше, слава тебе.

ХОР (на клиросе). Слава отцу и сыну и святому духу... и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь. Господи, помилуй, господи, помилуй. Благослови...

Отец ВАСИЛИЙ (наклоняется, целует престол. Берет напрестольный крест, повернувшись, выходит из царских врат и молча, с крестом в обеих руках, прижатым к груди, останавливается на возвышении амвона). Во имя отца и сына и святого духа! (Пауза. Все торопливо крестятся. Склоняют головы.) Возлюбленные! «Дивен бог во святых своих, бог израилев», — поет церковь. Изо дня в день празднует она память того или иного святого. Святцы печатает в календарях, на житиях святых воспитывает верующих, святых ставит им в пример, достойный подражания, ведущий ко спасению, открывающий небеса. Не так ли, возлюбленные?

ГОЛОСА. Так!

— Так, батюшка!

— Истинно так!

Шелест и рокот проносятся по храму. Многие крестятся. Две-три старушки уже утирают глаза. Толпа еще подается вперед.

СТАРУШКА (вполголоса). Господи! Ну совсем Христос. И голос такой же.

Отец ВАСИЛИЙ. Оглянемся же на сияющие пути. Приникнем к их сокровищнице. Ее же ржа не ест, червь не точит. Ее же господь утвердил в назидание роду человеческому. Много разных форм святости знает церковь Христова. Вот мученики — помните Веру, Надежду, Любовь и мать их Софию? Одной из них щипцами откусывали сосцы, с другой сдирали кожу со спины и с живота, третью жарили на сковороде. И мать с радостью взирала на их нечеловеческие мучения. Радовалась безграничным страданиям своих детей. Разве это не пример истинного материнства?

Вася переводит изумленные глаза на доктора. Доктор хватается за грудь. Люся шагнула вперед, сжала руками виски. Встревоженный ее жестом Мишук схватил ее за платье. Володя поддерживает Аню за локоть.

Отец ВАСИЛИЙ. Вот великомученик Пантелеймон. Его бросили львам — львы его не тронули. Тогда царь-язычник убил в ярости львов. И их тела остались нетленными. Животные мощи. Правда, у львов нет души... Но, видно, эти поступали с душою, раз бог удостоил их такой чести. Вы скажете, а как же по науке? Не смущайтесь — ведь еще святой Тертуллиан сказал: верую, хотя бы это и было нелепостью. Для веры нет нелепостей — на то она и вера.

На некоторых лицах недоумение. На других напряжение. Кое-кто начинает улыбаться. Кое-кто хмурится. Две старушки взахлеб плачут. Егоровна с тревогой оглядывается на девушек-студенток. У тех удивленные, широко открытые глаза.

Отец ВАСИЛИЙ. Или преподобные божии. Весь мир со всеми его радостями, трудом на пользу другим людям, светом солнца и пестрым ковром цветов, дружбу и любовь, милосердие от себя отринули... Себя целиком отдали умерщвлению плоти во имя бога, которого называли богом любви, милосердия и щедрот. Их ели клопы, блохи, вши... Их покрывали короста чесотки, парши, гнойники и грязь. Они терпели. Никогда не мылись. Одежды гнили на теле до тла. От их пещер несло смрадом, как из нор хищников. Они терпели... Замуровывались в кельях. Годами молчали, стояли на столбах. И умирали, не узнав радости, не испытав удовлетворения от честного труда, счастья за выращенных детей, гордости за благополучие родины, но зато веруя, что им обеспечено место на том свете в блаженном безделии, с бесконечным восхвалением бога: Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...

Некоторые крестятся, переглядываются. Студентки смотрят на священника с явным недоумением и даже с жалостью

Отец ВАСИЛИЙ. А святители божии... Они готовы были проклинать друг друга, натравливали друг на друга власть имущих, если подозревали в ереси. Они приказывали жечь книги, ломать статуи, уничтожать произведения искусства и зодчества, только бы не оставить на земле ничего, что могло бы противостоять христианству. В Александрии по приказанию святого епископа Александра монахи схватили женщину-математика, первую ученую женщину в мире, Ипатию, и, избив ее и обнажив, до тех пор скоблили ее прекрасное тело обломками морских раковин, пока не показались кости, а затем во славу божию волокли окровавленные останки по улицам с пением похвал Христу милосердному. Разве это не готовность пойти ради Христа на все, разве это не верность?

Но мало и этого. Когда злочестивые язычники стали попре-

кать их убийством и обстановка в Александрии накалилась не в пользу церкви — нашелся монах, который засвидетельствовал именем божиим, что Ипатия тайно крестилась и получила имя Екатерины, а убили ее узнавшие об этом язычники. Это и есть святая великомученица Екатерина. Грех лжесвидетельства монах принял на свою душу тоже ради славы Христа. История не сохранила его имени. Но будем уверены, что Христос милостивый не позабыл своего верного слугу, и святой апостол Христов — первоверховный Петр — распахнул перед ним небесные двери рая. А если мы обратимся и Христа ради юродивым. Ум — радость и гордость человека. Но они притворялись безумными. А некоторые и делались безумными, не вынеся надругательства над человеческой природой, которое предпринимали во имя любви, благости и милосердия Христова. И по сумасшедшим церковь призывала равняться здоровых, умных, мыслящих...

Затемнение, постепенно сгущающееся на последних фразах. Голос звучит издалека. Его глушат аккорды музыки. Прожектор выхватывает из темноты свечную кассу. За нею стоят церковный староста и Пелагия Ивановна.

СТАРОСТА. Ох, не нравится мне это, прости, господи, Пелагия Ивановна. Не умеет он о святых. Не выходит у него. Уж лучше бы, как в прошлый раз, говорил, чтобы не толкались в магазине. Вот и академию кончил, а не умеет.

ПЕЛАГИЯ ИВАНОВНА. Так ведь душевно же говорит. Люди-то, вон, плачут.

СТАРОСТА. Заплачешь тут... Как бы нам всем от архиерея плакать не пришлось...

Затемнение. Просцениум перед внутренним занавесом. Народ идет из храма.

СТАРИК. Могий вместити да вместит. А в слове божьем как? Авраам-то приносил в жертву Исаака...

СТАРУХА. Да и Иеффай дочку тоже...

ЖЕНЩИНА. Дивны дела твои, господи!.. Один убьет — грех, а другой — святость...

СТАРИК. Вот и батюшка говорил. Слышала, небось.

ЖЕНЩИНА. Слышать слышала. А в толк не возьму... Что-то не туда загнул батюшка-то... Воши и благодать. Разве такое бывает?

СТАРУХА. А про Клопский монастырь слышала?

ЖЕНЩИНА. Был, говорят, такой.

СТАРУХА. Нарочно клопов не шпарили, чтобы спать не давали. Для молитвы...

ЖЕНЩИНА. Как же, бабоньки, мне-то ноне... Я ж Катерина, а она, вона, — язычница.

СТАРУХА. Дура! Да рази ее напрасно скоблили-то. Все язычество муками и отскоблили...

ЕГОРОВНА (с д е в у ш к а м и). Ох, грех один, прости господи. Попутал бог батюшку. Никогда он такого не говорил. И вот надо же. В самый раз, когда я вас зазвала.

ВНУЧКА. А ведь он смеялся над всеми, бабушка.

ЕГОРОВНА. Перекрестись! Да как можно такое сказать.

ВНУЧКА. Смеялся. А сам над собою плакал.

ЕГОРОВНА. Тоже мне душеведица нашлась. Ну, прости меня, дуру старую.

ВНУЧКА. Да что ты, бабуся милая. Мы даже довольны.

ЕГОРОВНА. Вы-то, может быть, и довольны, да мне каково? Ах, отец Василий, отец Василий.

Наперегонки, играя в пятнашки, пробегают Мишук и мальчишки. Входят Люся, Аня и Володя.

АНЯ. Нет, ты объясни мне, объясни — что все это значит?.. Во имя чего он все это говорил. Если не верит — зачем в церкви, если верит — зачем над своей же верой издевается?

ВОЛОДЯ. Может быть, повременим, Анюта? Люсеньке впору самой во всем разобраться.

АНЯ. Да что же мы, чужие, что ли? Мне ее Вася как родной, дорогим стал, так могу я понять то, что происходит, или не могу?

ЛЮСЯ (т и х о). Вася всю ночь не спал. Сколько мы переговорили за это время... Вася верует, Аня, хоть и тяжкие сомнения борют его. Но он не хочет, чтобы его вера мерялась одной меркой с верой фанатиков. Как отец Никодим. Я не знала, что он решился на такое. Но почуяла, как он был напряжен перед уходом в храм. Наверное, осмеяв суеверия, он мыслил отмежеваться от них. Но боюсь, что фанатики приняли все за чистую монету, а многие просто не поняли его и никогда не поймут...

ВОЛОДЯ. А ты не думаешь, что такое выступление дорого ему обойдется? Если узнают, если дойдет до начальства?

ЛЮСЯ. Узнают. Дойдет. У нас все доходит. Обо всем доводят. И что будет — не знаю. Владыка может вызвать. На худший приход могут перевести. За штат временно уволить. Каяться, унижаться заставят. Не знаю. И главное — не знаю, как будет реагировать на все сам Вася. Одно знаю, на одном готова стоять: все, что сделал, все, что он сделает, — лучшее из того, что надо или следовало сделать. И я во всем буду с ним...

ВОЛОДЯ. А будет трудно — рассчитывай на нас...

Уходят. Выходят доктор и Вася — комсомольская голова. Доктор протягивает Васе старый портсигар. Они закуривают.

ВАСЯ. Вы что-нибудь поняли, доктор? Я сбит с толку. Все мои установки и предположения разбиты вдребезги. Где мы были — в храме или на атеистической лекции? Может быть, это разрыв?

ДОКТОР. Скорее внутренний взрыв, голубчик. Искренне заблудившийся человек увидел себя в одной шеренге с пещерными дикарями. И во имя самого себя пытается из этой шеренги выйти, противопоставить себя ей...

ВАСЯ. Но что же теперь будет?

ДОКТОР. Не будем забегать вперед, друг мой. В мире путей, что людей. И нам самим порой не разобраться во всей сложности мотивов, которые бросают нас на тот или другой. Меня сейчас заботит одно: человеку может понадобиться плечо друга. И, кажется, нам следует здесь быть друзьями, а не противниками.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Столовая в доме отца Василия. Отец Василий стоит у окна. Люся расставляет на столе посуду. Звонит телефон. Люся берет трубку.

ЛЮСЯ (в т р у б к у). Слушаю. Да. Жена его. Сейчас (к л а д я т р у б к у в о з л е т е л е ф о н а, т р е в о ж н о). Тебя, Васек. Канцелярия преосвященного.

Отец ВАСИЛИЙ (п о д х о д и т, б е р е т т р у б к у). Да... Слушаю вас, отец Евгений. Добрый день. Выезжать? К преосвященному? Немедленно? Гневен, говорите? Нет гнева без милости. Хорошо. Завтра к полудню буду. Что? Уезжает. В Москву! Быть сегодня к вечеру? Хорошо. Буду. До свиданья. (К л а д е т т р у б к у.) Та-ак!..

ЛЮСЯ. Можно мне с тобой, Васек?..

Отец ВАСИЛИЙ. Оставайся дома, пусть дом будет тепл и светел к моему возвращению. Это хорошо, когда у человека есть его очаг...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Дом архиерея. Прожектор выхватывает из тьмы угол комнаты. В углу богатая божница. Горят три лампады перед сверкающими золотом риз и драгоценными каменьями иконами. Правее на стене огромные портреты патриархов Тихона, Сергия и Алексия. Под ними кресло с высокой спинкой, тяжелый письменный стол. Перед столом боком два кресла. В одном напряженно сидит отец Василий в рясе, с крестом. В высоком кресле за столом, в рясе с панагией на груди, в черной бархатной камилавке с бриллиантовым четырехконечным крестиком на ней, с седой бородой архиерей.

АРХИЕРЕЙ. Вы встретились с трудным для вас моментом, отец иерей. Вас ужаснула ревность отца иеромонаха, воспретившего женщине оперироваться. Во-первых, так ли не прав, как вам кажется, отец Никодим? Мы, пастыри душ, готовим людей к вечности. Нет, нет, не воображайте, что я отрицаю жизнь. Я сам, бывает, посижу у телевизора, радуюсь «Богатырской симфонии» Бородина, наизусть знаю стихи английских поэтов. Но ведь вечность-то — это конечный результат той же жизни и именно ее надо удостоиться. Вы говорите, что он убил вашу Агриппину. Вы рассуждаете, как слепец, не знающий ничего, кроме земли и искорки человеческого бытия, вспыхивающего на ней... А ведь каждая искорка вспыхивает, чтобы угаснуть. А человек умирает, чтобы никогда затем не погаснуть. Памятование смерти было, есть и будет ведущим и направляющим к добродетели, к горению за души человеческие основанием христианской морали. Все сделать, все исполнить здесь, чтобы всего удостоиться там. В этом мудрость аскетики. Вы молоды, отец Василий, и переоцениваете жизнь — рядом со смертью. А помните, что говорится в «Испанском монахе»?

Отец ВАСИЛИЙ. Не читал.

АРХИЕРЕЙ. Смерть далека? О нет, всегда вблизи.
Она копье подъемлет роковое:
Здорового — на дне бокала ждет,
С больным — у ложа нагло скалит зубы,
Стоим, иль ходим, или мчимся вдаль —
Повсюду смерть сидит ловцом в засаде...

Так ли уж не прав был отец Никодим, когда побудил пожилую женщину муками оторваться от суеты и приготовиться к таинству смерти, чтобы не пасть неподготовленной, попав в ее засаду. (*Берет со стола Библию.*) Кто больше Иова задумывался над смыслом страданий? И вот что мы там находим (*быстро найдя страницу, читает*): «...Он (человек) вразумляется болезнью на ложе своем и жестокою болью во всех костях своих — и жизнь его отвращается от хлеба и душа его от любимой пищи. Плоть на нем пропадает, так что ее не видно, и показываются кости его, которых не было видно. И душа его приближается к могиле и жизнь его — к смерти...» Об Агриппине вашей сказано. Слово в слово. А вы вразумление божие к убийству приравняли. Иереем божиим будучи...

Отец ВАСИЛИЙ. Но ведь ей бы еще жить да жить, владыко. На радость дочери, внучке. Миру божьему улыбаться. Солнце по утрам встречать...

АРХИЕРЕЙ. Молоды, слишком молоды вы еще душою, отец иерей. В вас-то самом еще жизнь бушует. Вот вы и бунтуете против смерти.

Отец ВАСИЛИЙ. Мы с отцом Никодимом однолетки, ваше высокопреосвященство.

АРХИЕРЕЙ. Да, один — крест и кости Парамаида на груди носит, а другой — у жены на груди радости пьет. Иночество-то всегда к богу ближе было. В иноках богословие зрело, иноками ереси поборолись. Не вам умудренного духом собрата осуждать, отец иерей. Вы вот в запальчивости и меня поучать готовы...

Отец ВАСИЛИЙ. Но я, ваше высокопреосвященство...

АРХИЕРЕЙ. Так-таки ничего и не поняли, если еще тщитесь возражать. Но довольно об Агриппине. Буду милостив и отнесу ваши запальчивые обвинения и сумбурные рассуждения о приоритете жизни над смертью все к той же неизбегавшейся молодости вашей.

Отец ВАСИЛИЙ. Но я...

АРХИЕРЕЙ. Я сказал: довольно... Перейдем к главному. К тому, ради чего вы вызваны мною сюда в сей поздний час. К вашей безумной, безбожной, потрясающей основы веры проповеди.

Отец ВАСИЛИЙ. Ваше высокопреосвященство, моя проповедь не могла быть безбожной. Я веровал и верую. Она была направлена не против бога, как высшего разума, а против человеческих нелепых форм его почитания и служения ему. Во имя веры я попытался осмеять то, что подает повод к отрицанию этой веры людьми.

АРХИЕРЕЙ (*вскакивая и яростно ударяя кулаком по столу*). И, может быть, убили бога, в которого тщитесь веровать, в сердцах тех, кто веровал в него по-детски, просто и от всей души. Чья вера была неизмеримо выше, чище, ярче, достойней вашего рационалистического интеллигентского словоблудия о боге — высшем духе, высшей справедливости, высшем благе...

Отец ВАСИЛИЙ (*тоже вставший, когда встал архиерей*). А разве я не прав? Разве бог не таков? Или вы верите в истребительного Иегову Моисея, в бога Ильи, посылающего ему огненную колымагу, запряженную небесными меринами?

АРХИЕРЕЙ. Замолчать! Вы... Вы... думаете о том, что говорите? Кому говорите? Сопляк!

Отец ВАСИЛИЙ. Я иерей церкви Христовой!

АРХИЕРЕЙ. Да, вы действительно олух царя небесного. И я бы выгнал вас вон, если бы не суровость наших времен. Если бы не видел, что вы все-таки сохранили какого-то бога в сердце. Но я знаю все это, учитываю все это и даже не переведу вас на худший приход. Вы должны будете там, где нашкодили, как забывшийся мальчишка, своими руками исправить то, что испортили.

Отец ВАСИЛИЙ. Ваше высокопреосвященство...

АРХИЕРЕЙ. Садитесь! Что вы стоите передо мною, как петух? Сидите. Молчите. Слушайте. И постарайтесь понять. Есть одна церковь — в веках, во всех своих учениях, таинствах, обрядах. В своих святых и святынях. В каждой свечке и в каждом «аллилуйя», в каждой легенде и в самых нелепых для сегодняшнего уха сказаниях Библии. Одна... И другой нет, не было и не будет. И во всем этом — бог. И вне церкви бога нет — есть болтовня о нем, есть детские вздохи о нем, пантеистские подделки под него. Кроме нашего — бога нет. Во всех верах — он же, хотя и ущербленный и исковерканный лжеучениями. Богослов верит в него утонченно, а служит ему в нашей святой церкви. Простец приемлет его огрубленно, а за благодатью идет в ту же церковь. Церковь нас единит. Пастырей и паству, богословов и безграмотных бабок, в сорокоустах и точном соблюдении постов видящих соль веры и единственный путь спасения. Думайте, что хотите... Веруйте любыми философскими формулировками, но живите всей полнотой церковных учений, почитаний и обрядов, даже если они будут вам казаться шаманством колдунов и лепетом неандертальцев. Ибо в тот момент, когда мы восстанем на дело церкви и покажем несостоятельность хоть одного из составляющих ее элементов, — народ, верующие, масса отряхнут с себя прах всей церкви и нас с вами раньше всего. Возвращайтесь в свой приход. Служите. Больше акафистов, молитв, треб, торжеств, общего пения. Дайте каждой бабке все, что она мечтала бы найти и испытать. Проповедуйте. Но конспект каждой проповеди сначала присылайте мне. Говорите о святых так, чтоб колени людей подламывались от умиления перед их подвигами. Воспойте юродивых и блаженных. Побывайте с преподобными на столпах их подвижничества, в их скитах, пещерах, пустынях. Жгите воображение людей их страданиями, воздержаниями, самоотдачей жизни Христа ради. Покажите свет страдания, тьму суеты земли. Пусть люди на коленях молят вас о благословении и предстательстве. Вне этого пути церкви нет. А вне церкви нет веры. Или так, или церковь поглотит безбожие. А вы же боитесь его. И вы правы — мы ему не нужны. Помните — интеллигентская вера — уж не вера, если она в душе не молит о чуде, об отмене естества, о беспомощности знания и разума. Третьего пути нет. Или так, или вы не наш. Идите. И да просветит и благословит вас бог!..

ЭПИЛОГ

Вечер. Уголок городского парка. В правом углу сцены вглубь уходит широкая аллея со склоненными над нею в зелени деревьев фонарями дневного света. Налево, в полукруге, стоит скамейка. На ней молча сидят: доктор с палкой между коленями, справа и слева от него Вася — комсомольская голова и Володя. Из репродуктора звучит песня геологов. Володя ногой отбивает такт. Справа в светлом пальто, со шляпой в руках, с перекинутой через руку и свернутой, как носят пальто на руке, рясой появляется отец Василий. Он идет медленно, в глубоком раздумье, никого не видя. При его появлении сидящие на скамейке поднимаются.

Отец ВАСИЛИЙ (*пройдя несколько шагов, останавливается*). Как жить? Есть ли в мире настоящая правда? Найду ли я ее?

Занавес

Всего сто лет, уже сто лет

О чем писали русские газеты и журналы в декабре 1878 года

Сетования на упадок нравов, на всеобщую распущенность, постоянно возрастающую, не новы. Начиная от ветхозаветных пророков и до новейших времен тема эта была одною из наиболее излюбленных и поочередно применялась ко всем сменявшим одна другую эпохам. Те времена, в сравнении с которыми наше время признается теперь безнравственным, в свою очередь слышали тот же приговор о себе из уст строгих судей, сравнивавших их со стариной более отдаленной. Подобные сетования совершенно логичны с точки зрения первородного греха и постепенного развращения человечества. Но только с этой точки зрения и можно объяснить себе предположение, что каждая эпоха представлялась хуже эпохи предшествовавшей. Понятно, что в разные времена указывались этому различные причины. Почти всегда, впрочем, причины эти сводились к тому, что люди «забыли бога» и увлеклись «новыми идеями», порождение которых одними прямо приписывалось дьяволу, а другими — лжемудрецам и лжеучителям, в числе которых в разные времена поочередно указывались люди весьма несходных убеждений: религиозные реформаторы, германские философы, французские социалисты, новейшие натуралисты.

«Дело»

МЫСЛЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ИСТОРИИ

У. Алнходжаев в роли Хамзы.

Узбекский кинорежиссер Шухрат **Аббасов** получил известность после выхода на экраны картин «Об этом говорит вся махалля», «Ты не сирота», «Прозрение», «Ташкент — город хлебный», «Драма любви». Последний свой фильм «Абу Рейхан Бируни» и многосерийную телевизионную ленту «Огненные дороги», которую он снимает сейчас, Ш. Аббасов посвящает великим людям прошлого. Первый фильм — жившему тысячу лет назад величайшему ученому средневековья, второй — великому узбекскому революционеру, поэту, драматургу, педагогу-просветителю и композитору Хамзе Хакимзаде Ниязи (1889—1929 гг.). Если судить о новом фильме по уже отснятому материалу и сценарию, то, как и «Бируни», это не просто собрание биографических сведений, а глубокое авторское размышление о трагическом конфликте человека со временем, которое он духовно опередил, о мыслящем человеке истории.

Рабочий момент съемок фильма «Огненные дороги».

— Как вы пришли к историко-биографическим фильмам?

— Я никогда не думал о том, что буду снимать их, и все же пришел к ним не случайно. Само время заставляет раздумывать не только о сиюминутных бытовых, семейных и иных вопросах, но и о проблемах глобальных, о будущем человечества. О людях и странах, освободившихся или освобождающихся от ига колониализма. О солидарности людей, общности их судеб. Конечно, мелких тем не существует. Можно сделать глубокие обобщения, рисуя цветок или травинку,— как в капле воды отражается Солнце. В этом и заключается сила искусства. И все же не случайно появление в одно и то же время целой серии таких картин, хотя до того они были редки.

Вероятно, потому я и пришел к фильму «Абу Рейхан Бируни», что не раз задумывался о роли ученого в наши дни, о роли науки. В ее руках находится судьба цивилизации. Ведь без ученых немыслим ни поиск новых источников энергии, в которых так нуждается человечество, ни даже поиск нравственных ценностей. Каждая эпоха ставит перед людьми новые проблемы. Чтобы верно решать их, нужно учесть опыт истории. Я обратился к человеку, жившему тысячу лет назад, — математику, астроному, географу, геодезисту, минералогу, историку, философу, который всегда шел одним путем — путем служения науке, всегда жил одной мечтой — мечтой о счастье Человека. За это и стало бессмертным его имя.

Думая о будущем, мы вспоминаем прошлое. Искусство, обращаясь к сюжетам истории, обращается к современникам. В великом ученом средневековья, вобравшем в себя все знания предшествующих эпох, сделавшем новые научные открытия, впервые определившем размер Земли им самим изобретенным математическим способом, написавшем 150 научных трудов, сочинявшем и стихи, и музыку, и медицинские трактаты, я увидел идеал Человека.

Разве не стремится сегодня наше общество создать условия, при которых могли бы появляться такие люди, как Бируни? Зато эпоха, в которую он жил, делала все для того, чтобы убить этого человека, лишить его права творить, права на личное счастье. Бируни преодолел все, оказался сильнее своего времени, сумел сказать в нем с в о е слово.

Я хотел сделать фильм о сильной личности, о большой цели, которая вела его и ради которой он шел через все невзгоды и трудности. Для меня Бируни стал обобщенным образом Ученого, приходящего в столкновение с теми, в чьих руках деньги, кто смотрит на народ, как на быдло. Бируни не делал из науки фетиш, он ставил ее на службу народу, стремился к тому, чтобы она облегчила участь людей, уменьшила их страдания. И его занятия медициной и геодезией имели целью практически облегчить жизнь человека, избавить его от болезней, найти источники воды. Разве не об этом же мечтают ученые в наши дни? Гуманизм Бируни перебрасывает мост из средневековья к науке двадцатого столетия.

— Ваш новый историко-биографический фильм еще снимается. В чем, на ваш взгляд, современность образа Хамзы?

— Как и тема «ученый и власть, ученый и народ» в фильме «Бируни» всегда современна, так же современна тема «художник и власть, художник и народ, художник и гуманизм» в фильме о Хамзе. Для меня это и моя личная тема, то, чем я живу, о чем думаю. Это будет десятисерийный телевизионный фильм о великом узбекском поэте и революционере, основоположнике узбекской советской литературы, театрального искусства, первом видном музыкальном деятеле Советского Узбекистана. Он был солдатом, сражавшимся за революцию с винтовкой в руках, интеллигентом и художником, безоговорочно вставшим на сторону революции.

Жизнь в Туркестане до Октября была столь бесчеловечна, что привела к духовному истощению нации. И все, что выпало на долю узбекского народа в те годы, Хамза испытал на себе. Его унижали царские чиновники и баи, эксплуатировала буржуазия — великорусская и национальная, он вступил в непримиримый бой с духовенством и с националистическим крылом джадидов (просветителей), с уродством их философии. Он убедился, что так жить больше нельзя, что гибнет целый народ и его культура.

Одним из первых увидел Хамза, что из соседней с Туркестаном великой России идет не только идеология и практика «тюрьмы народов», но и свет, прогресс, что Туркестан и Россия должны идти вместе к одной большой цели. В этом тоже заключалось величие и прозорливость Хамзы. В эпоху расцвета национализма, притеснений, которым подвергался со стороны царизма малый народ, интернационалист Хамза проникся революционными идеями, ведущими к освобожде-

нию к России, к соседних с ней народов. Глубочайшим интернационализмом проникнуты все его творчество, весь его жизненный путь.

Вероятно, такое отношение к России началось в Туркестане не с Хамзы, не он в этом отношении был первым. Работая в архивах над материалами для фильма, я не раз наталкивался на то, что многие прогрессивные представители узбекской интеллигенции тех лет связывали свои надежды с Россией. И наши большие поэты Мукими и Фуркат, и даже иные баи убеждались в том, что прогресс немыслим без России. Сейчас, когда между национализмом и интернационализмом идет идеологическая борьба, когда прогрессивные в прошлом движения в руках отдельных руководителей окрашиваются в националистические, антидемократические цвета, когда в тех или иных странах в ранг государственных законов возводятся самые обветшалые реакционные догматы ислама, опыт Хамзы, выводы, к которым он пришел, вполне актуальны.

Хамза считал себя не столько композитором, сколько педагогом-просветителем. Он тоже был джадидом, но представлял другое крыло этого течения — демократическое. Он стоял за то, что нужно просвещать весь народ и в особенности беднейшие его слои. Он не только высказывал свои идеи — и устно и в печати, но и практически осуществлял их — открывал школы, интернаты, самостоятельно пришел к тем же идеям, которые позже утверждал великий советский педагог Макаренко.

Человек больших страстей, размаха, темперамента, Хамза не удовлетворялся работой в одной школе, одном кишлаке. Открыв интернат, наведя в нем порядок, Хамза находил для него вместо себя способного руководителя и уходил в новое место, в новые края — чтобы открывать новые школы. Он хотел за короткое время сделать весь Туркестан краем образования и просвещения. Он знал, что только это может принести свободу и счастье забитому, темному, неграмотному народу. Не случайно царские власти признавали вредной его деятельность и закрывали его бесплатные школы для бедноты.

Первые четыре серии картины показывают, как Хамза пришел к этим идеям. Я бы назвал эти серии крушением его иллюзий. Ведь он получил религиозное воспитание в мектебе и медресе, прозрение его было постепенным, не сразу освободился он и от джадидских иллюзий. Мы увидим людей, окружавших Хамзу, его родных. Мы не хотим подавать героя в готовом виде — великая фигура, от которой все должны приходить в умиление, которая легко идет по жизни, преодолевая все и всяческие препятствия. Нам важно показать человека живого, сложного, исследовать все его жизненные связи, показать, каким он был сыном, братом, как приходилось ему преодолевать фанатическую религиозность отца-табиба (лекаря), уважаемого человека в Коканде. А Хамза был ярым атеистом и ненавидел духовенство, считая его главным виновником отсталости и невежества масс. В семье зрели конфликты. Отец, которого он любил, был его идейным врагом. Позже такие же религиозные фанатики, люто ненавидевшие Хамзу, зверски убили его.

Итак, на экране должна предстать жизнь народа и одной семьи, героя и больших масс людей. Как говорил Довженко, фильм надо писать двумя кистями — одной делать широкие, большие мазки, другой — тонкие, уточнять подробности, нюансы. Для верного и многогранного отражения действительности нужно найти правильные соотношения этих мазков. В великом революционере мы находим и обыкновенные, всем нам присущие человеческие слабости — чувство страха, недостаток решительности. Наш герой не умеет плавать и чуть не тонет в маленькой речке. Его спасает Аксинья, девушка, выросшая на Волге. Так происходит их знакомство. Хамза полюбил Аксинью и оказался едва ли не первым в Туркестане, женившимся на русской. И это произошло в Коканде, центре религиозного мракобесия. Теперь это стало обычным, у меня самого такая семья. Моим детям трудно будет понять, если кто-то скажет, что здесь произошло что-то из ряда вон выходящее. А ведь тогда это было почти подвигом.

Хамза пошел против традиций, которые считал вредными. Этот человек во всем был первым, даже в любви и браке. Он умел любить и оставил нам лирические стихи, смысл которых мне хочется передать на экране через его отношение к Аксинье. Вместе с моими соавторами по сценарию Камилем Яшеном и Борисом Приваловым я подчеркиваю особое свойство художника — не просто жить, а осмыслять жизнь. Он должен быть зорче других и указывать людям путь. Это его обязанность. Прикосновение к образу Хамзы, работа над фильмом о нем помогает мне понять самого себя и точнее прочертить собственный путь, свое направление в творчестве.

— История советского кино знает немало биографических картин. Но если проследить время их появления, то окажется, что в одни периоды их было много, в другие — интерес к ним со стороны художников как будто бы пропадал. Затем, на новом витке истории они появлялись опять, с новых высот рассматривая историю и современность. Чем вы это объясняете?

— Прежде всего нужно вспомнить о том, что среди авторов биографических картин были выдающиеся мастера — Эйзенштейн, Пудовкин, Довженко, братья Васильевы, Ромм, Юткевич, Донской. А героями были Маркс, Ленин, Пирогов, Павлов, Миклухо-Маклай, Чайковский, Мусоргский, Глинка, Александр Невский, Иван Грозный, Минин и Пожарский, Петр Первый, Суворов, Нахимов, Кутузов, Чапаев, Пархоменко, Тарас Шевченко, Георгий Саакадзе, Алишер Навои, Авиценна, Улугбек, Джамбул, Райнис, Сухэ-Батор, Абай, Давид-Бек, Палиашвили... Создатели фильмов об этих людях стремились воплотить на экране существо их жизненного подвига, прогрессивную направленность их деятельности, величие их жизни. Нравственный пример героев картин будил в молодых жажду творчества, открытий, познания.

Авторами таких картин были, как правило, люди, судьбу которых определила, таланты которых открыла революция. Огромный темперамент этих художников, глубину их мысли должны были воплотить на экране личности тоже выдающиеся. Великие люди прошлого помогали им раскрывать себя, браться в искусстве за большие темы, проявлять мастерство, делиться размышлениями о жизни. Так, на мой взгляд, определился взлет советского биографического фильма в предвоенные, военные и первые послевоенные годы. Патриотическая тема тех лет была бы немыслима без обращения к таким фигурам, как Александр Невский, Минин и Пожарский, Суворов, Богдан Хмельницкий, Кутузов, Нахимов, Котовский, Пархоменко, Зоя Космодемьянская, Александр Матросов...

Но вскоре новые темы — современность с ее насущными заботами и проблемами — отодвинули этот жанр. Само понятие «биографический фильм» стало казаться архаичным, исчерпавшим свои возможности, пережившим свое время. После широкого обращения кинематографа к масштабным, эпического склада фигурам возник интерес к современности и ее героям. Стремясь достойно отразить на экране жизнь народа, художники отошли на какое-то время от биографической темы. Искусство стало отражать вклад в общее дело обыкновенных людей, героическое начали искать в повседневном.

Знаменосцем киноискусства в тот период стала «Баллада о солдате», где простой парень Алеша Скворцов несет в себе гуманизм всего нашего общества. Однако биография биографического фильма на этом не кончилась, потребность в нем не исчезла, как не исчезла потребность показать средствами искусства, что революция воплотила самые сокровенные чаяния великих людей России, как не исчезла потребность воспевать средствами искусства людей, сильных духом и мыслью.

Думается, наше общество переживает сегодня такое время обобщений, подведения итогов для подготовки к строительству новых трамплинов. Вот почему биографический фильм снова возродился, доказав свою жизнеспособность. И оказал влияние на все наше кино, помогая ему стать глубже, философичнее. Если эпоха, начатая «Балладой о солдате», утверждала в кино человечность, поэзию простых чувств, романтику повседневности, то в биографических фильмах наших дней главное — глубина и сложность авторской мысли.

Новый подъем биографического фильма поражает не количеством снятых лент, а индивидуальностью каждой из них, ее непохожестью на другие, острой проблемностью, своеобразием режиссерского почерка. Это эпос А. Тарковского «Андрей Рублев», кинопоэма С. Урусевского о Сергее Есенине, киноповесть-размышление Н. Мащенко о Лесе Украинке, фильм Г. Сеидбейли о великом азербайджанском поэте-гуманисте Насими.

Помните, как в начале фильма А. Тарковского герой хочет подняться в небо, чтобы взглянуть на свою землю с высоты птичьего полета. Вот так художник ищет точку, с которой видно больше, угол зрения шире, чтобы суметь как можно глубже объяснить жизнь и ее явления, найти закономерности, сопоставить события, казалось бы далекие друг от друга. Тогда сюжет из далекого прошлого может оказаться злободневным. В сущности, это и есть главная цель, которую я ставлю перед собой в новом фильме «Огненные дороги».

Беседу вел С. ЧЕРТОК

150 лет со дня рождения ИОСИФА ДИЦГЕНА

«РАБОЧИЙ, САМОСТОЯТЕЛЬНО ПРИШЕДШИЙ К ДИАЛЕКТИЧЕСКОМУ МАТЕРИАЛИЗМУ»

В истории философии Иосиф Дицген (1828—1888 гг.) представляет собой явление исключительное. Рабочий-кожевник, которому довелось всего два года учиться в начальной школе, он самоучкой не только овладел обширными философскими знаниями, но и самостоятельно решил многие кардинальные философские проблемы — решил в духе материализма, в духе диалектики.

Естественно, что в силу того своеобразного пути, которым Дицген шел в философии, его воззрения не всегда и не во всем были последовательно научными, у него встречались и «некоторая путаница в понятиях» (Маркс), и «недостатки изложения и частные ошибки» (Ленин), однако в общем и целом он был материалистом, притом материалистом-диалектиком.

Прочитав первую философскую работу Дицгена, Маркс отметил, что она «содержит много превосходного и, как продукт самостоятельного мышления рабочего, даже достойного изумления». Высоко ценил Дицгена Энгельс: «...Замечательно, что не одни мы открыли эту материалистическую диалектику, которая вот уже много лет является нашим лучшим орудием труда и нашим острейшим оружием; немецкий рабочий Иосиф Дицген вновь открыл ее независимо от нас...»

Ленин, работая в 1908 году над «Материализмом и эмпириокритицизмом», тщательно проштудировал несколько философских работ Дицгена, а в самой книге немало страниц посвятил рабочему-философу и разоблачению попыток махистов противопоставить его взгляды марксизму. «Дицген был марксист,— писал он.— ...В этом рабочем-философе, открывшем по-своему диалектический материализм, много великого!» А несколько лет спустя Ленин написал статью «К двадцатипятилетию смерти Иосифа Дицгена», в которой читаем: «Вот значение Дицгена: рабочий, самостоятельно пришедший к диалектическому материализму, т. е. к философии Маркса».

Мировоззрение Дицгена формировалось в классовой борьбе. Еще юношей он участвовал в революции 1848—1849 годов, после ее поражения вынужден был эмигрировать и на протяжении 20 лет скитаться по Америке и Европе (несколько лет он прожил в России, работая на кожевенном заводе в Петербурге). Вернувшись на родину, вступил в социал-демократическую партию Германии. Последние четыре года своей жизни Дицген провел в США, где был активистом Американской социалистической рабочей партии, редактором ее газеты «Социалист».

Познакомившись с Марксом — сначала по его трудам, а потом и лично, Дицген стал горячим приверженцем и популяризатором марксизма, называл Маркса главой того философского направления, к которому причислял и самого себя. Главные философские работы Дицгена: «Сущность головной работы человека», «Экскурсы социалиста в область теории познания», «Аквизит * философии» и другие.

Проблемы религии специально занимали Дицгена. Его перу принадлежат работы: «Религия социал-демократии», «Как возникли боги», «О вере неверующих», «Религия должна быть сохранена для народа» (заголовок — слова германского кайзера Вильгельма I) и другие.

В своих взглядах на религию Дицген, несмотря на некоторую непоследовательность и путаницу (главным образом терминологического порядка), был воинствующим атеистом, многое в его антирелигиозном наследии не устарело и сегодня.

Ниже мы приводим несколько выдержек из работ Иосифа Дицгена.

■ Боги возникли не из хитрости жрецов. Наоборот, эта хитрость проявляется только тогда, когда боги клонятся к упадку. Когда историческое развитие заходит так далеко, что храм религии начинает шататься, тогда приходят эти хитрецы и изобретают подпорки. Боги не были изобретены. Это было только мнение поверхностных рационалистов эпохи Просвещения. Только теперь сделано открытие, что боги **возникли**, что они являются историческим образованием.

■ Самые тяжелые цепи, самое сильное ярмо наложила на него (человека) **природа**. Против ее невзгод человек борется с начала дней своих. Он должен отвоевать у нее одежду и пищу. С плетью потребностей стоит природа за его плечами, и ее милостью и немилостью создается и рушится все его величие. И только потому религия могла получить такое влияние, что она обещала освобождение от этого рабства...

■ Религия, как историческое явление, возникает и исчезает вместе с верой в нелепую сверхъестественность.

■ Из многих богов в конце образовался один бог. Эта штука уменьшилась, и поэтому существует обоснованная надежда, что этот единственный в конце концов исчезнет из нашей жизни.

■ Теперь мы определяем религию как известный продукт исторического развития, который в период своего высшего роста может быть и истинно-католическим и ортодоксально-протестантским. Сохранить это явление в его ортодоксальной форме и на высшей ступени его развития — это **действительно очень практично**. Но для кого? Не столько для широких народных масс, сколько для господствующего класса.

■ Все господа, эксплуатировавшие народ, постоянно ссылались на высшую миссию, на свое происхождение милостью бога, на миропомазание и метафизический фимиам. И хотя они везде и всюду твердили о просвещении, религиозной свободе, политическом прогрессе и критической философии, тем не менее они все же прекрасно сознавали, что без «чего-нибудь высшего», непостижимого, без чего-нибудь метафизического, хотя бы, скажем, «нравственного миропорядка», немыслимо более сдерживать узду, державшую народ в порабощенни, а им самим сохраняющую господство.

■ Их («имущих и образованных») религиозное франкмасонство, их протест против суеверия — всякая вера есть суеверие — не могут быть искренни, потому что **религиозное воспитание** народа — могучая поддержка их социального господства... Если народ ничему не верит, кто же тогда будет освящать нашу собственность и поставлять пушечное мясо отечеству?

■ Религия капиталистов так же двусмысленна, как двусмысленны капиталистическое хозяйство, буржуазная свобода, равенство и братство.

■ Вера в бессмертный, сверхъестественный религиозный дух мешает познанию того, что человеческий дух создан и воспроизведен самой природой... «Великий дух» религии является причиной умаления человеческого духа... А ведь бессмертный сверхъестественный дух есть лишь **фантастическое отражение** смертного физического духа... Смертный дух благодаря своим знаниям проникает в самые глубины природы, но он не может выйти за ее пределы не потому, что он ограничен, а потому, что мать — бесконечная природа, естественная бесконечность, вне которой ничего не существует.

■ Дикари обожествляют солнце, луну и другие вещи. Цивилизованные люди сделали дух богом, а способность мышления своим фетишем. В новом обществе этого не должно быть. Там люди живут в диалектическом общении, как множество в единстве: и свету познания также суждено будет стать орудием среди других орудий.

■ Теория познания, или учение о науке, т. е. понимание метода научного мышления, является универсальным оружием против религиозной веры, которое выгонит ее из последних, самых укромных тайников.

* Аквизит (лат.) — достояние, завоевание, достижение, приобретение.

■ ...Человек и ныне еще находится в зависимости от природы. Не все еще препятствия преодолены. Культуре все еще остается много дела, можно даже сказать, что ее задачи беспредельны. Но в известной мере мы уже господа положения: мы знаем оружие, которым можно победить... От молитвы и долготерпения мы перешли к мышлению и созиданию...

■ Учение Дарвина о развитии ограничивается животными видами; оно уничтожает пропасти, вырытые религиозным миросозерцанием между родами и видами явлений. Дарвин освобождает науку от этой религиозной точки зрения на родовые различия и устраняет из науки в этом специальном вопросе божественный творческий акт. Как раз здесь он ставит на место трансцендентного, сверхмерного творческого акта обыкновенное саморазвитие.

■ Научная поповщина серьезнейшим образом стремится пособить религиозной поповщине... Опутанные религией профессора превращают царство божие в царство научного духа. Как у боженьки антипод — дьявол, так у поповского профессора — материалист... Даже там, где подлинная материалистическая наука завладела кафедрой, к ней в виде идеалистического остатка продолжает липнуть ненаучный религиозный вздор, подобно скорлупе, еще не отставшей от уже вылупившегося птенца...

■ ...В народной жизни, где дело идет о господах и слугах, о труде и прибылях, о правах и обязанностях, о законах, обычаях и порядках, попу и профессору-философу широко предоставлено слово и каждый из них имеет свой особый метод, для того чтобы... маскировать истину. Религия и философия... становятся теперь, когда господствующие заинтересованы в реакции, утонченными средствами политического надувательства.

■ Мы до глубины души презираем... речи об «идеальных богах» в устах дипломированных лакеев, которые сегодня так же дурачат народ поддельным идеализмом, как когда-то языческие попы морочили его первыми полученными тогда сведениями о природе.

■ Научная свобода, которая все вещи и все качества подчиняет благу человека, есть вполне антирелигиозная свобода. Религиозная истина в том именно и заключается, что она какое-либо естественное, мирское качество неестественно возвышает до небес, вырывает его из живого потока жизни и обрекает его на застой в этом религиозном болоте.

■ Тот, кто ограничивает назначение человека любовью к богу и служением ему, чтобы впоследствии достигнуть вечного блаженства, тот пусть, веруя, признает за авторитет унаследованные предписания своей морали и действует соответственно с этим. Для кого, напротив, целью является развитие, образование, земное благо человека, для того вопрос об основании этого владычества будет далеко не праздным. Только сознание индивидуальной свободы создает необходимое для осмысленного прогресса пренебрежение ко всякого рода чужим предписаниям, освобождает нас от стремления к иллюзорному идеалу, к лучшему миру вообще и снова возвращает нас к определенным практическим интересам нашего времени или индивидуальности.

■ Недавно христианство было названо религией раболепия. Это действительно самое удачное его обозначение. Раболепна, конечно, всякая религия, но христианская религия самая раболепная из раболепных. Возьмем наудачу какое-нибудь обычное христианское изречение. На моем пути стоит крест с надписью: «Сжалься, милосердный Иисусе! Святая Мария, молись за нас!» Т пред нами безмерное смирение христианства во всей его жалкой ничтожности. Ибо тот, кто таким образом возлагает все свои надежды на жалость, тот поистине жалкое создание... Мы, нерелигиозные демократы, имеем то преимущество, что мы ясно сознаем положение вещей...

■ Если считать, что религия состоит в вере в над- или внеземные материальные силы и существа, в вере в высших богов и духов, то демократия не имеет религии... На место религии демократия ставит гуманность...

■ Человек требует разумной последовательности в своей голове, для того чтобы иметь возможность провести разумную последовательность в жизнь. Мы, демократы и защитники Парижской Коммуны, также имеем эту потребность. Раболепные посредники и пустомели могли бы на этом основании приписать нам религию. Мы решительно отклоняем это слово... потому что не только внутренне, но и с внешней стороны, в поступках и в названии, мы не хотим иметь ничего общего с поповским делом...

ВЕЛИКИЙ ПИСАРЬ

«Бросьте вы возиться с богом и вечным человеком, не то про земную жизнь забудете. Вы же сами видите, что у нас здесь: бедность и нищета. Разве бог или вечный человек избавят нас от этого! Нет! Мы сами должны помочь себе и своим близким. Это наш святой долг, если мы хотим называться людьми. Понимаете! Поэтому надо изучать человека в его горе, иначе нельзя ему помочь».

Классик эстонской литературы Антон Таммсааре, чей столетний юбилей широко отмечен в этом году, так говорит о религии устами одного из своих героев. Писатель всю жизнь, весь свой огромный талант, неукротимую энергию посвятил борьбе за социальную справедливость, равенство людей труда, духовное раскрепощение человека. Духовенство, по мысли писателя, всегда защищало правящие классы и насильственно созданный ими строй, каким бы несправедливым этот строй ни был. А всему этому стараются придать вид святости: господь бог якобы приказал в своей великой милости блюсти существующий строй.

Все творчество Антона Таммсааре, от поэтических миниатюр и эссе до символических драм и необычных по широте романов, имеет непреходящую ценность, глубоко современно, пронизано любовью писателя к человеку труда, его духовному миру, верой в его счастливое будущее.

Редакция помещает слово об Антоне Таммсааре Л. Линд и отрывки из его впервые переведенных на русский язык публицистических работ — «О вере и ответственности» (1934 г.), «О вере и вероучении» (1917 г.).

В предвоенный первый год Советской власти в Эстонии я получила комсомольское задание — прочитать атеистическую лекцию в Таллинской мужской гимназии, которая существовала без малого три столетия. Мне было тогда 18 лет. Сложившихся убеждений и знаний у меня не было. Я подумала: «Ну скажу им: «Бога нет». А дальше? Что я скажу дальше?»

Актовый зал гимназии был битком набит учениками. Все пришли поглазеть на меня. И, разумеется, посмеяться. Не оскорбленное религиозное чувство было тому причиной. Просто ситуация не знала прецедента: комсомол прислал к парням девчонку, чтобы отрицать бога!

Гимназисты знают лучше всех, как провалить докладчика или вывести его из себя. Поэтому, читая свою лекцию, ждала свиста, но слышала гробовое молчание. А когда осмелилась поднять глаза от конспекта, то увидела напряженный, жадный интерес зала.

Что же я им говорила? Я излагала мысли, примеры, сравнения, взятые из романа Таммсааре «Правда и справедливость». И хотя в гуманитарной гимназии изучали мировую литературу, греческую и римскую классику и историю искусств, с глубиной художественного творчества Таммсааре, великого эстонского писателя, с его философски пытливой мыслью ученики сталкивались впервые.

Время идет, но, как и любой по-настоящему большой писатель, Таммсааре достоин того, чтобы новые поколения вновь открывали его для себя, вместе с ним задумывались о человеке, его силе и слабости, о его вере и неверии. Эпопея «Правда и справедливость» принадлежит к вершинам эстонской литературы. Она дает многоплановое и глубокое обобщение развития общественной жизни, начиная с третьей четверти прошлого века и кончая тридцатыми годами века нынешнего. Ее по праву ставят в один ряд с такими западноевропейскими семейными романами, как «Мужики» Реймонта, «Будденброки» Манна, «Сага о Форсайтах» Голсуорси.

Во Франции «Правда и справедливость» была опубликована в 1944 году. Писатель Жан Жионо, автор предисловия к этому изданию, заключил: «Так мощно о человеческой жизни нам никогда не говорили».

Однако правду жизни у Таммсааре составляет не только эта эпопея, но и другие его романы — «Хозяин усадьбы Кырбоя», «Я любил немку», «Новый Нечистый из Пекла», его блистательные пьесы «Юдифь» и «Королю холодно», а также обширное публицистическое наследие, значение которого для развития эстонской социальной и этической мысли необычайно велико.

Таммсааре не был ни в одной из европейских стран и тем не менее стал писателем европейского масштаба. Он много размышлял о творчестве, о призвании писателя, резко выступал против примитивизма в понимании литературы. «Жизнь с ее преходящими явлениями пройдет мимо, а искусство останется»,— говорил он.— «...Если спросить, когда литература может быть чуждой жизни, то мы ответим: тогда, когда она отстает от жизни, тянет назад или забегает вперед — одно из двух». Или: «Тем, кто считается с последующими поколениями, не особенно желательно подчеркивать текущие добродетели, потому что они весьма преходящие вещи. Сам человек куда важнее и интереснее желанных, присочиненных и раздутых его добродетелей».

В афоризмах Таммсааре можно найти меткую и горькую правду, но иронию очень редко. Даже по отношению к критикам он никогда не применял ядовитых стрел, но был мудр. Однако о чем бы ни говорил писатель, он обязательно приходил к любви — будь это любовь к земле, народу, жизни или к женщине. Разрешите мне и здесь процитировать его живое слово.

«...Всю жизнь боролся за правое дело: с неустанной любовью обрабатывал свой клочок земли. Сознание этого приносит самое большое утешение и удовлетворение, какое жизнь вообще может дать. Такого человека ждет блаженная смерть».

Таммсааре ничего не делал вопреки своим убеждениям. Так, однажды он отказался принять литературную премию, ибо считал, что сборник «Земля ветров» нашего крупного поэта Густава Суйтса более достоин награды. Никогда не придавал Таммсааре значения внешним почестям. Он не явился, например, на открытие своего памятника. А ведь такая честь редко выпадает на долю писателя при жизни.

В буржуазной Эстонии писатель, принадлежавший к авангарду европейской демократической литературы, даже не был членом Союза писателей. Когда господа из военной комиссии, выдавая молодому Таммсааре свидетельство об освобождении из армии, в графе «профессия» записали: «писарь» — он согласился: «Да, пописываю».

Пусть каждый сам для себя откроет этого замечательного эстонского писателя, найдет к нему свою дорогу.

Л. ЛИНД

О ВЕРЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Антон Ханзен-ТАММСААРЕ

Человеку постоянно нравилось верить и сваливать свои заботы на шею какому-нибудь богу, где бы этот бог ни находился: на небе, на земле или у самого человека в кармане. Как-то увереннее и надежнее живется, если у тебя в одежде спрятан огрызок дерева или осколок камня, в чье всемогущество можно верить. Поклонишься ему в нужный момент, прочтешь молитву, выскажешь свои просьбы и желания — и можешь спокойно ждать и надеяться.

Конечно, никогда нельзя быть уверенным, что бог небесный или земной выслушает просьбы человека из плоти и крови, но уже то хорошо, что можно молиться и высказывать свои желания, чтобы от сердца отлегло и можно было бы какое-то время надеяться. К тому же никто не мешает тебе снова просить, снова высказывать свои желания и страсти, снова надеяться. Лишь изредка людское терпение лопается. И тогда человек проклинает бога небесного и подвергает телесным наказаниям богов земных. Может даже уничтожить их и сотворить себе нового бога. Но затем все начинается сначала: человек обожает верить, поклоняться, молиться и надеяться.

Удивительно, конечно, но с человеческой культурой до сих пор дела обстояли так: рушится вера в небесных или земных богов — и вскоре вслед за этим рушится культура. Смешно даже! Думаешь: ну чем поможет деревянный или каменный божок, которого носишь на шее или таскаешь в кармане, а выходит, что в самом деле вроде бы помогает. И неважно даже, сам человек обращается с мольбою к богу или у него есть на этот предмет какая-нибудь машина, скажем, ветряной двигатель. Главное, чтобы бог, который в кармане, не остался без молитвы.

В последнее время народы Европы пытаются избавиться от этой древней обязанности поклоняться и молиться. И уже нашлись мудрецы, пророчески изрекающие, что культура приходит в упадок. Впрочем, Европа еще успеет вернуться к своим богам, так как отвергает их она всего-то сто лет. Во времена Французской революции жил человек, который первым сказал людям: нужно опираться только на разум, иначе — голову долой! Потому что зачем человеку голова, если он не хочет жить разумом. Верующий проживет и без головы. По крайней мере, на том свете.

Так продолжалось весь прошлый век. Только разум, только рассудок, только мысль, только расчет... Но человек нашел, что он не может так много мыслить, думать, рассчитывать. По крайней мере, не так много, как просить, желать, жаждать. Ведь на каждый ответ следует новый вопрос, и не один, а на каждый вопрос ответ приходит далеко не всегда. И это порождает неудовлетворенность.

Между прочим, разум утверждал, что все люди равны. Особенно уверены в этом американцы, которые и по сей день пытаются придерживаться этого принципа. Хотя гангстеры своей деятельностью должны бы доказать нечто совершенно противоположное. В Европе к равенству добавили еще и братство. С этим можно еще смириться, ибо вряд ли найдутся злейшие враги, нежели братья, и ни на кого европеец не точит зубы с такой страстью, как на другого европейца. Это и есть настоящая наша «желтая опасность». Причины? Все забыли о разуме. И каждый в слепой вере утверждает, что в будущем мир будет принадлежать только ему. Поскольку у одного великие предки, у другого великая порода, у третьего великая власть, у четвертого великая культура, у пятого великий народ и т. д. и т. п.

Итак, вера против веры. Но ведь мы слышали, что следует делать с теми, кто не хочет жить разумом: голову долой — и всего-то дел. Ибо на что человеку голова, если ему не нужен разум. И вот все верующие Европы ждут, что их обезглавят, и трясутся от страха. А когда человеку страшно, он, по большей части, поступает безрассудно. Безрассудно и то, что когда все боятся, что их обезглавят, то все страшно быстро обзаводятся машинами для убийства. Но ужас растет быстрее, чем количество машин для убийства, и роковой час уж недалек.

Ничего тут не попишешь, ибо человек любит веру больше разума, потому что он имеет дело с богом небесным и земным. Все европейские боги в наше время находятся на земле. На шее или в кармане их не носят. Это модно в Азии и в Африке. Новые боги Европы — это наши братья, и это доказывает, что даже братья не равны. Что уж тут говорить обо всех людях!

Человек поклонялся богу в небе или в своем кармане... так как человек

всегда хочет кому-то поклоняться, на кого-то надеяться, то он начал поклоняться себе и своему брату, надеяться на него, верить в него.

Смехотворно короток отрезок времени, в течение которого европеец пытался связать свою жизнь с разумом, совершенно сознательно отвечать за свои деяния, за последствия своих поступков. И вот он уже бежит от разума и от ответственности и пытается любой ценой взвалить эти недавно столь желанные вещи на чью-то шею. За это он готов поклоняться, молиться и верить!

Конечно, у каждой религии есть свои апостолы, у каждого бога — свои жрецы, которые-то и съедают самого жирного барашка. Но одни апостолы и жрецы не помогли бы, если бы у человека не возникла потребность в религии и вероучении, какими бы бессмысленными и глупыми они ни представлялись. Возьмем хотя бы наши собственные последние события. Сдается, будто половина населения впала в религиозное помешательство. Почему? Никто не может ответить. Даже те, кто болеют этой новой «испанкой». Да и невозможно ответить, если исходить из разумных понятий.

Но вера распространяется по стране, будто бы родился новый Христос или Мухаммед, который творит чудеса: исцеляет болящих, воскрешает мертвых, без всяких технических приспособлений летает по небу или ходит по воде. Правда, мне не доводилось еще слышать ни об одном чуде: больных лечат все еще врачи, мертвые так мертвыми и остаются, а для передвижения по воздуху и воде используется соответствующая техника.

Более того, среди приверженцев новой веры немало и тех, кому полагалось бы будить сомнение, пробуждать мысль, но они этого не делают, а только верят. В рядах зачинателей и сторонников немало корпорантских фуражек, а ведь такая фуражка сотни лет считалась эмблемой балтийских баронов.

Значит, мы не хотим больше сами вершить свои дела и нести за это ответственность?..

Давайте задумаемся над тем обстоятельством, что с новой верой шагают рука об руку все прихвостни и прихлебатели баронов, все наши бывшие поработители. Но мы все же веруем. И нам кажется естественным, что рабы и поработители — одной веры. А ведь не нужно обладать слишком острым нюхом, чтобы учуять запах падали — запах разлагающегося трупа нашего молодого государства. Странно, с каких пор мы возлюбили падаль в самих себе!

Но, как уже сказано, эти обстоятельства не заставляют нас задуматься, и мы бредем по грязи к новой вере, бредем рядом с нашими кровными врагами и обещаем «задать перцу» каждому мужчине и каждой женщине, которые не хотят идти с нами. И не помогают утверждения: возлюбленные братья, у нас ведь существует свобода вероисповедания, и поэтому каждый может иметь своего бога — на небе или в брючном кармане... И пусть каждый верит в него, делать нечего, потому что иначе...

И все же, тут нет ничего удивительного. Ведь верующие с незапамятных времен поступали по известному французскому рецепту: веруй в разум — иначе голову с плеч! Такую религиозную истину христиане культивировали две тысячи лет, отчего бы ей не разгораться с новой силой в каждом новом религиозном помешательстве.

Человек какое-то время пытался отказаться от веры, жить знанием, светом разума, наукой, но теперь он разочарован в них. «Образованный» мир сегодня нуждается в негритянской музыке, гороскопах, астрологах, хиромантах, ясновидцах, «прославленных» пророках или пошлых предсказателях и гадалках на картах. Ему нужно не научное, но таинственное!

И главное — больше не думать, не решать, не нести ответственность. Пусть это делают другие. Нам нужен покой, чтобы мы могли заниматься своими личными делами: торговать, веселиться, жрать, пить, сидеть в кинематографе, слушать граммофон, крутить радиоприемник. Не зря идет речь об американизме. А ведь американизм в том-то и состоит, что ни один «стоящий» человек не занимается общественными делами. Он занимается бизнесом. А общественные дела решаются хотя бы через посредство гангстеров. Мы даем лишь деньги, до остального нам нет дела. А что касается духа, пусть об этом заботятся женщины и дети. Вот каков подлинный американизм!

Именно женщины и дети помогают нам в последнее время культивировать общественное религиозное помешательство. Женщина обычно более чувствительна и восприимчива ко всяческим влияниям, чем мужчина. Поэтому она в новом религиозном движении играет примечательную роль. Особенно в количественном отношении. Последнее в наше время имеет особое значение: ведь мы привыкли считать голоса, а не взвешивать их...

Но причина не только в молодости. Вправе ли мы считать, что наша школа, церковь, организация, пресса, литература, наконец, все общество хорошо справляются с возложенными на них обязанностями? Они не могут, да и не пытаются, воспитать у молодежи непоколебимую веру в свои силы и волю к самостоятельности...

Будь что будет, но одно можно с уверенностью утверждать: если раньше религиозное помешательство пускало корни в самых темных сельских углах, то теперь оно захватило города. Чем больше город, тем сильнее помешательство....

...Некогда один мудрец заявил: «Верую, ибо это абсурдно». В наши дни один француз высказался: одно дело жить — другое думать... История учит нас, что человек на протяжении тысячелетий оставался прежним. Он попрежнему мало думает и бестолково верует.

Сейчас он, как видно, в Европе пылко верует в дубинку, как будто это новый и юный бог — чудотворец, который находится не в небе и не в брючном кармане, но носится в руке. В Лондоне существовал когда-то клуб грязных рубах, который по мере сил боролся против телесной чистоты. Почему же вся Европа не может в таком случае поклоняться дубинке. В Ирландии когда-то две партии враждовали из-за телячьей шкуры, в Индии десятки лет назад бунтовали из-за того, что одни входили в партию левой руки, другие — правой, теперь — из-за того, что одни пользуются в качестве тарелки одной стороной листа некоего дерева, другие — противоположной. Отчего же мы не можем лишиться разума из-за шапки или дубинки? Или мы не люди? Или мы не образованные? Все мы умеем читать и писать. И глухих среди нас мало. Так что нам легко вбить в голову любую чепуху.

В конце концов, если религия дубинки, значит религия дубинки. Что поделаешь, если человек иначе не избавится от своих забот и изнуряющего чувства ответственности. Одно лишь хочется пожелать — чтобы эта новая вера стоила нам как можно меньших потрясений и жертв.

Из статьи «О ВЕРЕ И ВЕРОУЧЕНИИ»

...Было бы неплохо именно на примере Библии показать детям, какое бесконечное число ошибок имеется и в самой великой книге. Еще лучше было бы показать, какая безмерная ошибка в том, что однажды сделанные ошибки на протяжении тысячелетий считаются священными. Дети должны узнать, как тяжело бороться против ошибок, если к ним прилеплена печать святости...

Нас учат, что язычники и их кесари преследовали христиан и их веру. Наша задача — разъяснить детям, что христиане за свою веру преследовали гораздо больше людей и пролили гораздо больше крови, чем любой язычник или языческий кесарь. Мы должны показать, что язычник вовсе не такой уж поганец *, как нас учили, и христианин вовсе не так милосерден, как хвалятся и по сей день не только в церкви, но и в школе. И не стоит сваливать всю вину на католиков и их папу, который все еще числится непогрешимым. Покажем детям, что любая вера признает себя единственно непогрешимой. Не будем скрывать, что в Испании католики только при пресловутом Торквемаде погубили не менее 100 000 людей, 8800 из которых были сожжены на костре...

Но при всем этом не забудьте сказать детям, что не только католики, не только американские язычники не имеют святого чувства, но и те самые протестанты, которых так кровопролитно преследовали католики, сами стремились при первой же возможности так же точно расквитаться с противниками...

Обо всем этом стоит рассказать детям в школе. И не надо думать, что за этим последует гонение на веру, слепая ненависть к религии. Если вы не можете научить ребенка ничему, кроме презрения и ненависти, значит бесполезно его учить. Обучая ненависти, вы только привьете ему новую веру, которая столь же ложна, сколь ложны ее предшественницы, которая порождает такие же преследования и ужасы, как те, что вершились и прежде во имя веры, господа и благодати.

Перевел с эстонского Б. ТУХ

* В оригинале игра слов: «пал» по-эстонски и «язычник» и «поганый».

ПЯТЬ ЛЕТ В СТРОЮ

Д. ЕРМАКОВА

Болгарская коммунистическая партия постоянно уделяет внимание вопросам атеистического воспитания трудящихся. Важнейшую роль в этом деле играет печать. Центральные и местные газеты НРБ периодически публикуют материалы на атеистические темы. Кроме того, здесь вот уже пять лет выходит журнал «Атеистична трибуна» — орган Национального Совета и Софийского городского комитета Отечественного фронта *.

Его передовая статья «Наши обязательства» (1976, № 3) рассматривает задачи атеистической пропаганды в свете решений XI съезда БКП (март—апрель 1976 г.) и Отчетного доклада на съезде Первого секретаря ЦК БКП тов. Тодора Живкова. И хотя «отступающая, агонизирующая и умирающая религия — и как идеология, и как институт, — говорится в статье, — пытается противодействовать объективному ходу истории, сохранить свои позиции и даже по возможности вернуть свое прежнее положение в общественной жизни людей», однако торжество идей марксизма-ленинизма все более ведет к преодолению и отмиранию религии, атеизации молодежи и трудящихся и этот процесс «стал основным, главным, наиболее характерным для нашего времени».

Процесс этот, продолжает статья, неразрывно связан и с изменениями жизненных условий, быта людей современного социалистического общества, их образа жизни, который принципиально отличен от образа жизни в капиталистических странах. Как отмечал в своем докладе Т. Живков, социалистический образ жизни «несравненно богаче и гуманнее», ему свойствен «социальный оптимизм, вера в будущее, уверенность в завтрашнем дне», и поэтому он формирует новое сознание и поведение, мировоззрение и мораль людей, которым чужды мистика и суеверие.

Конечно, говорится в статье, не могут сразу и навсегда исчезнуть старый патриархальный быт, а вместе с ним влияние церкви, ее ритуалов и традиций. Их постепенное преодоление и изживание требуют большой настойчивости и умения в пропагандистской работе.

Особенно важна такая работа среди молодежи. В статье отмечаются ее недостатки. Указывается, например, что в высших учебных заведениях не всегда еще на должном уровне ведется преподавание мировоззренческих дисциплин. Часто девушки и юноши безразлично относятся к проблемам атеизма и, получив высшее образование, не становятся активными атеистами. Важное средство воспитания молодого человека, подчеркивает статья, — его вовлечение в общественно полезный труд.

Огромную роль в становлении личности играет «идейно-воспитательная работа, основанная на научном познании современных проблем нашего общественного развития». Это означает, подчеркивается в статье, что борьба против религии будет эффективнее, если актуальные проблемы социалистического строительства и международного положения при этом будут осмысливаться сквозь призму научного материализма, органической составной частью которого является марксистский атеизм. В статье Велнко Карачивиева «БКП — руководящая сила в атеистической деятельности» (1976, № 4) подчеркивается, что работа партии по атеистическому воспитанию трудящихся в условиях социализма ведет к «дальнейшему ускорению процесса окончательного преодоления религии в сознании трудящихся».

Журнал публикует и другие материалы, раскрывающие атеистическую работу партии в самые различные периоды ее истории. Так, в январском номере за 1977 год помещена статья «Атеистическая деятельность партии в период вооруженной антифашистской борьбы». В другой статье того же номера — «Итоги атеистической деятельности» — сообщается о республиканском совещании по социалистическому быту и культуре. Оно проходило под руководством представителя ЦК БКП Невены Гецковской и при участии представителей других общественных организаций, комитетов и институтов.

60-летию Октябрьской революции «Атеистична трибуна» посвятила большую статью своего главного редактора профессора Николая Мизова «Октябрь, религия и атеизм» (1977, № 2). Крепко переплелись исторические корни русского и болгарского народов, огромно влияние Октябрьской революции на нашу судьбу, пишет автор. Национальное развитие Болгарии «естественно и неизбежно связано с развитием Страны Советов и немыслимо вне ее, а тем более против нее». Это не означает, конечно, что социальное развитие Болгарии повторяет путь, пройденный СССР. «Болгарская коммунистическая партия всегда находилась в состоянии поиска и творчески решала назревшие проблемы социального развития, умело сочетая национальное с интернациональным».

В статье отмечается, что Октябрьская революция не только вызвала во всем мире глубочайшие социальные сдвиги, но и имела громкий атеистический резонанс в Болгарии особенно в силу исторической близости наших народов. В результате победы Великой Октябрьской социалистической революции Советский Союз стал первой в мире страной массового атеизма, пишет профессор Н. Мизов: «В этом смысле Октябрьскую революцию можно и нужно квалифицировать как своеобразный апогей атеистической мысли». Автор подчеркивает, что массовый отход советских людей от религии — не единовременный акт, а длительный процесс. И начало ему положил комплекс мероприятий экономического, политического и культурного характера, осуществленных Коммунистической партией и Советским государством.

После победы социалистической революции в Болгарии (сентябрь 1944 г.), отмечает Н. Мизов, Советский Союз оказал ей всестороннюю помощь, в том числе и в теоретической подготовке пропагандистов атеизма. «Первыми атеистическими произведениями у нас, — пишет он, — стали переводы статей, брошюр и книг известных советских религиоведов». Марксистско-ленинское учение о религии и атеизме в Болгарии и поныне продолжает развиваться под благотворным влиянием советского научного атеизма. «Именно дружба болгарских атеистов (теоретиков и практиков) с советскими атеистами — одна из главных движущих сил развития атеизма в нашей стране», — заключает автор.

Огромную работу по атеистическому воспитанию человека социалистического общества ведут общественные организации НРБ, в том числе профсоюзы. Вкладу их в осуществление этой задачи посвящена, например, статья Асена Младенова «Профессиональные союзы и атеистическое воспитание» (1977, № 3). «Неисчислимы и разнообразны формы, средства и направления профсоюзной идеологической работы, — отмечает автор, — которая все более активно ведется против религиозных пережитков, традиций и нравов в труде и быту болгар».

Атеистическую пропаганду ведут и организации Отечественного фронта. Интересны в этом отношении создаваемые в Болгарии группы обучения для людей, еще в той или иной степени находящихся в плену религиозных заблуждений. Петко Петков в заметке «Активная деятельность» (1977, № 5) пишет: «Работа в группах ведется в трех направлениях: пропаганда социалистического образа жизни, новых праздников и обрядов, разъяснение вреда, причиняемого суевериями». Наиболее успешно такие группы функционируют в Варне, Белославе, Суворове, Аксенове и других городах. Слушателям показывают фильмы, проводятся собрания, беседы в форме вопросов и ответов, организуются выставки, перед группами выступают квалифицированные лекторы, артисты.

О вкладе окружных комитетов Отечественного фронта в атеистическое воспитание трудящихся говорится также в статье А. Скендерова «Преодоление религиозных пережитков в Шуменском округе» (1977, № 6). «Благодаря многосторонней деятельности общественных организаций среди населения, — пишет автор, — в наши дни постоянно уменьшается число людей, которые соблюдают требования и догмы церкви».

Значительное внимание уделяет журнал и методике атеистической работы в школе, ее роли в окончательном преодолении влияния религии на подрастающее поколение, а также популяризации научных знаний как фактора, расширяющего общий кругозор и понимание явлений природы.

В статье «Подрастающее поколение — убежденные и воинствующие атеисты» (1976, № 5), в частности, рассказывается об эксперименте, проведенном в 37 гимназиях, где одиннадцатиклассникам было задано сочинение на тему «Верите ли вы в загробную жизнь?». Анализ этих ра-

* Предыдущие обзоры этого журнала см. в «Науке и религии» — 1975, № 9; 1976, № 10.

бот показал, что учащиеся стремились к научному «осмыслению приобретенных в школе по отдельным предметам знаний. Обнаружили начитанность, критичность, понимание, даже попытку интерпретации основных факторов и явлений науки, природы и общества». Это говорит о том, что современный образ жизни, все более глубокое проникновение науки в природу, рост образовательного и культурного уровня молодежи ведут к осознанному, научному подходу к религии и ее обрядам.

В семье ребенок получает свои первые понятия о жизненных явлениях, именно здесь формируются его первые представления о присущих человеку социалистического общества качествах, в том числе и атеистические взгляды. Эти проблемы, в частности, рассматриваются в статьях «Атеистическое воспитание в молодых семьях» (1977, № 1), «Семейный быт и атеистическое воспитание детей» (1977, № 2).

Важную роль в атеистическом воспитании молодежи, рассказывает журнал, играют созданные во многих городах Болгарии клубы молодых атеистов. В Софии, например, их 153, а только в одном Старозагорском округе — 52. Эти клубы активно помогают комсомольским организациям и пионерским дружинам. «Они утвердились как центры, в которых сосредоточилась вся внеклассная работа по атеистическому воспитанию учащихся», — пишет Мария Павлова в статье «Клубы молодых атеистов в столице» (1977, № 1). В Софии же в 1975 году впервые возник клуб молодой семьи, в деятельности которого атеистическая пропаганда также занимает видное место.

«Издавна, — пишет Лазаринка Добринова, — болгары не отличались глубокой набожностью, но религия все еще накладывает отпечаток на быт и на ритуалы». Немало статей в «Атеистичной трибуне» посвящено бытовым и праздничным ритуалам. В них дается не только научный анализ старых церковных традиций, прослеживаются их исторические корни, но и рассказывается о возникновении новых гражданских обрядов, связанных с социалистическим бытом; рассматриваются такие проблемы, как старое и новое в праздниках и ритуалах, новые сельские и городские праздники, социологические аспекты семейной празднично-ритуальной системы и т. д.

Так, в статье «С умом и сердцем» (1976, № 6) сообщается об опыте популяризации новых праздников и обрядов в г. Брезник. Здесь социалистические ритуалы и праздники стали теперь обычным явлением. Бракосочетание, имянаречение, торжества по случаю новоселья, вручение первого паспорта, золотые свадьбы — вот далеко не полный перечень новых традиций, получивших ныне широкое распространение в городах и селах Болгарии.

Заметное место на страницах «Атеистичной трибуны» отводится также обмену опытом работы среди верующих, исповедующих ислам. «Отставание общественного сознания... от социалистического общественного бытия, — говорится в одной из статей на эту тему, — пока еще весьма заметно среди верующих из числа болгарских турок» (1977, № 5).

Учитывая высокие требования, предъявляемые к лекции, журнал помещает материалы, авторы которых делятся опытом лекционной работы с верующими («Подготовка научно-атеистической лекции», 1977, № 1 и др.). Регулярно публикуются сообщения и заметки о результативности работы в том или ином округе, об активных пропагандистах, опыт которых может оказаться полезным для других (1977, № 5; 1977, № 6), о деятельности народных читален — самых массовых трибун атеизма в Болгарии, об опыте индивидуальной работы с верующими (1977, № 2, № 6).

В ряде материалов рассказывается об опыте использования научных и технических знаний в пропаганде научно-материалистического, в том числе атеистического, мировоззрения. Гуманитарные и технические науки рассматриваются в них через призму критики религии и задач атеистического воспитания.

В век научно-технической революции журнал стремится раскрыть несостоятельность верований и устаревших представлений о явлениях природы. «Наука — непобедимая сила в борьбе против различных религиозных учений, которые сводят все к бессилию человека и всевластию бога, — подчеркивают Лилия Димитрова и Златка Мирчева в статье «Религиозное и научное объяснение некоторых физических и химических явлений» (1977, № 6), показывая, как наука опровергала самые распространенные религиозные представления.

Традицией стала публикация в журнале авторов из социалистических стран. В 1977 году, в частности, перепечатана из «Науки и религии» статья советского философа Б. Ерасова «Поиски и тупики религиозной интеграции», опубликована статья директора Института научного атеизма Чешской Академии наук профессора Иржи Лоукотки «К вопросу о так называемых культурно-оформительских функциях религии».

Под рубрикой «Страницы жизни» помещаются небольшие рассказы о судьбах бывших верующих и священнослужителей, отошедших от религии. Как известно, эмоциональное воздействие, оказываемое такими материалами на мировоззрение и психику верующих, их настроение и поступки, трудно переоценить. Рубрика «Атеизм классиков» знакомит читателя с отрывками из романов, повестей и рассказов известных писателей — таких, например, как Джек Лондон («Великий кудесник»), А. И. Куприн («Анафема»), Э.-Л. Войнич («Овод»), Ромен Роллан («Кола Брюньон») и другие.

Глубокие философские мысли болгарских общественных деятелей прошлого, раскрывающие атеистическую сущность их мировоззрения, стали ценнейшим вкладом в развитие научного атеизма в Болгарии. Под рубрикой «Известные мыслители против религии» журнал публикует статьи, посвященные Димитру Благоеву, Георгию Раковскому, Захарию Стоянову, Петко Славейкову и другим выдающимся умам Болгарии. А под рубрикой «Народная мудрость» печатаются пословицы и поговорки разных народов. Почти каждый номер завершается страничкой атеистического словаря, разъясняющего различные понятия и термины.

Как видим, наш собрат «Атеистична трибуна» силой печатного слова вносит свой вклад в благородное дело освобождения человеческого сознания от оков религиозных предрассудков, унаследованных от прошлого.

ПРОБЛЕМЫ НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Прошлой весной в Софии состоялось международное совещание экспертов ЮНЕСКО, проходившее под девизом «Нравственное воспитание — подготовка молодежи к требованиям жизни современного мира». В совещании участвовали специалисты из 20 стран Европы, Азии, Африки и Латинской Америки, а также представители ряда международных организаций. Эта встреча — часть обширной программы работы ЮНЕСКО в области нравственного воспитания.

В центре внимания участников встречи стояли цели нравственного воспитания; факторы, определяющие его характер и возможности; роль различных систем образования в этом деле. По такой важной проблеме, как цели нравственного воспитания, например, совещание в принципе поддержало принятые XVIII Генеральной конференцией ЮНЕСКО (1974 г.) рекомендации по вопросам образования в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и мира.

Поскольку в различных государствах существуют разные системы ценностей, отражающие социальные и культурные различия, существующие между ними, и каждое общество стремится воспитывать молодое поколение в духе своей собственной системы ценностей, участники встречи выдвинули задачу формулировки глобальных ценностей, которые бы касались всего человечества в целом и могли бы служить основой для международного сотрудничества в области нравственного воспитания.

Ценности, которые следует сформулировать как цели нравственного воспитания, пропагандируемые ЮНЕСКО, сказал, в частности, в своем выступлении советский философ Д. Ермоленко, должны быть достаточно общими, чтобы их приняли все страны, и в то же время достаточно конкретными, с тем чтобы их содержание не менялось в зависимости от их интерпретации в различных государствах. Такими в первую очередь являются ценности, связанные с борьбой за мир и разоружение, с уважением человеческого достоинства, различных культур и понятий. Воспитание людей всего мира в духе этих ценностей будет способствовать оздоровлению атмосферы сотрудничества между отдельными странами, преодолению предубеждений и предрассудков, развитию процесса мирного сосуществования.

Участники встречи в Софии обменялись мнениями относительно воздействия на формирование нравственных ценностей и личности в целом таких общих для всех стран факторов, как урбанизация и индустриализация, роль семьи, усиливающееся влияние средств массовой информации. Большой интерес вызвал обмен опытом нравственного воспитания в школе.

Совещание показало, что, несмотря на различный подход к нравственному воспитанию в отдельных странах, в его проблематике существует много общего, позволяющего государствам — членам ЮНЕСКО — успешно сотрудничать в рамках этой организации.

София-Пресс

Л. БОРИСОГЛЕБСКИЙ

"божьи дети"— кто они?

Перед нами — представители тех молодых американцев, кто, разуверившись в традиционных буржуазных ценностях, становится легкой добычей «божьих детей» и иных ловцов душ, выступающих на Западе под флагом «новых» религий. Одни из этих молодых людей впадают в кликушеский экстаз, другие — балдеют, воображая, будто на них снизошла благодать.

Среди множества действующих на Западе различных, порой весьма экзотических, культов и сект за последние годы появилось и стало довольно быстро распространяться новое движение — так называемые «Божьи дети». Оно возникло лет 10 назад в США на волне растущего недовольства молодежи грязной войной в Индокитае, расовой дискриминацией, «обществом потребления», где деньги — все, а люди — ничто, и другими столь же уродливыми сторонами капиталистического образа жизни.

Основателем и «пророком» новой секты стал некто «Моисей» (по-английски Мозес), в миру Дэвид Брандт Берг. Сын бродячего проповедника, каких немало в Америке, он, подражая отцу, стал колесить по стране с проповедями, адресованными «потерянному поколению», и преуспел, так как у него вскоре нашлись богатые покровители, снабдившие его средствами для размножения так называемых «посланий Моисея». Для отвода глаз новоявленный «пророк» осуждал в них капитализм и государственные школы, а своих последователей именовал «божьими детьми». О содержании этих посланий говорит, например, тот факт, что «Моисей» призывал девушек стать «счастливыми проститутками Иисуса». Он создавал колонии из этих «детей», заставлял их заниматься нищенством — собирать в жестяные копилки средства для «христианского фонда поддержки молодежи, сбившейся с пути истинного». В стране возникло свыше сотни таких «божьих колоний».

Несколько лет назад, когда появилась комета Когоутека, некоторые американские секты стали кликушествовать: наступают, мол, последние времена, близится судный день. «Пророк Моисей» интерпретировал явление кометы по-своему — он возвестил о предстоящем крушении только одного, Западного, полушария и под этим предлогом начал перебрасывать свои «бригады» международного бродяжничества в Европу, создавать и там колонии «божьих детей» (только в ФРГ их теперь свыше 60).

За вывеской «божьих детей» несомненно скрывается мощная космополитическая корпорация, зарабатывающая миллионы на эксплуатации молодежи. Собранные «божьими детьми» за день подаяния сдаются наставнику, который переводит их на известный только ему банковский счет. Каждый день ручейки из «колоний», разбросанных в десятках западных государств, сливаются в мощный поток. По свидетельству журнала «Штерн», только из ФРГ в фонд секты ежегодно поступает 10 миллионов марок.

Как сообщает американский журнал «Тайм», сам «Моисей» — фигура весьма таинственная, местопребывание его установить трудно, давать интервью он отказывается. Западным журналистам знакома только горстка его «апостолов». «Если верить притязаниям неуловимого Моисея, — пишет этот журнал, — его секта в самом деле процветает. Он утверждает, что имеет 8 тысяч миссионеров в 80 странах и 2 миллиона приверженцев». «Это наиболее взрывчатый рост нового религиозного движения в истории!» — хвастливо заявляет «Моисей». По данным западногерманского журнала «Штерн» и испанского — «Интервью», этот 58-летний «призрак» проживал до недавнего времени на Канарских островах, каждую ночь появлялся вместе с гаремом своих девушек в баре «Лос Капричос» фешенебельного испанского курорта Пуэрто-де-ла-Крус и сорил там деньгами направо и налево.

Что касается ореола таинственности, которым в последнее время он себя окружает, то это объяснить нетрудно. Дело в том, что подозрительная деятельность «Моисея» начала привлекать внимание прессы. Да и родители совращенных им «божьих детей» создали организацию для борьбы с этим культом. Оснований для таких тревог более чем достаточно. В прошлом году, например, в средневековом замке в Бельгии был найден труп одного из «апостолов Моисея». При столь же загадочных обстоятельствах погиб в 1973 году в Швейцарии сын «пророка» Пол-Дэвид. «Штерн» сообщает о многочисленных случаях бесследного исчезновения молодых людей в ФРГ, в частности 22-летних сестер-близнецов Марии и Корнелии Корте. Обе они 14 августа 1975 года не вернулись с работы, и с тех пор о них ничего не известно. Не вернулась из отпуска и 23-летняя воспитательница детского сада Ингрид Ортман. Бесследно исчезла в январе 1977 года медицинская сестра Сабина Нусбаум. Этот перечень можно было бы продолжить, и все происшествия связываются с «божьими детьми».

Изредка некоторые родители получают открытки со стандартной фразой: «Стал божьим ребенком. Никогда не был так счастлив». Возвращаются из «божьих колоний» немногие. Повидавшие таких беглецов репортеры «Штерна» пишут, что эти молодые люди стали жертвами вербовщиков «пророка», которые обещали им полное избавление от всех тревог и забот, гнетущих современную западную молодежь. «Первые восемь дней мне вообще не разрешалось покидать колонию, — рассказывала 24-летняя Инга Мамай из Кёльна. — И все время со мной были наставники. Они беспрерывно твердили мне о том, как меня любит Иисус и как счастлива я буду, если последую их правилам. Я должна была до изнеможения распевать псалмы Давида. Если я засыпала, меня будили». Другой беглец, Петер Хёфт, поведал: «Я не мог без цензуры писать моим родителям. Все телефонные разговоры прослушивались и записывались. Не разрешалось читать газеты, смотреть без разрешения наставника телевизор. Вскоре я уже не знал, что происходит на свете. Через несколько дней меня обработали так, что я, как одержимый, только и думал что об Иисусе».

Был, видимо, момент, когда неуловимый «пророк», напуганный таким «вниманием», решил на время прекратить свою деятельность и распространил послание «Бог вас благословит, прощайте!». В нем Моисей признавался, что он — «ложный пророк», который выдавал собственные мысли за «божественное откровение» и «вел вас, используя вашу веру в Иисуса». В заключение Берг уверял, что отныне его движению «навеки пришел конец». Однако межнациональная организация, руководящая «пророком» и зарабатывающая миллионы на эксплуатации одураченных им молодых людей, не захотела расставаться со столь выгодным бизнесом. В редакцию журнала «Тайм» поступило записанное на магнитофонную ленту послание «истинного Моисея», объявлявшее сообщение о его уходе «мошенническим и лживым подлогом».

Ленту доставила 23-летняя Барбара Каневаро по прозвищу «царица Рахиль», уполномоченная «пророком» представлять его интересы и назначенная его преемницей. Эта высокая, внешне обаятельная особа вступила в секту с момента ее основания, когда ей было 13 лет. «Царица» отрицает свое сожительство с «пророком», но есть сведения, что в свое время она сошлась с одним из его «апостолов» по прозвищу Самсон и в 16 лет родила ему сына. В 1973 году она вышла замуж за другого «апостола» — итальянца Эмануэля Каневаро, в миру герцога Дзоальи-и-Кастельвари.

Этот «апостол» предоставил «божьим детям» свое родовое поместье в Поджосекко, близ Флоренции. Года два назад итальянская полиция нагрянула в эту штаб-квартиру секты, но ей не удалось обнаружить никаких доказательств ее противозаконной деятельности. По существу же это имение превращено в своеобразную школу, где «божьи дети» обучаются искусству обольщения. Такое предположение подтверждается «посланиями Моисея», в которых обосновывается со ссылкой на Библию древняя практика религиозной проституции.

«Все девушки, — пишет «Штерн», — как только они проходят ступень «нищенок во славу Христа», переводятся в разряд «божьих рабынь любви». Ведь универсальная муштра секты заставила их «ради Христа» голодать, мерзнуть и попрошайничать. А от этого уже недалеко и до панели».

Подобные откровения не нуждаются в комментариях. Они лишь дополняют многочисленные свидетельства, подтверждающие характер секты «божьих детей». Ее заправилы при попустительстве властей физически и морально растлевают молодежь, а по сути — стремятся отвлечь ее от мыслей и дел, направленных против устоев капиталистического общества. Перед нами еще один наглядный пример использования религии для отвлечения людей от реальной действительности.

СДЕЛАНО В АМЕРИКЕ — ПРОДАЕТСЯ В ЕВРОПЕ

И. ЗАДОРОЖНЮК,
кандидат философских наук

Как известно, в наши дни религия переживает глубокий кризис, представляющий собой одно из многочисленных проявлений дальнейшего обострения общего кризиса капитализма. «Вследствие неудовлетворительности — а часто и полного отсутствия — ответов со стороны руководителей церкви на жизненно важные вопросы, — пишет член Правления Германской коммунистической партии Р. Штайгервальд, — все больше верующих ищет ответы в других сферах и все чаще находит их у социалистов... В широких слоях трудящихся-христиан укрепляется сознание возможности и необходимости борьбы против империализма»[1].

На этом кризисе традиционных верований на Западе пытаются нажить моральный капитал всевозможные «новые» формы религиозности с их экзотической практикой, заимствованной обычно из восточных культов. По мнению западной прессы, увлечение этими экзотическими религиями — такая же своеобразная форма ухода части молодежи от современной капиталистической действительности, как, скажем, хиппизм и политический экстремизм в студенческом движении.

В своей книге «Революция Иисуса. Сделано в США» французский социолог Жан Дюшез, например, характеризует молодежное «Движение Иисуса» как типичный продукт духовно убогого американского буржуазного общества. Причем это явление ныне уже наблюдается не только в США, но и в Западной Европе. Зародившись лет 10 назад среди калифорнийских хиппи в виде разномастных течений, вроде «Божьих детей», «Христианской волны», «Людей Иисуса», «Христиан улицы», «Юродивых во Христе», это движение в дальнейшем охватило около полумиллиона молодых американцев, а в 70-х годах основало свои центры в ФРГ, Франции, Швейцарии и даже в Австралии, Пакистане, Непале.

Пропаганде «новых» культов усердно способствовали падкие на сенсации средства массовой информации. Спрашивается, кто бы знал о 18-летнем «боге богов» Махарае Джи, если бы «наиболее значительное событие в истории человечества—«Тысячелетие-73» с его участием, состоявшееся на футбольном стадионе, не было разрекламировано американским телевидением и прессой как важная сенсация года? Кому были бы интересны обветшалые взгляды полутора десятков «дарителей нирваны», если бы книжная индустрия в погоне за прибылью не распространяла их одиозные наставления?

Касаясь положения религии в США, К. Маркс писал, что в этой стране «религиозное сознание блаженствует, утопая в богатстве религиозных противоположностей и религиозного многообразия»[2]. Пройдя инкубационный период за океаном, экзотические коктейли из восточных и западных культов ныне заполняют вакуум, образовавшийся в сознании некоторых молодых людей, разочарованных в традиционных буржуазно-религиозных ценностях, и в странах Западной Европы.

В реальной действительности все эти новоявленные «мессии», «гуру» (наставники), несмотря на их кажущуюся необычность и экзотичность, представляют собой, отмечал гамбургский еженедельник «Шпигель», «естественный продукт общества, находящегося в плену веры и еще в большей степени — суеверий». По мнению западногерманских социологов, эти шарлатаны достигли не столь уж малого — под их влиянием находится около 5 процентов молодежи ФРГ, то есть сотни тысяч юношей и девушек. Вот лишь некоторые из псевдовосточных сект, официально зарегистрированных в Федеративной Республике.

«Интернациональное общество духа Кришны», или блаженные кришнаисты. Их можно встретить также в Сиднее и Сан-Франциско, Стокгольме и Индии. Основатель секты 80-летний «истинный гуру и отец» Свами Бхактиведанта до 1922 года был торговцем в Бенгалии. Затем, «посвятив себя богу Кришне» (в индуистском пантеоне — человеческое воплощение бога Вишну), — что, как он уверяет, произошло во время «медитации» на берегах Ганга, — Свами начал проповедовать «новое» учение. Однако в Индии он не достиг особого успеха. Поэтому в 1965 году «гуру» и вступил с 7 долларами в кармане на более подходящий для него заокеанский берег. Сидя в позе лотоса на улицах Нью-Йорка, он распевал блаженные мантры, в которых сулил уверовавшим в него «вечную нирвану».

Перспектива ухода от этого «полного зла мира» привлекла к нему людей, и вскоре вера «семидолларового гуру» пересекла океан, ее центры появились в Гамбурге и Франкфурте-на-Майне. Главой западногерманских кришнаистов стал некий Гапсудатта Дас Адхикари. Экзотические бритоголовые сектанты, устраивающие восточные песнопения, живут на пожертвования. Только в ФРГ эта «скромная сумма» достигает 200 тысяч марок в месяц. Кроме того, они рассылают вместе со всякого рода духовными наставлениями письма с просьбой еще пожертвовать на «голодающих детей Индии».

Прокурор Франкфурта-на-Майне Шомберг, выдвинувший под давлением общественности обвинение против 14 западногерманских наставников из «общества духа Кришны», заявил, что они идут на любые психологические уловки, лишь бы выманить деньги у доверчивой молодежи. По его утверждению, из 2 миллионов 400 тысяч марок, собранных сектантами за 8 месяцев 1974 года лишь 15 тысяч были посланы в помощь голодающим Индии. Остальные деньги были положены в банки, а на проценты от этих вкладов покупались машины для проповедников, печаталась пропагандистская литература, преподносились дорогие подарки «гуру».

[1] «Зарубежные марксисты о религии и церкви». М., 1975, стр. 37.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 397.

В ФРГ также насчитывается более 6 тысяч членов «Ассоциации святого духа за унификацию мирового христианства», основанной в 1954 году южнокорейским бизнесменом Сан Мён Муном [3]. Его лозунг «Бог — за демократию, Сатана — за коммунизм» оказался созвучен лозунгу «Свобода — или социализм» западногерманских политических клерикалов из оппозиционных правительству партий ХДС и ХСС. Уличные «пророки» Муна разбрасывают листовки, в которых библейские цитаты перемешаны с призывами к объединению Германии силой, а суеверия — с реакционными политическими лозунгами. Особое внимание мунисты уделяют студенческой и рабочей молодежи — с целью изгнания из нее «марксистского дьявола». Но как раз в этой среде их не очень-то жалуют.

Распространению этой секты в ФРГ способствовал священник Пауль Вернер. Он встретил Муна в Калифорнии, когда обучался там торговле недвижимостью. Новообращенный был послан «вторым мессией» для проповеди в Европу с титулом «преподобный». С его возвращением из США Западная Германия превратилась в своеобразный опорный пункт Муна в Европе. Вернер покрыл страну сетью своих тренировочных молодежных лагерей (их сейчас 25). В них новых последователей учения заставляют с половины шестого утра до часу ночи читать молитвы, играть в волейбол и бесплатно трудиться на своего «пророка»-бизнесмена. Кроме того, действуя от имени своего патрона, Вернер приобрел несколько типографий, выпускающих миллионы листков с призывами «бороться с коммунизмом при помощи бога и женьшеня», бойкую торговлю которым мунисты, кстати, развернули в Мюнхене и Франкфурте-на-Майне.

Еще одной американской новомодной сектой, распустившей свои щупальца среди западногерманской молодежи, являются так называемые «Божьи дети» — течение, основанное в конце 60-х годов неким Дэвидом Брандтом Бергом, объявившим себя преемником библейского Моисея и принявшим его имя [4]. Ныне его «империя» имеет около 700 общин примерно в 80 странах. У «Божьих детей» есть собственный компьютерный центр в Париже, подсчитывающий доходы и расходы этого «концерна по спасению душ», а десятки переводчиков переводят на 28 языков так называемые «МО-листовки», содержащие не только благочестивую болтовню, но и прямо пропагандирующие эротику, смешанную с мистикой.

Секта «сайентологов» (от английского «сайенс» — наука) также утвердилась в ФРГ, основав свой центр в Мюнхене. По данным газеты «Нью-Йорк таймс», их миссии (всего их около сотни) имеются в 19 западных странах, а число приверженцев достигает нескольких миллионов. Прикрываясь псевдонаучной фразеологией, основатель секты — бывший морской офицер и писатель-фантаст Р. Хаббард осуществляет цель, поставленную им еще в 1949 году: «Если человек действительно хочет сделать миллион долларов, то наилучшим образом это можно начать, основав свою собственную религию». Основанная им в США «сайентологическая церковь» в конце 60-х годов перенесла центр своей деятельности в Европу. Ее вероучение, сочетающее псевдонаучный фетишизм с элементами индуизма и буддизма, нашло много приверженцев среди молодежи, разочаровавшейся в традиционных буржуазных ценностях.

На супермаркете псевдовосточных культов в Западной Европе предлагает свой товар и индуистская секта «Трансцендентальной (то есть «потусторонней») медитации», возглавляемая 66-летним Махараши Махеш Йогой. Этот «гуру» берется изменить духовный облик современного общества при помощи быстро достигаемой (век-то космический) нирваны. Главная резиденция его секты, наиболее распространенной опятьтаки в США, находится в Гималаях, а сам «гуру» на сверхзвуковых лайнерах гастролирует по всему западному миру, организуя и укрепляя там свои филиалы (сейчас они созданы уже в 90 странах). Главный из них в Европе обосновался в той же ФРГ — в Дюссельдорфе. Всего предприимчивому Махраши и его «ученикам» удалось вовлечь в свое движение более 800 тысяч молодых людей, из них 600 тысяч в США и 60 тысяч в ФРГ. А ведь вступительный взнос весьма внушителен: 125 долларов!

Еще одним кумиром юношей и девушек, разуверившихся в религии отцов, стал юный Махарай Джи, возглавляющий так называемую «Миссию божественного света», ныне обосновавшуюся в нескольких десятках западных и развивающихся стран. Члены секты живут в больших квартирах-ашрамах (буквально — убежищах) и обязаны весь заработок пересылать на банковский счет своего «гуру», который таким образом давно уже стал миллионером. Больше всего ашрамов в США — 54, на втором месте ФРГ — 20.

Несмотря на внешнюю разнородность верований и культовой практики, у бритоголовых кришнаитов и длинноволосых «божьих детей», агрессивных мунистов и смиренных последователей Махарая Джи, наукообразных сайентологов и деловых трансцендентальных медитационистов очень много общего. Все эти секты возглавляются предприимчивыми авантюристами и дельцами, спекулирующими на тяге к таинственному, мистическому и на разочаровании современной молодежи в традиционных буржуазных ценностях, включая религию и церковь. Все эти «гуру» и «пророки» постигли рецепты успеха в современном западном «обществе потребления» и бойко продают свой товар — подновленные древние суеверия. Что касается шумно рекламируемого ими неприятия этого общества, то оно носит чисто показной характер, так как рассчитано на уловление душ.

Впрочем, лидеры молодежного сектантства используют в своих целях и такие элементы традиционного монашества, как изменение имени и проповедь богоизбранности. Их во многом традиционная культовая практика дополняется системой тотальной слежки за рядовыми приверженцами, просматриванием их писем и подслушиванием телефонных разговоров, умелым выколачиванием пожертвований у состоятельных родителей новообращенных и жестокой эксплуатацией неимущих сектантов, строгой регламентацией личной жизни — с одной стороны, использованием секса для привлечения новых членов — с другой, наконец, прямой спекуляцией на мнимых «таинствах» своих религий и на свойственных им обрядах телесного и духовного «очищения».

Несмотря на все это, несмотря на другие малопривлекательные особенности «новых» вероучений, на их удочку все же «клюют» немало молодых людей, главным образом из так называемых средних слоев, в чьем духовном мире, по мнению западногерманского теолога Мильденбергера, образовался вакуум, который не в силах заполнить ни семья и школа, ни церковь и идеи буржуазных партий. Однако испытав на собственной шкуре истинную цену приманок, на которые не скупятся глашатаи «новых» религий, многие из новообращенных молодых людей убеждаются в том, что во всех этих ашрамах и других подобных им общинах вместо обещанной свободы им навязывают узколобый фанатизм и аскетическую муштру, а вместо любви и сострадания — беспощадность. По словам одного из бывших сектантов, там царит система страха, лжи и полной зависимости, рассчитанная на воспитание послушных воле «гуру» живых роботов.

Следует отметить, что изуверская практика молодежного сектантства встречает активное противодействие прогрессивной общественности. В ФРГ основано «Общество противников психических преступлений, творимых так называемыми молодежными религиями». Появились там и «Комитеты инициативы родителей против душевной зависимости и религиозного экстремизма». Стремясь предотвратить вовлечение своих детей в сети новомодных ловцов душ, некоторые семьи нанимают священников, призванных развенчивать в глазах подростков «новые» религии и пропагандировать «старые», требуют запрета отдельных сект. Все это уже привело к возбуждению судебного дела против кришнаитов, суд над которыми состоялся весной нынешнего года во Франкфурте-на-Майне.

Однако общую точку зрения буржуазной юстиции на молодежное сектантство весьма четко выразил прокурор г. Висбадена. «Если сектант украдет машину, — заявил он, — то это подпадает под действие закона. Что касается остального, то это не по нашей части». И действительно, блюстители правосудия сквозь пальцы взирают на то, как новомодные «гуру» и «пророки» растлевают молодежь, — лишь бы отвлечь ее от выступлений против основ буржуазного строя. Зато карающая десница классовой юстиции без колебаний опускается на головы социально активной части западной молодежи, которая борется за право на труд, образование и справедливое переустройство общества. А пока различные «гуру», «пророки» и другие калифы на час загнивающего «общества потребления» продолжают безнаказанно калечить тысячи молодых жизней.

[3] По сообщению журнала «Тайм», сейчас в мире насчитывается около 2 миллионов мунистов, из них 300 тысяч в Южной Корее, 200 тысяч в Японии, остальные в Америке и Западной Европе. Более подробно о Муне см. статью В. Андроновой «Мессия антикоммунизма» («Наука и религия», 1976, № 3), а также брошюру А. В. Белова и Д. А. Карпова «Мистика на службе антикоммунизма» (М., 1978).

[4] Более подробно о «Моисее» и его «божьих детях» см. статью Л. Борисоглебского в этом номере. (Прим. ред.)

АФРИКАНСКАЯ КАРТА МИССИОНЕРОВ

И. СУХАРЬКОВ,
кандидат исторических наук

В Африке наших дней важные идеологические и политические позиции сохраняет Ватикан. В отличие от ислама и других религий, католицизм имеет централизованное руководство, стройную систему церковной иерархии и хорошо подготовленную армию священников, миссионеров и монахов, опирается в своей деятельности на целую группу международных светских клерикальных организаций, имеющих региональные отделения в «третьем мире», в том числе и в Африке. «Святой престол» опутал ее миссионерской сетью, создававшейся в течение более трех столетий «Конгрегацией пропаганды веры» (с 1968 года — «Конгрегацией распространения христианского вероучения»).

Более чем 300-миллионное население Африки насчитывает свыше 700 этнических групп и племен, говорящих на множестве языков и диалектов. Не менее пестр этот континент и в религиозном отношении: примерно 150 миллионов африканцев все еще придерживаются местных анимистических культов, 100 миллионов исповедуют ислам, а 75 миллионов — христианство, в том числе 33 миллиона — католицизм. На Севере континента исторически преобладает ислам, на юге — протестантизм. Католицизм распространен в Габоне, Республике Берег Слоновой Кости, в Того, Бенине (Дагомее), Нигерии, Камеруне, в Народной Республике Конго, Заире, Анголе, Мозамбике, Замбии, Танзании, Руанде, Бурунди, Лесото, на островах Мадагаскар и Реюньон. Как видим, его позиции наиболее сильны в бывших колониях католических стран (Франции, Бельгии и Португалии).

Как же Ватикану удалось добиться такого влияния? Чтобы ответить на этот вопрос, проделаем небольшой экскурс в прошлое.

По пятам за Васко да Гамой

Экспансия «святого престола» в Черной Африке ведет свое начало еще с XV столетия. Первыми католическими миссионерами здесь были португальцы. В 80-х годах XV века они высадились в Гвинее, в устье Конго и Анголе, принеся вместе с христианством и работорговлю. По словам американского историка Джеймса Даффи, большинство миссионеров «придерживалось широко распространенного мнения о том, что лучший путь приобщения африканца к христианской вере — продать его, с тем чтобы его можно было обратить в христианство через очищение трудом на американских плантациях».

Массированная «христианизация» Африки началась во второй половине прошлого века, когда промышленно развитые западноевропейские страны принялись наперебой захватывать территорию «черного континента». В то время резко активизировалась миссионерская деятельность католической церкви: она создавала новые миссионерские ордена и общества (например, «Белые отцы», «Общество африканской миссии» и др.).

При этом наблюдалось своеобразное разделение «труда»: колониальная администрация брала на себя финансовые заботы миссионеров, выделяла им крупные земельные угодья, а церковь со своей стороны усилила воспитание африканцев в духе беспрекословного повиновения. При миссиях создавались школы, главным образом для выходцев из местной родовой знати. Их выпускники затем пополняли ряды низших звеньев колониальной администрации или обслуживающего персонала самих миссий.

После перекройки колониальной карты Африки в результате первой мировой войны Ватикан стал уделять все больше внимания этому континенту. В 1919 году папа Бенедикт XV издал энциклику «Максимум иллюд», в которой затронул вопрос об укреплении позиций католической церкви в колониях и о необходимости подготовки духовенства из их коренного населения. Об этом же шла речь и в энциклике Пия XI «Рерум экклезиэ» (1926 г.).

Разгром фашизма во второй мировой войне привел в итоге не только к образованию мировой системы социализма, но и к развалу колониальной системы империализма, к усилению национально-освободительных движений и их победам в ряде стран Азии и Африки. Естественно, что Ватикан не мог не считаться с этими коренными изменениями и принялся спасать то, что еще можно было спасти во вчерашних колониях, делая там ставку на африканизацию «христианских ценностей», сдерживание и направление в умеренное русло национально-освободительного движения. При этом католическое духовенство, как, впрочем, и протестантские церкви, стремится отмежеваться от колониализма, усиленно восхваляет свои заслуги в просвещении африканцев, ищет новые, более гибкие методы и формы деятельности, идет на различные компромиссы, чтобы воспрепятствовать проникновению социалистических идей и выбору молодыми государствами Африки социалистического пути развития.

Папские энциклики одна за другой посвящаются африканским проблемам. В 1957 году это энциклика Пия XII «Фидеи донум», сетующая на то, что Африка переживает «самые суровые годы за свою тысячелетнюю историю». В 1959 году Иоанн XXIII в энциклике «Принцепс пасторум» призывает внимательно следить за событиями на этом континенте и стараться удержать африканскую паству в лоне церкви. Его же энциклика «Матэр эт магистра» (1962 г.) провозглашает новую тактику католицизма по отношению к народам, освободившимся от колониальной зависимости, призывая применять к ним «максимально эластичные» методы деятельности.

Ватикан ищет союзников в лице племенных вождей, старается склонить на свою сторону африкан-

Первоклашки. Гвинейская республика.

Так выглядят улицы многих африканских городов. Детишкам приходится «грызть науку» прямо у порога своих лачуг.

Новая школа в Лагосе (Нигерия).

скую интеллигенцию, чтобы через нее оказывать влияние на молодые развивающиеся государства. В условиях консолидации сил национального освобождения «святой престол» также стремится к сотрудничеству с другими церквами для совместной борьбы против проникновения в Африку коммунистических идей.

II Ватиканский собор (1962—1965 гг.) санкционировал приспособление чуждых для народов бывших колоний церковной обрядности и догматики к местным условиям. В частности, в Заире, Руанде, Бурунди, Камеруне, Уганде и некоторых других африканских странах богослужение теперь ведется не только на их языках и диалектах, но и сопровождается национальными мелодиями, танцами и другими элементами дохристианских традиций и культов. Священными реками наряду с Иорданом Ватикан признал Нил, Конго и Замбези, поощряет канонизацию африканских святых. В этой связи патеры и епископы стали смотреть сквозь пальцы даже на знахарство и полигамию, все еще распространенные среди некоторых племен. «Вы сможете внести в католичество, — говорил папа Павел VI, обращаясь к африканцам, — драгоценный и оригинальный вклад — негритюд; вклад, в котором оно нуждается именно в этот исторический час».

Впрочем, известный знаток африканского миссионерства бенедиктинский монах Д. Мосман сомневается в успехе попыток своей церкви закрепиться в Африке, если методы ее деятельности в корне не изменятся и если она не станет на сторону молодых африканских государств.

Аджорнаменто по-африкански

В середине 50-х годов в Черной Африке насчитывалось 9417 католических священников, в том числе — 1443 из местного населения. Появляется и африканская церковная иерархия. Еще в 1939 году Пий XII рукоположил двух африканских епископов, а в 1955 году к ним добавилось еще 9, в 1959 — 21, в 1961 — 38, в 1962 — 58 (включая 3 архиепископов), в 1963 — 73 и один кардинал. А в 1965 году было назначено уже пять африканских кардиналов, к которым в 1970 году прибавилось еще 118 епископов. И если в 1918 году в Африке было семь кардиналов и 315 епископов-резидентов, причем все белые, то в начале 70-х годов численность католического духовенства там возросла уже до 14519 человек, из которых 3355 — африканцы. Всего с 1875 по 1975 годы число католических епархий на континенте выросло с 35 до 257.

Ныне Ватикан имеет свои епархии, викариаты, апостолические префектуры или хотя бы апостолическую администрацию практически во всех африканских странах, а кроме того опирается там на множество светских клерикальных организаций. Последние располагают различными центрами, советами, благотворительными учреждениями, спортплощадками, лагерями, ведают жилищным строительством, проводят собрания верующих, сопровождая их национальными песнями и танцами, показом религиозных фильмов.

Взять, например, Республику Берег Слоновой Кости, где из 6 миллионов населения всего 12 процентов христиан. Здесь — 7 католических епархий, 4 епископа, 125 церковных приходов, 425 патеров, 102 монаха и несколько десятков миссионеров. «Католическое действие» начало свою деятельность в этой стране еще в 1939—1940 годах, а ныне тут орудуют еще с десяток других светских католических организаций: «Рабочая католическая молодежь», «Католическое действие в семье», «Бригады преподавателей», «Христианские преподаватели ячейки Легиона Марии», «Католическая сельская молодежь», «Студенческая католическая молодежь», скауты и иные детские клерикальные объединения.

Такое проникновение Ватикана в Черную Африку во многом облегчается тем обстоятельством, что большинство тамошних политических деятелей и интеллигенции в свое время учились в католических миссионерских школах.

Вся практическая деятельность по укреплению позиций католической церкви в развивающихся странах координируется в Ватикане «Конгрегацией распространения христианского вероучения» (прежде — «Пропаганды веры»). В ее ведении — почти 800 епархий в Азии и Африке, более 300 тысяч священников, монахов и миссионеров. В ней представлено около 30 кардиналов (более четверти курии), которые занимаются проблемами развивающихся стран. При конгрегации действуют четыре миссионерских отделения, каждое из кото-

Миссионеры-африканцы пользуются большим доверием соплеменников, чем их белые коллеги.

Деревянные скульптуры африканских племенных идолов.

Фото из журнала «Энформасьон католик энтернасьональ» и Фотохроники ТАСС.

рых располагает собственной прессой. А непосредственно самой конгрегации подчиняется одно из крупнейших информационных агентств капиталистического мира — «Фидес», в ее учебных заведениях готовятся миссионеры примерно для 60 развивающихся государств.

Провозгласивший курс аджорнаменто папа Иоанн XXIII, преодолевая традиционную нетерпимость католицизма к другим религиям, заявил, что путь к его возрождению лежит через объединение всех христиан. Следует отметить, однако, что экуменические тенденции в политике Ватикана в Африке — не самоцель, а лишь очередное средство расширения его влияния. Идя на сотрудничество с другими христианскими церквами и даже с исламом, святой престол стремится таким образом создать единый фронт, направленный против распространения материалистических идей и призванный направить по умеренному руслу национально-освободительное движение, предотвратить процесс секуляризации.

Разумеется, «африканизация» католицизма с учетом местных обычаев и традиций — равно как, впрочем, и бурный рост африканских городов — подрывает традиционное влияние анимистических племенных культов. Не удивительно поэтому, что в последние годы христиан, главным образом католиков, к югу от Сахары стало больше, чем мусульман, хотя исторически ислам здесь всегда господствовал. И все же несмотря на это явная поддержка католицизмом неоколониалистских режимов и групп не могла не привести к обострению политической напряженности в Африке.

В этой связи вспомним хотя бы события в Нигерии (когда Ватикан поддерживал сепаратистов Биафры — в основном католиков), в Судане (где он также стоял на стороне мятежных племен христианского Юга), в Кении, Танзании, Гане, Замбии и Камеруне.

Во время революционных преобразований в Анголе международную печать обошли фотографии католических падре, благословлявших войска наемников и сепаратистов на борьбу против законного правительства страны.

Президент Народной Республики Мозамбик Самора Машел, например, говоря на массовом митинге в Мапуту о программе национализации частных предприятий и крупных, в том числе церковных, земельных владений, подчеркнул: пусть церковь не обижается — ведь она поддерживала португальскую колониальную политику, была прислужницей капитализма, препятствовала развитию Мозамбика, а обученные миссионерами и возведенные в духовный сан африканцы выступали как агентура империализма, колонизаторов и их приспешников.

Таким образом африканская карта Ватикана оказывается все более битой. Чтобы не растерять здесь паству, католическая церковь вынуждена вносить существенные коррективы в свою традиционную политику поддержки реакционных режимов на континенте. Ранее и отчетливей других институтов буржуазного общества уловив нарастание революционной ситуации в Африке, церковники пытаются, где возможно, предотвратить социальный взрыв, выступают за «смягчение» расовой дискриминации. Так, католическая церковь в ЮАР, всегда занимавшая весьма умеренные позиции в вопросе об отношении к апартеиду, отменила в январе 1976 года расовую сегрегацию в девяти католических школах.

Однако и это уже не помогает. Африканское население все более активно переходит от мирных к насильственным формам борьбы за свои законные права, за ликвидацию позорной системы апартеида и расовой дискриминации.

Католическая церковь теряет свои позиции не только в Анголе и Мозамбике, но и в Народной Республике Конго, Танзании и некоторых других африканских государствах.

Вмешательство во внутренние дела развивающихся стран под флагом религии естественно вызывает законное недовольство их правительств, вынужденных прибегать к высылке миссионеров или к ограничению их деятельности. Миссионерские школы, например, национализируются, а на базе существовавших при миссиях больниц создаются государственные медицинские учреждения.

Ставка на молодежь

Судьба Африки, ее дальнейшее развитие в большой степени зависят от того, за кем пойдет молодежь континента, составляющая большинство его населения. Разумеется, за молодое поколение ведут борьбу различные политические группировки. Католические организации, в частности, стремятся

воспитывать молодежь в духе смирения и послушания, прививая ей «духовные ценности свободного мира», ненависть к «безбожному марксизму». «Нейтрализовать широкие слои трудящейся молодежи, не дать ей оказаться во власти марксистской доктрины — вот наша задача», — поучал папа Иоанн XXIII еще в бытность свою кардиналом. Ватиканский курс аджорнаменто, как известно, связывает будущее католицизма с «магмой третьего мира». Поэтому, используя процесс отмирания местных языческих культов и отход от них молодежи в Африке, он делает ставку на заполнение возникающего таким образом религиозного вакуума. Кстати, именно проблемам «катехизации» молодежи, то есть воспитания ее в духе вероучения, в том числе и социальной доктрины церкви, был почти целиком посвящен прошлогодний V Ватиканский синод[1].

До середины 50-х годов система просвещения в Черной Африке практически находилась в руках церкви. В большинстве стран континента существовали лишь миссионерские школы. Из их воспитанников вышли почти вся местная интеллигенция и политические деятели. Да и сегодня здесь 36 тысяч католических школ и 95 тысяч учителей закона божьего. Школьники прежде всего основательно изучают Библию и катехизис, а из светских дисциплин — европейские, гораздо реже — местные языки, арифметику, историю стран Запада, географию, химию, физику и природоведение. В дополнительных классах готовят учителей начальных школ. Более 3 тысяч африканцев обучаются в 50 различных духовных семинариях. Например, только в одном Заире в католических школах учатся более полутора миллионов человек, что почти в 10 раз превышает число учащихся в государственных школах. Знание европейских языков дает африканцам возможность продолжить образование в Европе, и Ватикан умело использует эту приманку.

Значительная часть средних специальных и высших учебных заведений также находится в руках церкви, которая к тому же усиленно обхаживает и африканских студентов, обучающихся в Европе и Америке, организует для них различного рода встречи, беседы, семинары, коллоквиумы, дискуссии, вовлекает в католические организации. С 1957 года в Африке действует учрежденный Рокфеллером фонд церковного образования, из средств которого оплачиваются преподаватели-иностранцы, комплектуются библиотеки.

Проблемами воспитания и образования африканской молодежи занимается также целый ряд международных католических организаций. Среди них — «Всемирный союз преподавателей-католиков», имеющий национальные ассоциации в 15 африканских странах; «Международная служба католического обучения», учредившая свои бюро в Африке; «Международная христианская рабочая молодежь» (ЖОК) и т. д.

В начале 60-х годов во Франции был открыт международный центр ЖОК, который начал заниматься подготовкой кадров для африканских стран. Организации ЖОК подразделяются на возрастные группы — молодых рабочих, молодых работников и подростков. Национальные секции ЖОК существуют в 87 странах, в том числе в 33 африканских. Ватикан осуществляет непосредственный контроль за деятельностью ЖОК, пропагандирует через нее единство действий всех молодых рабочих-католиков. Стремясь отвлечь их от классовой борьбы, он предлагает молодежи заниматься самообразованием и духовным самоусовершенствованием. Наибольшим влиянием ЖОК пользуется в бывших французских и бельгийских колониях.

Среди молодых африканских рабочих действует и «Ассоциация христианской молодежи стран Африки» (ЮМКА). А в Заире и бывших французских колониях социальную доктрину католицизма пропагандирует «Международное движение католической земледельческой и сельской молодежи» (МСКМ). Отделения Всемирной федерации женской католической молодежи и Всемирной ассоциации молодых женщин-христианок имеются в Гане, Замбии, Кении, Либерии, Нигерии, Заире, Родезии, Сьерра Леоне и ЮАР. Во многих африканских странах Всемирная федерация студентов-христиан, Всемирный альянс ассоциации молодых христиан (ИМКА) и Международная федерация католической молодежи (МФКМ) создают свои лагеря, региональные и местные центры научных исследований, большое количество библиотек, регулярно проводят различные массовые кампании, съезды.

Кроме того, Ватикан воздействует на африканскую молодежь и через небольшие национальные объединения. В Бенине это — «Молодые католики», в Центральноафриканской Империи — католические скауты. В школах под контролем католического духовенства создаются отряды «Отважных сердец» (для мальчиков) и «Отважных душ» (для девочек). Таким образом, клерикальная пропаганда среди африканской молодежи ведется дифференцированно — с учетом национальных, профессиональных, интеллектуальных и возрастных особенностей. При этом часто проводятся диспуты и обсуждения, на которых молодые люди получают ответы на интересующие их вопросы, сами принимают участие в дискуссиях. Подобные методы оказываются более эффективными, чем церковная проповедь.

Огромная миграция и небывалые темпы урбанизации африканского населения, подавляющая часть которого раньше жила в деревнях, вызывают его массовый отход от местных языческих культов и создают, как уже отмечалось, некий духовный вакуум. К тому же стихийный рост городов порождает безработицу и разбухание непроизводительной сферы. Все это благоприятствует деятельности миссионеров, которые всячески стремятся «утешить» недовольных и протестующих, удержать их в стороне от революционного движения, привлечь в лоно церкви. Культивируя социальную пассивность, духовные наставники усиленно прививают молодым ученикам антикоммунистические предрассудки.

Однако, несмотря на все старания церкви, процесс секуляризации в Африке развивается вглубь и вширь. Ныне он охватил здесь миллионы молодых людей, которые, получив образование, частично или полностью порывают с религией. Этот процесс духовного раскрепощения и политического возму-

---

[1] Более подробно о нем см. в статье В. Мазаловой «Ватикан: V синод». «Наука и религия», 1978, № 6.

жания Африки взаимообусловлен и тесно связан с подъемом классовой и национально-освободительной борьбы на континенте. Советские люди, как подчеркнул товарищ Л. И. Брежнев в «Поздравлениях государствам и народам Африки по случаю Дня освобождения Африки», относятся к этим революционным сдвигам «с чувством глубокой солидарности... Эта борьба при широкой политической, моральной и материальной поддержке прогрессивных сил мира привела к распаду колониальных империй; сотни миллионов африканцев уже сбросили колониальное иго»[2].

[2] «Правда», 25 мая 1978 г.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ

Орган Союза свободомыслящих ФРГ «Фрайденкер» опубликовал интервью с одним из руководителей австрийских свободомыслящих Маттиасом Рибареком, в котором тот изложил идейные позиции и рассказал об истории организации и об изменениях в ее структуре, происшедших в последнее время.

Объединение австрийских свободомыслящих — кстати одно из старейших в мире — оформилось еще в 80 — 90-х годах прошлого века и с тех пор всегда примыкало к социал-демократической (СДПА), а ныне к социалистической партии Австрии (СПА). В этой связи, заявил М. Рибарек, мы вполне разделяем известные положения как Линцкой (1926 г.), так и Венской (1958 г.) программ СДПА и СПА, согласно которым «социализм и религия не противоречат друг другу. Всякий верующий может одновременно быть социалистом... Религия есть частное дело члена партии».

Характеризуя вкратце путь, пройденный австрийскими свободомыслящими с конца прошлого века, М. Рибарек отметил, что 1925—1929 годы были периодом наибольшего расцвета движения, когда оно объединяло в своих рядах более 120 тысяч человек. В 1933 году, когда в Австрии установилась диктатура христианско-социальной партии, объединение свободомыслящих стало первой запрещенной из примыкавших к СДПА организаций (сама СДПА была запрещена после восстания венских рабочих в феврале 1934 г.). А в 1938 году, как известно, последовали аншлюс — включение Австрии в гитлеровский «третий райх», затем семь лет господства нацистов, развязанная ими вторая мировая война. Свободомыслящие Австрии оказались не только организационно разгромлены и понесли невосполнимые потери, но и лишились всего имущества и кассы, образованной из многолетних членских взносов и составлявшей примерно 10 миллионов шиллингов.

При этом, с горечью отметил М. Рибарек, буржуазные власти после второй мировой войны под тем предлогом, что все политические и общественные организации должны создаваться на совершенно новой основе, наложили секвестр не только на фонды преступных нацистских организаций, но и на конфискованные в 1938 году гитлеровцами средства антифашистских и демократических объединений, в том числе и на кассу Союза свободомыслящих.

Возрожденный в конце 40-х годов горсткой его ветеранов Союз австрийских свободомыслящих оказался в настолько тяжелом материальном положении, что даже не имел возможности издавать свой печатный орган «Фрайденкер» типографским способом, а размножал его на ротаторе. В мае 1978 года, когда в Риме проходил 38-й конгресс Всемирного союза свободомыслящих (ВСС), их австрийским единомышленникам за недостатком средств пришлось даже отказаться от посылки туда своего делегата.

Наряду с Союзом свободомыслящих в Австрии в последние годы возникла еще одна организация аналогичного направления — Институт духовной свободы и научного мировоззрения, начавший издавать журнал «Гайст унд гезельшафт» («Дух и общество»). Весной 1978 года обе эти группы австрийских свободомыслящих объединились на идейной платформе ВСС — в том виде, как она была сформулирована в Роттердамской декларации его международного совета (1974 г.), — в одну организацию — «Союз свободомыслящих Австрии — Институт научного мировоззрения», президентом которой избран Рихард Ключариц.

Новое объединение, по словам М. Рибарека, намерено принять участие в международной встрече сторонников мира и свободомыслящих, которую 1 сентября 1979 года устраивает в Кёльне Союз свободомыслящих ФРГ по случаю 40-летия начала второй мировой войны. Как известно, 38-й конгресс ВСС призвал все национальные организации свободомыслящих послать своих представителей на эту антивоенную встречу.

В. МАЗОХИН

НА АМВОНЕ — ЧАРЛИ

Пастор храма святого Андрея в городе Горлстоне (графство Норфолк, Великобритания) Колин Купер ввел в богослужебный обиход сенсационное новшество. По воскресеньям на проповедническую кафедру он поднимается не один, а вдвоем с куклой Чарли. Чарли то и дело прерывает проповедника различными репликами и вопросами — порой шутливыми, а порой весьма смелыми — никто из прихожан не отважился бы на такое. Однако пастор спокойно выслушивает своего неблагочестивого собеседника и терпеливо ему отвечает.

Секрет такого диалога заключается в том, что Купер в совершенстве владеет искусством чревовещания и решил использовать свой талант, чтобы разнообразить богослужение. Это новшество прихожане оценили по достоинству — посещаемость храма святого Андрея увеличилась в два с лишним раза.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

А. С. Онищенко. СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОГРЕСС, РЕЛИГИЯ, АТЕИЗМ. (Эволюция современного религиозного сознания и проблемы формирования атеистического мировоззрения.) Киев, «Наукова думка», 1977, 344 стр., 3 650 экз.,1 руб. 60 коп.

В монографии А. С. Онищенко предпринята попытка широкого сопоставительного анализа эволюции современного религиозного сознания и формирования научно-атеистического мировоззрения. Книга посвящена исследованию новых проблем, которые ставят перед атеистическим воспитанием социальный и научно-технический прогресс, эволюция современного религиозного сознания, изменения в идеологии и деятельности религиозных организаций.

Автор исходит из марксистского положения о том, что для борьбы с религией важно действие не только объективных факторов секуляризации, но и субъективного фактора — целенаправленной воспитательной деятельности. Ее эффективность, как показано в монографии, в значительной степени зависит от того, как учитываются при этом особенности современного религиозного сознания, специфика его влияния на различные категории людей, а также насколько оперативно и гибко меняются в связи с этим ее содержание, формы, методы, организация.

Книга начинается с рассмотрения эволюции религии в ее соотношении с основными историческими типами массового мировоззрения. Проанализировав сущность характерных черт основных исторических типов религиозного мировоззрения, раскрыв принципиальную несовместимость религиозного и научного мировоззрения, автор подводит читателя к выводу, что общей тенденцией развития общественного сознания является прогрессирующее угасание религии. Но если в капиталистическом обществе эта тенденция сдерживается многими объективными и субъективными факторами, то при социализме она получает полный простор.

Содержательны те части книги, где рассматриваются основные тенденции угасания религии и закономерности становления научного мировоззрения. Авторские выводы и обобщения основаны на анализе обширного конкретно - социологического материала. Подробно рассмотрены деформация, разложение в религиозном сознании основополагающих религиозных идей. Интересен анализ пантеистических, деистических, дуалистических взглядов и представлений, той пестрой, противоречивой и переменчивой смеси религиозных и нерелигиозных элементов, из которых складывается сознание верующего.

Особое место уделено роли социалистической действительности в формировании научного мировоззрения. Главное состоит здесь в том, что в условиях социализма формируется такой образ жизни, который устраняет те способы отношения человека к природе, обществу и к себе самому, на которых базировалась религия. Коммунистическое преобразование мира, становление коммунистического образа жизни ведут к преобразованию самого человека. Исчезают характерные для докоммунистических формаций ограниченность и скованность личности, разрыв между сущностью и существованием человека, что всегда служило источником воспроизводства религиозности.

В атеистической литературе дан довольно подробный критический анализ современного религиозного модернизма. Однако слабо изучено слияние его с богоискательством, отношение к богостроительству. А в том и другом находит отражение и выражение эволюция современного религиозного сознания. А. С. Онищенко одним из первых дал развернутый критический анализ современного богоискательства и богостроительства. В первом он выделяет две тенденции: субъективистское толкование религии, сводящее ее к эмоциям, переживаниям человека, и расширительное ее толкование, когда она отождествляется с духовностью вообще. В книге убедительно показано, что оба толкования могут вести к осовремениванию, подчистке, приукрашиванию религии, но не меняют ее сущности.

В связи с этим актуален и интересен раздел о современном богостроительстве. Автор показал ревизионистский характер его идейных установок, бесплодность попыток преодолеть противоположность материализма и идеализма, несостоятельность ревизии марксистской оценки религии как «опиума народа». Правомерен вывод автора о том, что как в прошлом, так и теперь богостроительство, проповедуемое богословствующими ревизионистами и ренегатами, отражает идейные колебания той части рабочего класса капиталистических стран, которая не освободилась от влияния мелкобуржуазной, буржуазной и религиозной идеологий.

Значительная часть книги посвящена совершенствованию различных звеньев атеистической работы, повышению ее эффективности. Автор анализирует содержание и основные элементы научного управления процессом атеистического воспитания, его социально-психологические аспекты и культурно - идеологические функции, исследует его взаимосвязь с другими направлениями коммунистического воспитания.

Заслуживают внимания мысли о критериях оценки атеистической работы. Автор справедливо подчеркивает, что было бы неполно оценивать ее результативность только по тому, сколько людей порвало с религией и закрылось церквей или молитвенных домов из-за отсутствия верующих. Эффективность атеистического воспитания, по его мнению, следует измерять также тем, какие позитивные изменения оно вызывает в мировоззрении, психологии, в быту и поведении верующих.

В книге справедливо делается акцент на том, что атеистическое воспитание должно быть направлено на преодоление религиозных стереотипов мышления и поведения, на формирование в сознании верующих научных взглядов, а в поведении — норм коммунистической морали. Ценность этого труда состоит также в том, что он не только провозглашает это, но и дает развернутые рекомендации, как строить атеистическую работу. Причем особое внимание автор уделяет ее совершенствованию среди детей, подростков и женщин. Подчиненность теоретического исследования задачам атеистического воспитания хорошо просматривается и в заключительном разделе монографии, где разоблачаются различные формы и методы использования религии в планах антикоммунизма, клерикальные попытки опровержения атеизма, дается отпор буржуазным фальсификаторам идейно-исторических источников марксистского атеизма, практики атеистического воспитания в СССР.

А. С. Онищенко не обходит и те сложные проблемы, по которым нет единого мнения ученых. Однако, на наш взгляд, не убедительна данная им характеристика господствовавшего в первобытном обществе мировоззрения как еще не религиозного, а просто фантастически - мифологического. Этому противоречит тот факт, что исторически религия сначала отражает господство над человеком природных сил, а уже в ходе развития общества на первое место здесь выходит гнет эксплуатации. Переход к классовому обществу означал изменение характера религиозной идеологии, а не ее превращение в идеологию господствующую, каковой она была уже в условиях первобытной общины.

В заключение нужно отметить, что книга А. С. Онищенко будет с интересом прочитана не только специалистами научного атеизма, но и широким кругом читателей, интересующихся вопросами атеистического воспитания.

В. ТИМОФЕЕВ,
доктор философских наук

ДРУГИЕ И ЛУИС ЛИКИ

В. Ларичев. ПОИСКИ ПРЕДКОВ АДАМА. (Рассказы археолога). М., Политиздат, 1978, 126 стр., 200 тыс. экз., 20 коп.

Начнем с конца: читатели получили книгу, в кото-

рой будут обращаться неоднократно — и за помощью в работе и просто за удовольствием, какое доставляет интересное чтение. Рассказы археолога, как определен в предисловии книги ее жанр, посвящены началам рода человеческого, поискам древнейших его предков. Ни сама тема, ни история поражений и побед, выпавших на долю первооткрывателей—геологов, антропологов, не новы в специальной и популярной литературе. А между тем, книга читается с неподдельным интересом, словно некое откровение. Впечатление это возникает не только за счет мастерства автора, с которым он ведет повествование, буквально перенасыщенное данными геологии, антропологии, палеонтологии, именами ученых, обращением к фактам разных исторических эпох. Стержнем книги, главным действующим лицом в ней оказывается Научный Поиск, сложные метаморфозы человеческой мысли в различных ее мировоззренческих проявлениях.

«Предметом, окруженным предрассудками», назвал Чарлз Дарвин вопросы происхождения человека. Здесь научное исследование с непреложностью вступало в заповедную область религиозной веры, независимо от того, уточняло ли с помощью своих методов время появления на Земле «преадамитов», размышляло ли над антропологическими особенностями разных типов человеческих предков или искало объяснения назначению и характеру орудий труда, охоты. Не было ни одного аспекта в кругу этих вопросов, где бы возник хоть намек на согласие между тем, что утверждало святое писание, и тем, что логически следовало из серии находок, добытых в разных пластах земли, в пещерах, в зонах речных отложений. Ничего общего! Теологическая мысль, основываясь на данных священного писания, а, главное, не уклоняясь от них, вычислила точный момент «в начале времен», когда создатель вылепил из глины первого человека. В 1654 году Джон Лайтерут, он же архиепископ Ушер Ирландский, назвал эту дату (наш читатель знаком с ней) — 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождения Христова.

А годом позже «открытия» архиепископа Ушера Ирландского в Париже появилось сочинение Исаака де ла Перейры о неких людях, живших до Адама. В том же XVII веке открыто высказал свое убеждение Ванини: по его мнению, некоторые народы произошли от обезьян, а первые люди вначале ходили на четвереньках, подобно животным.

Следующий, XVIII век принес новости «похуже». Шведский натуралист Карл Линней, не уставая приговаривать, что существует столько видов, сколько бог создал их в самом начале, в 1836 году опубликовал книгу, где поместил человека в одну группу с обезьяной. А о возможности существования неких промежуточных форм, связывающих в непрерывную эволюционную цепь человека с предшествующими ему животными формами, — высказались еще до Линнея естествоиспытатели Ламарк и Беленштедт.

Когда в V веке один из отцов церкви Августин занимался вопросами, касающимися происхождения мира, он придерживался твердого правила: «Принято может быть лишь только то, что имеет за собой авторитет Библии, ибо этот авторитет значит больше, чем все силы человеческого ума». Христианская церковь отвергла языческую мудрость греческих и римских ученых, достижения философской мысли античности. Полторы тысячи лет она успешно пресекала все попытки толкований иного рода при объяснении проблем развития человечества. Духовный диктат церкви кончался трагично для инакомыслящих. В 1450 году инквизиторы сожгли на костре Самуила Сарса за его утверждение, будто человечество гораздо древнее, чем следует из Библии. Ванини как особо опасного еретика лишили языка и тоже сожгли. Перейра, который пытался устранить несоответствие библейской хронологии с помощью факта существования человека до Адама, оказался в тюрьме.

Но с каждым веком рос и рос археологический материал, который не укладывался в рамки объяснений теологов. Книга В. Ларичева начинается с событий 1797 года, когда англичанин Джон Фрер из Саффолка нашел под крутым глинистым обрывом костяные обломки и оббитый камень в форме топора. «...Мало найти оббитый камень — нужно иметь достаточно воображения, чтобы не принять его просто за курьез природы, и надо найти смелость объявить об этом во всеуслышание», — комментирует автор книги как предположение Фрера, посчитавшего, что ему посчастливилось найти стойбище людей, понятия не имевших о металле, так и его решимость выступить со статьей о значении находки.

Спустя тридцать лет в континентальной Европе, в провинциальном французском городке Абвиле на берегу Соммы любитель прошлого земли Казимир Перье нашел оббитые камни, в точности напоминавшие топоровидный инструмент из английского Саффолка. Эти и другие находки дали основание руководителю абвильского общества естествоиспытателей Буше де Перту выпустить сочинения, в которых он доказывал древность человека. Ученые нашли камни сомнительными, а идеи не новыми, церковники же потребовали запретить сочинения как не соответствующие духу Библии.

Драмою человеческих судеб, драмою идей, коллизиями, умножившими число исторических анекдотов, развивается повествование в той части книги, где только берет начало будущий поток научных открытий, прорвавших в итоге плотину религиозной веры. Но на пути новой научной истины стояло еще одно препятствие — старые заблуждения. Когда костные останки существа, жившего на планете десятки, сотни тысяч лет назад, попали в руки потомков, те отказались признать его «своим». «Неужели это сутулое чудовище с грубым обезьяньим лицом, огромными гребнями над глазницами и приплюснутым, убегающим назад лбом в самом деле прародитель?» Для торжества истины требовались новые находки, новые доказательства.

В 1863 году Эрнст Геккель произнес свою знаменитую речь в Штеттине, где заявил, что у обезьян и человека одни предки. В 1894 году в Батавии вышла книга доктора медицинских и естественных наук Эжена Дюбуа, экземпляр которой он переслал в Европу Геккелю с надписью: «Изобретателю питекантропа». В результате семилетних поисков на Малайском архипелаге Дюбуа нашел кости не обезьяны, но и не человека, останки существа, стоявшего на грани предполагаемого перехода. Предсказанное Геккелем недостающее звено.

Мнения специалистов по поводу находки Дюбуа резко разошлись.

...И через тридцать лет работы Луису Лики казалось, пишет В. Ларичев, что он провел большую часть жизни на коленях. Имя этого удачливого ученого, история его жизни давно интересуют читателей в связи с сообщениями о сенсационных открытиях экспедиций археолога на африканском континенте. Посвященные ему две главы книги — «Сад Эдема» и «Новые неожиданности», пожалуй, самые значительные, хотя бы потому, что посвящены находкам и выводам ученого, ставшим предметом споров.

Трудами экспедиций Лики получена необычайно полная, почти без пробелов картина эволюции шелльской и ашельской культур, открыта олдовэйская культура дошелль, спрятанная почти под стометровой земной толщей. Сам Лики пришел к мысли о параллельном развитии в Олдовэе двух разновидностей гоминид—зинджантропа и презинджантропа.

Волнующие подробности поисков, а главное, научная значимость находок, свидетельствующих в пользу человеческого статуса наших древнейших предков, даны в книге доходчиво, без увлечения специальной терминологией, но с учетом особенностей современной теории антропогенеза. Многие ученые склоняются сейчас к идее не прямолинейности и однозначности, а сложности и многоплановости в процессе развития рода человеческого. «Герои-предки, — заключает В. Ларичев рассказ о неравномерности эволюции на ранних стадиях антропогенеза, а с ним и всю книгу, — более не выстраиваются в строгую линейку, сменяя друг друга в отсчете тысячелетий. К финишу, черте, за которой открывается мир относительно совершенного разума и труда, они устремляются теперь, не вытянувшись в цепочку согласно субординации, а нестройной толпой, обгоняя друг друга и выталкивая с дорожки замешкавшихся и нерасторопных. Судьи — археологи и антропологи, оценивая достоинство конкурентов, теряются в догадках, кто окажется победителем...»

И. ЖЕРНЕВСКАЯ

ЖИТЬ ПО ПРАВДЕ

Юлия Доброленская. СКВОЗЬ ВЕКОВОЙ ТУМАН. Повесть. М., «Советский писатель», 1977, 264 стр., 30 000 экз., 52 коп.

Дважды в этой повести возникает образ тумана. Первый раз, когда сельский священник, утративший веру, размышляет о том, что «потерять бога» — не значит еще «потерять совесть» и что ему предстоит теперь «пробиться сквозь вековой туман» религии, «мешавшей видеть жизнь», чтобы «стать ближе к людям», «смело смотреть всем в глаза и говорить то, что думаешь». И второй. Спустя годы, когда перед ним снова туман, но это уже туман утра: «Уже светает, уже раскрываются дали, и он идет сквозь редеющий туман, еще не видя солнца, но зная, что оно взойдет».

Между этими двумя эпизодами — всего лишь около десяти лет, но это почти целая жизнь. Ибо пробиться «сквозь вековой туман» религиозной лжи, лицемерия, обмана, обречь себя сначала на добровольную самоизоляцию, а затем прорезать «сизый туман холодного утра» и выйти наконец к солнцу, к людям, к высокой правде — поистине главное жизненное дело.

О том, как проделал этот путь деревенский священник Яков Васильевич Вознесенский, ставший духовным пастырем еще в начале нашего века и скинувший рясу в годы реакции, как трагически, но достойно и гордо завершил он свой жизненный путь, и написала Юлия Доброленская.

Случай — не слишком типичный для дореволюционного русского духовенства. Но за ним стоит истинный факт: отец автора окончил в свое время духовную семинарию, был рукоположен в священники, служил в отдаленном сельском приходе. По велению совести он в 1909 году отказался от духовного сана, чем обрек себя на многие мытарства, на драму в семье и, в конечном счете, на преждевременную смерть. В кратком предисловии автор указывает на эту жизненную основу повести. Даже заключительная деталь — венок из красных астр на могиле попа-расстриги, принесенный «товарищами по борьбе», — подлинный факт.

В первую очередь повесть впечатляет правдивостью характеров, типичностью социальной картины. Все это делает редкий случай показательным, помогает лучше понять русскую действительность того времени. Очень трудно психологически мотивировать такие крутые и нелегкие решения, к которым пришел герой. Но Юлия Доброленская сумела это сделать.

Рисуя образ Вознесенского, она показывает демократизм его натуры, крестьянское трудолюбие (родом он — из крепостных), бескорыстие, честность, доброту, рассудительность — качества, которые как раз и не позволяют ему мириться с ложью, заставляют упорно искать достойный путь в жизни. Немаловажную роль в его судьбе сыграли и исторические события того времени: русско-японская война, обнажившая преступный характер самодержавного строя, революция 1905—1907 годов, крестьянские волнения, столыпинская реакция, разгул черной сотни, начало первой мировой войны... Ни одно из этих событий не проходит мимо чуткого к социальной правде и неправде героя, укрепляя в нем решимость — уже после отказа от сана — преодолеть свое одиночество и найти себя в активной деятельности.

Мы знакомимся с отцом Яковом в тот период его духовных исканий, когда он уже окончательно разочаровался в церковной обрядности, увидел пропасть, отделяющую церковь от народа, но не преодолел еще религиозных иллюзий. В нравственных и философских исканиях он ставит перед собой кардинальные вопросы человеческого бытия и пытается ответить на них.

Скажем, вопрос о добре и зле. Церковь твердит: бог — добро, бог — совесть, дьявол — зло. Но если совесть — это «голос бога, то почему он молчит, когда люди, прикрываясь именем божьим, совершают подлые поступки?.. Нет, совесть — другое. Совесть — это я. Мое внутреннее, самое глубокое... мой судья, требовательный и неподкупный». «Вера в бога принижает человека. Если есть высшее существо, которому я должен поклоняться, так что же такое я? Ничтожество. А если этим высшим существом, добрым, справедливым, всеведущим и всемогущим, может стать человек, значит я буду всеми силами бороться, чтобы он стал таким. И в себе самом, и в моих близких буду искать его. Люди должны верить в человека».

К этим мыслям Яков Вознесенский приходит не только умозрительно. Важное место в объяснении причин, побудивших его изменить свою жизнь, отводится характеристике духовенства, в среду которого он попал юным семинаристом и из которой вырвался зрелым, многое пережившим человеком. Жизнь на каждом шагу показывает, какую роль легенда о боге играет в мирских делах его служителей. С корыстолюбием и лицемерием церковной братии Якову приходилось сталкиваться повседневно. Образ семинарского однокашника отца Прокофия (в просторечии Прокоши) — фискала, мздоимца и карьериста, целая галерея церковнослужителей, благоденствующих лжецов, изображенных в повести, — все это наглядно показывает читателю, от какой среды бежит Вознесенский.

Особенно показательно то, как откровенно слуги церкви служат царскому престолу. Циничный Прокоша признается: церковники должны действовать не по вере и не по совести, а «как сверху велят». Благочинный, кроткий старичок с добродушной улыбкой, наставляет «заблудшего» иерея словами священного писания: «...Несть бо власть аще не от бога... Противляющийся власти божию повелению противляется». А разговор этот — по поводу отказа Якова Вознесенского отслужить молебен в честь расправы царских карателей над крестьянами-бунтовщиками. Эпизод — кульминационный в цепи событий, приведших отца Якова к решению порвать и с церковью и с религией.

Завершает окончательно духовную эволюцию героя встреча с людьми, которые помогают ему понять, что «жить по правде» — значит жить не только для самоочищения «личного», духовного, но и для народа. Таких людей бывший священник находит в рядах революционеров. Сблизившись с ними, он принимает боевое крещение и погибает.

Нелегкий путь, пройденный Яковом Вознесенским, осложняет и пережитая им семейная драма. Жена его, вышедшая из богомольной дворянской семьи, не разделяет духовных исканий мужа. Она старается отдалить от него детей, пытается вернуть его «на путь истины» — хотя бы во имя семейного благополучия. Происходит разрыв, тяжело переживаемый обеими сторонами. Лишь незадолго до гибели Яков примиряется с семьей и находит сочувствие у жены и детей. Читатель закрывает книгу с надеждой, что дети отца Якова начнут самостоятельный жизненный путь с того рубежа, на котором оборвалась жизнь их отца, — все, что было им пережито, не пройдет для них бесследно, поможет им найти свое место в жизни, в борьбе за счастье народа.

Надо сказать, что автору этой правдивой книги все же иногда изменяет чувство истории, времени. Например, когда отец Яков догадывается, что Гапон был провокатором, сразу же после январского расстрела 1905 года (при первых же газетных сообщениях о нем), хотя факт этот приобрел известность значительно позже, а сам Яков жил тогда в далеком захолустье. Или когда он чересчур уж по-современному судит о характере войн, которые вел русский царизм. Но в целом читатель верит убедительности воспроизведения того пласта прошлой жизни, с которым знакомит повесть «Сквозь вековой туман».

И. ЭВЕНТОВ,
доктор филологических наук, профессор

Ленинград

УНИАТСКАЯ ЦЕРКОВЬ НА УКРАИНЕ

Более трех десятилетий прошло после самоликвидации униатской церкви, а потребность в литературе об этой церковной организации не только не сокращается, но, наоборот, возрастает. Это объясняется прежде всего активизацией униатских последышей, которые в свое время вместе с разгромленными гитлеровцами бежали из нашей страны при поддержке Ватикана создали так называемую «Украинскую

католическую церковь» во главе с кардиналом И. Слипым и ведут злобную клерикально - националистическую антисоветскую пропаганду, вдохновляемую и субсидируемую империалистическими силами. Встречаются еще рецидивы униатской идеологии и кое-где в западных областях Советской Украины. Все это и диктует необходимость давать решительный отпор враждебным идеологическим диверсиям, шире разъяснять идейную сущность униатства, его историю, антинародную деятельность, сотрудничество с гитлеровскими оккупантами. Украинские ученые и публицисты постоянно уделяют этой тематике самое пристальное внимание.

Остановимся на литературе, изданной только во Львове и только в последние годы. С начала 70-х годов здесь вышло около 30 книг на атеистические темы, из них более 10 посвящено критике униатства и тесно связанного с ним украинского буржуазного национализма. Издан также составленный научной библиотекой имени В. Стефаника библиографический указатель «Антинародная деятельность униатской церкви на Украине»[1].

В числе первых изданий следует отметить исторический очерк Ю. Сливки «Союз креста и капитала»[2], где большое место занимает история униатства, исследование губительной роли унии на Украине. В книге шаг за шагом начиная с конца IX века прослеживаются насильственные действия папства и его вассалов против русских княжеств. В конце XVI века большая часть юго-западной Руси (почти вся территория нынешней Украины) оказалась под гнетом государства, которое выступало как форпост Ватикана на востоке Европы. В этих условиях и была навязана Брестская церковная уния, которую автор определяет как «классовый союз польской шляхты и иезуитов с высшим православным духовенством и частью украинского магнатства в целью эксплуатации украинских трудящихся масс, а также их окатоличения и создания на Украине плацдарма для католической экспансии на русские земли».

Ю. Сливка приводит многочисленные факты массового сопротивления украинского трудового населения католическим поработителям. Значительное внимание в книге уделено анализу социальных функций униатской церкви в условиях капитализма, когда возник экономический союз униатской церкви и западноукраинской националистической буржуазии — «союз креста и трезубца».

Книга В. Добрычева «В тени святого Юра»[3] разоблачает униатские интриги против России, показывает, как накануне и в годы первой мировой войны униатское духовенство стремилось привить украинцам религиозный фанатизм и ненависть к братскому русскому народу. Автор впервые использовал ряд документов из архива митрополита униатской церкви А. Шептицкого, характеризующих его как активного сторонника австро-немецкой оккупации Украины, идейного вождя западноукраинской контрреволюции. В книге разоблачаются связи униатской иерархии с украинскими националистами и немецким фашизмом.

Заметным событием в идейной борьбе против униатства и украинского буржуазного национализма явилась книга К. Дмитрука «Не имеющие родины»[4]. Это публицистический очерк, в котором дан документальный портрет другого партнера зловещего союза креста и трезубца — украинского буржуазного национализма с его террористической ОУН (организацией украинских националистов). Автор впервые убедительно показал, как оуновцы помогали немецко-фашистским захватчикам готовить нападение на Советский Союз. Не последнюю роль в этом сыграли также иерархи униатской и украинской автокефальной церквей. Приводятся факты контактов униатской иерархии с руководством ОУН, от которой униатская пропаганда публично открещивалась и нередко даже лицемерно осуждала оуновцев за террористические акты против представителей польской буржуазной администрации.

В. Масловский в книге «Желто-голубая мафия»[5] впервые подробно рассказал о действиях на западноукраинских землях банд буржуазных националистов, к созданию которых немалые усилия прилагало и униатское духовенство. Значительные средства на их финансирование выделял митрополит Шептицкий через свой Земельный банк. В годы Великой Отечественной войны эти националисты осуществляли террористические акции против коммунистов, против всех, кто сотрудничал с революционными и прогрессивными организациями.

Антинародная сущность идейно-политического союза униатской церкви с национализмом стала предметом исследования В. Добрецовой в монографии «Национализм и религия на службе антикоммунизма»[6]. В книге впервые широко показана контрреволюционная деятельность клерикальных и буржуазно-националистических организаций в 20—30-е годы. Для организационного оформления сотрудничества униатской церкви и различных группировок украинского буржуазного национализма митрополит Шептицкий организовал тогда так называемый Украинский католический союз (УКС), главным политическим заданием которого была подготовка нападения на СССР.

Ряд новых материалов из архивов униатской митрополичьей консистории, бывшего Львовского воеводства, многочисленных периодических и других клерикально - националистических изданий за 1917—1944 годы использован в монографии «Униатская церковь — идейный враг трудящихся»[7]. Они характеризуют унию как орудие национального и духовного угнетения украинского народа, средство отрыва Украины от России, разжигания вражды между украинцами и русскими.

Продолжая традиции прогрессивных западноукраинских публицистов, которые активно выступали против униатства и украинского буржуазного национализма, львовские писатели и журналисты выпустили в издательстве «Каменяр» пять сборников «Пост Ярослава Галана». Это — публицистика, остро клеймящая антинародную деятельность униатской церкви и украинских буржуазных националистов. Данной проблематике посвящены также книги В. Беляева «Формула яда», Р. Дубовика «Настоящее лицо унии», В. Евлампиева «Солнце гасит свечи»[8] и другие.

Научное и публицистическое следствие по делу об антинародной деятельности униатской церкви и украинского буржуазного национализма на Украине далеко еще не закончено. Читатели высказывают пожелание, чтобы книги по этой тематике выпускались не только на украинском, как это было до сих пор, но и на русском языке. Это сделает их достоянием широкой читательской общественности во всех союзных республиках.

П. ПЕТЛЯКОВ,
кандидат исторических наук

г. Львов

ШИРОКИМ ПЛАНОМ

Р. Подольный. ВОКРУГ СВЕТА В СОРОК ТЫСЯЧ ЛЕТ. М., «Молодая гвардия», 1977, 285 стр., 50 000 экз., 81 коп. **Р. Подольный.** ДЕТИ ЗЕМЛИ. М., «Мысль», 1977, 170 стр., 65 000 экз., 35 коп.

Где впервые принялись люди приручать животных, выращивать урожай? В долинах великих рек Тигра и Евфрата, Нила, Инда — отвечали сравнительно недавно.

Сейчас доказано: уже в X—IX тысячелетиях до нашей эры в горах Курдистана, на севере Ирака занимались (не вернее ли будет сказать, начали заниматься?) земледелием и скотоводством, как и в горных районах нынешней Сирии, Ливана, Палестины, а в VIII и VII тысячелетиях до нашей эры — в Юго-Западном Иране; в VI тысячелетии — в горных районах Копет-Дага. Скотоводство, впрочем, как и земледелие, родилось в горных долинах: там, где росли дикие злаки, паслись и стада диких баранов, козлов, кабанов, быков.

---

[1] Антннародна діяльність уніатської церкви на Україні. Бібліографічний покажчик. Львів, 1976.

[2] Ю. Сливка. Союз хреста і капіталу. Львів, «Каменяр», 1970.

[3] В. Добричев. У тіні святого Юра. Львів, «Каменяр», 1970.

[4] К. Дмитрук. Безбатченки. Львів. «Каменяр», 1972.

[5] В. Масловський. Жовто-блакитна мафія. Львів, «Каменяр», 1975.

[6] В. Добрецова. Націоналізм і релігія на службі антикомунізму. Львів, видавництво при Львівському університеті, 1975.

[7] П. Петляков. Уніатська церква — ідейний ворог трудящих. Львів, видавництво при Львівському університеті, 1976.

[8] В. Бєляєв. Формула отрути. Львів, «Каменяр», 1971; Р Дубовик. Справжнє обличчя унії. Львів, «Каменяр», 1971; В. Євлампієв. Сонце гасить свічки. Львів, «Каменяр», 1974.

Новым формам хозяйствования, возникновению экономики, направленной на производство пищи, а не на присвоение готовых продуктов, в немалой степени содействовало и развитие палеолитического производства, ибо конец палеолита свидетельствует о своеобразной революции в технике каменного века. Человечество в те времена находилось на одном из крутых поворотов своей истории. Темп его «обживания» все увеличивался, ритм жизни, в том числе и духовной, ускорялся, расширились площади расселения.

Рассказ об этих знаменательных событиях в жизни человеческого общества — один из сюжетов книги «Вокруг света в сорок тысяч лет» Р. Подольного. Сорок, а возможно и больше, тысячелетий назад множество великих и малых открытий, путешествий, приключений, в том числе идей, вещей, изобретений, — все было тогда впервые, все только начиналось...

Данные современной науки отчетливо свидетельствуют о ложности мысли, будто какой-то народ избран богом и стал основателем всей земной цивилизации. Ложна и вредна эта идея, на какой бы основе она ни возникала и с каким бы народом ни связывала «начало начал».

Еще относительно недавно цивилизации древнего мира представлялись редкими островками в море дикости и варварства. Но благодаря открытиям науки эти «островки» слились и образовали широкий пояс земель, охватывающий буквально весь земной шар. К центрам цивилизации с несомненностью относятся и обширные районы Латинской Америки, Балканы, Африка — от Сенегала до Эфиопии... Кроме того, культура распространялась не только из таких центров на окраины, но и в обратном направлении — от окраин к центрам.

Великое богатство материальной и духовной культуры, справедливо подчеркивает автор книги, создавалось всем населением Земли в ходе его социально-экономического развития, в труде и борьбе. Преобразуя, совершенствуя самого себя, человек воздействовал и на окружающий Мир.

Многие проблемы затрагивает в этой интересной книге автор, не ограничиваясь вопросами, имеющими отношение лишь к древности. Во времени и в пространстве рассматривает и излагает он свои сюжеты, свободно передвигаясь в эпохах истории, открывая читателям немало важных и любопытных сведений, фактов из различных разделов современной науки, исследующей экономическую и социальную жизнь человечества, становление и формирование его культуры, историю материального мира. Рассказывается в книге, воспользуемся словами написавшего к ней послесловие члена-корреспондента АН СССР В. Л. Янина, и о странствиях, обогащающих каждого отдельного человека и человечество в целом, о накоплении опыта, о формировании культуры нашей планеты.

Такой же широкий подход к проблеме отличает другую книгу Р. Подольного — «Дети Земли». Автор определяет в ней свою локальную задачу — рассказать о влиянии географических условий, природы на человека, но решает ее, привлекая большой фактический материал из широкого круга научных дисциплин.

Как природные условия определили время и место появления на земном шаре пралюдей, какую роль сыграли они в формировании их биологического вида и рас — этот круг проблем до сих пор вызывает споры ученых, служит объектом столкновения различных точек зрения, а также кривотолков со стороны теологов.

Последняя, третья глава книги «Миры одного мира» излагает теории, факты и гипотезы в такой области, как отражение природных условий в национальном характере, мировоззрении, искусстве, науке. Все эти проблемы, как известно, недостаточно знакомы широкому читателю и поэтому нередко вызывают неверные суждения, даже прямые спекуляции защитников религии. Р. Подольный убедительно показывает четкую материалистическую основу таких явлений, их вполне земное происхождение.

Итак, перед читателем две книги по истории, но, оказывается, не только о ней. Авторский замысел, его решение, большая информативность несут в себе и глубокий атеистический, мировоззренческий смысл.

А. СЕМЕНОВ

НАПЕЧАТАНО В 1978 ГОДУ

ИЗ ЛЕНИНСКОГО ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ДЕЙСТВИИ

КОММУНИЗМ ВОЗВОДИТЬ МОЛОДЫМ

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

СЛОВОМ ПЕЧАТНЫМ И СЛОВОМ ЗВУЧАЩИМ

ВОСПИТЫВАТЬ РАБОЧУЮ СМЕНУ

ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, ТРАДИЦИИ

ЧИТАТЕЛЬ СООБЩАЕТ, СОВЕТУЕТ, СПРАШИВАЕТ

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ

АДВЕНТИСТЫ И АДВЕНТИЗМ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ

ГОРИЗОНТЫ НАУКИ

У НАС В ГОСТЯХ «ЗЕМЛЯ И ВСЕЛЕННАЯ»

ПРИРОДА И РАЗУМ

ЧЕЛОВЕКУ О ЧЕЛОВЕКЕ

ЗЕМНЫЕ КОРНИ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО

У НАШИХ ДРУЗЕЙ

ЗА РУБЕЖОМ

ЛИТЕРАТУРА. ИСКУССТВО

150 лет со дня рождения Л. Н. Толстого

* * *

НОВИНКИ ЛИТЕРАТУРЫ

М. Н. Верников. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КРИЗИСА ФИЛОСОФСКОГО ИДЕАЛИЗМА. На материалах польской философии конца XIX — первой трети XX в. Киев, «Наукова думка», 1978, 407 стр., 1250 экз., 1 руб. 40 коп.

А. И. Виноградов. ДЕЙСТВЕННАЯ ФОРМА АТЕИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ. М., Об-во «Знание» РСФСР, 1978, 46 стр., 10 000 экз., 7 коп.

Ю. П. Зуев. ПСЕВДОГУМАНИЗМ ХРИСТИАНСКОЙ ПРОПОВЕДИ ЛЮБВИ К БЛИЖНЕМУ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 9), 1978, 64 стр., 52 420 экз., 11 коп.

«КАНТ И КАНТИАНЦЫ». Критические очерки одной философской традиции. М., «Наука», 1978, 359 стр., 10 500 экз., 1 руб. 40 коп.

В. Н. Кузнецов. ФРАНСУА МАРИ ВОЛЬТЕР. М., «Мысль» (Мыслители прошлого), 1978, 223 стр., 60 000 экз., 25 коп.

В. И. Ленин. СОЦИАЛИЗМ И РЕЛИГИЯ. — ОБ ОТНОШЕНИИ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ К РЕЛИГИИ. Изд. 2-е, М., Политиздат, 1978, 24 стр., 100 000 экз., 3 коп.

С. Марков. ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ ИСПОВЕДЬ? М., Политиздат, 1978, 87 стр., 200 000 экз., 15 коп.

Г. С. Маслова. ОРНАМЕНТ РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКИ КАК ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК. М., «Наука», 1978, 207 стр. с илл., 17 200 экз., 2 руб. 20 коп.

«ПАМЯТНИКИ АРХИТЕКТУРЫ В СТРУКТУРЕ ГОРОДОВ СССР». М., Стройиздат, 1978, 208 стр. с илл., 10 000 экз., 2 руб. 90 коп.

А. Д. Сухов. РУССКИЙ АТЕИЗМ И ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. М., «Знание» (серия «Научный атеизм», № 8), 1978, 63 стр., 52 420 экз., 11 коп.

СТАТЬИ В ЖУРНАЛАХ И СБОРНИКАХ, РАЗДЕЛЫ В КНИГАХ

М. В. Андреев, А. Н. Глинкин. Весомый вклад в изучение истории католицизма и стран Латинской Америки. «Вопросы истории», 1978, № 6, стр. 145—151.

В. Г. Бритвин, В. А. Мансуров. Опыт исследования мировоззренческих представлений молодежи. «Социологические исследования», 1978, № 3, стр. 103—109.

Л. И. Греков. Рецензия на кн. «Современная буржуазная философия и религия», «Вопросы философии», 1978, № 8, стр. 172—176.

Б. Т. Григорьян. Буржуазная философская антропология сегодня. «Вопросы философии», 1978, № 5, стр. 119—130; № 6, стр. 101—111.

В. Емельянов. Сионизм без маски (рецензия на кн.: В. Бегун. Вторжение без оружия). «Наш современник», 1978, № 8, стр. 188—191.

Сдано в набор 14. 09. 78.
Подписано к печати 27.10.78.
А 05349.
Формат издания 60×90/8.
Глубокая печать.
Условных печатных листов — 10.
Учетно-издательских листов — 14,08.
Тираж 440 000 экз.
Зак. 04502.
Адрес редакции:
109004, Москва,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89
Ордена Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна»
г. Киев, Брест-Литовский
проспект, 94.

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

В 1979 году журналу «Наука и религия» исполняется 20 лет. Всех наших читателей — и тех, кто давно знаком с журналом, и тех, кто недавно стал его подписчиком, — мы просим принять участие в этой анкете. Она поможет нам подвести итоги 20 лет, наметить планы на будущее, полнее удовлетворять интересы читателей.

Если Вы захотите ответить на какой-то вопрос подробнее, высказать замечания или предложения, не предусмотренные анкетой, пожалуйста, напишите их нам на отдельном листке и пришлите вместе с анкетой.

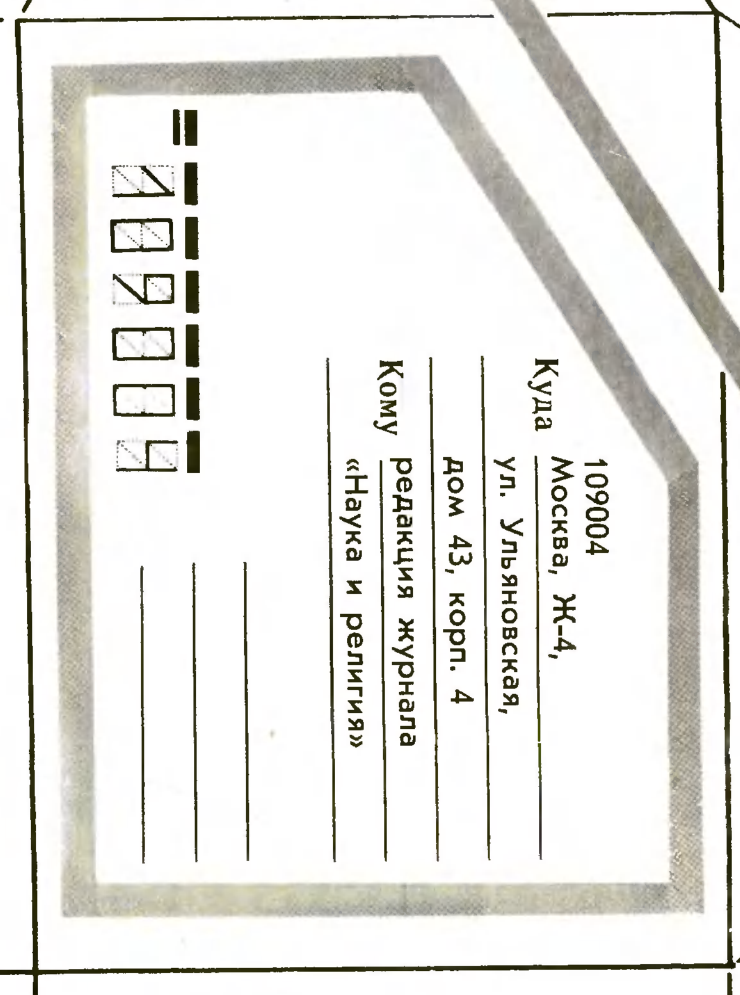
1. Как давно Вы читаете наш журнал?

2. Какие разделы, рубрики для Вас наиболее интересны?

3. Какие публикации Вам понравились, запомнились?

4. Что не понравилось и почему?

Вторая линия сгиба

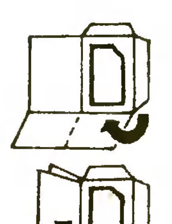

Первая линия сгиба

5. **Ваше мнение об оформлении журнала.**

6. **О чем Вы хотели бы прочесть в журнале!**

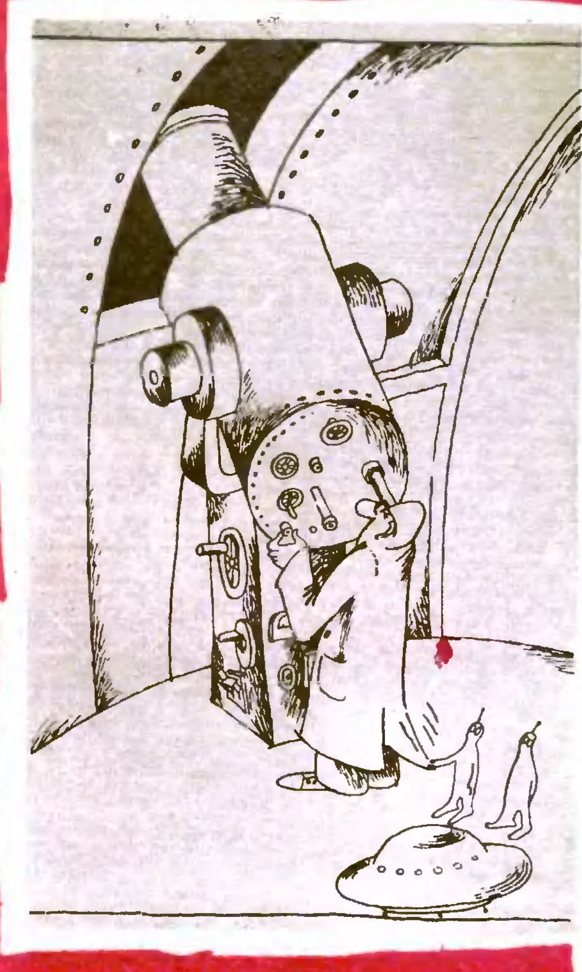
Ваша специальность, образование, возраст, фамилия, имя, отчество и адрес (фамилию, имя, отчество и адрес можно не сообщать).

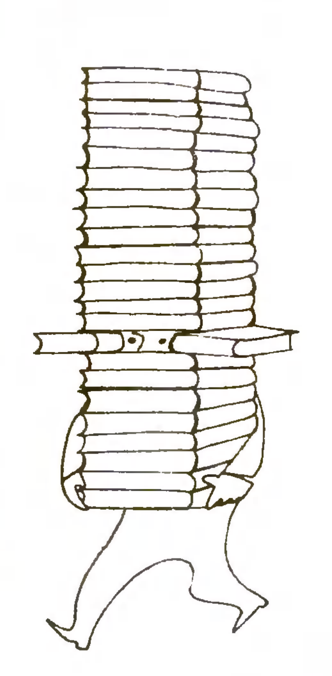

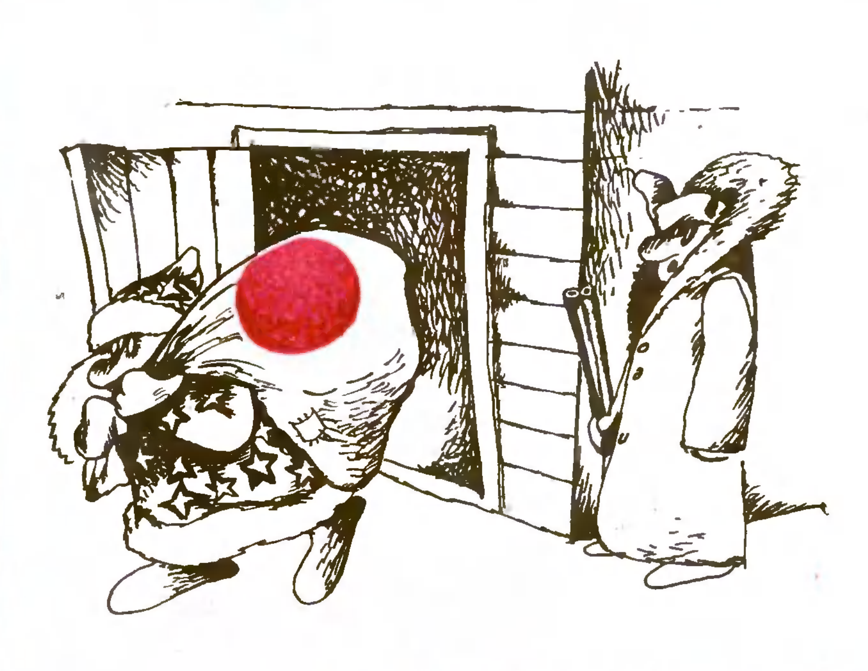

Вырежьте этот листок, впишите ответы, склейте, перегнув, как указано, и опустите в почтовый ящик без марки.

Рисунки В. СКРЫЛЕВА и В. СМИРНИЦКОГО.

Цена 30 коп.
70602

33-13